

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 6 (175) июнь 2025

В НОМЕРЕ:

Ручкина Г. Ф.

Подготовка квалифицированных кадров
как важнейшее условие обеспечения
технологического суверенитета
в Российской Федерации: правовые механизмы
и стратегия развития высшего образования

Лаптев В. А.

Корпоративное управление предприятиями
оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм

Кочои С. М.

Уголовно-правовая норма о легализации
имущества, приобретенного лицом в результате
совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ):
инструмент борьбы с преступностью
или «дубина» в руках правоприменителя?

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 6 (175) ИЮНЬ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 28.06.2025
Объем 19,99 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 6 (175) JUNE 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.06.2025
Volume: 19.99 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Полежаева К. О. Церковная татьяба и святотатство в отечественном праве X–XVII вв.	11
--	----

ТЕОРИЯ ПРАВА

Филин А. Ю. Интегративное понимание сущности государства: прогресс или заблуждение?	25
--	----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Гошуляк В. В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации	35
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Косов А. И. Основные модели реализации требований солидарных кредиторов.	45
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Клепинин П. А. Проблема разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях	57
Томбулова Е. Г. Бездействие субъектов доказывания как форма правомерного процессуального поведения по гражданским делам	64

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Лаптев В. А. Корпоративное управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм	75
Зубарев Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз»	86

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кантемиров Р. М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта	97
--	----

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Менкенов А. В. Пределы хозяйской власти работодателя в условиях цифровизации: мониторинг исполнения работниками трудовых обязанностей	111
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Кочои С. М.** Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? 119

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Сафронов А. Ю.** Обеспечение полноты представляемых суду материалов в уголовном процессе в условиях конкуренции гласности, тайны следствия и состязательности 130
- Хайдаров А. А.** Ознакомление обвиняемого и его защитника с заключением эксперта в отечественном уголовном процессе: пробелы в праве и коллизии в практике 137

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Мальханова Е. В.** Бассейновый принцип организации и деятельности прокуратуры 148

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Ручкина Г. Ф.** Подготовка квалифицированных кадров как важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета в Российской Федерации: правовые механизмы и стратегия развития высшего образования 157

Contents

PAGES OF HISTORY

Polezhaeva K. O. The Church Theft and Sacrilege in Domestic Law from the 10th to the 17th Centuries	11
---	----

THEORY OF LAW

Filin A. Yu. Integrative Understanding of the Nature of the State: Progress or Misconception?	25
---	----

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Goshulyak V. V. The Ideology of Conservatism in the Updated Constitution of the Russian Federation	35
--	----

CIVIL AND FAMILY LAW

Kosov A. I. Primary Models for Implementing the Claims of Joint Creditors	45
--	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Klepinin P. A. The Issue of Delimiting Jurisdiction between Arbitrazh Courts and General Jurisdiction Courts in Cases Involving Administrative Offenses	57
Tombulova E. G. Inactivity of the Participants in Evidence Presentation as a Form of Lawful Procedural Conduct in Civil Cases	64

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Laptev V. A. Corporate Governance of Defense Industry Entities: A Paradigm Shift	75
Zubarev N. S. An Offer as a Legal Regulatory Instrument for Entrepreneurial Activity with the Use of Marketplaces: The Case Study of «Ozon» and «Wildberries»	86

INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL PROTECTION

Kantemirov R. M. Criteria for the Emergence of Co-Authorship in the Creation of Works Using Generative Artificial Intelligence	97
--	----

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

Menkenov A. V. The Limits of Employer Authority in the Digital Age: Monitoring Employee's Duties Performance	111
--	-----

CRIMINAL LAW

Kochoi S. M. Criminal Law Norma on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Russian Criminal Code): A Tool in the Fight Against Crime or a «Club» in the Hands of Law Enforcement?	119
---	-----

CRIMINAL PROCEDURE

- Safronov A. Yu.** Ensuring the Completeness of Materials Submitted
to the Court in Criminal Proceedings amid the Tension
between Publicity, Investigative Secrecy, and Adversarial Principles 130
- Khaidarov A. A.** Access to Expert Opinions for the Accused
and Defense Counsel in Russian Criminal Proceedings:
Gaps in Law and Judicial Practice Conflicts 137

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Malkhanova E. V.** The Basin Principle in the Organization
and Functioning of the Prosecutor's Office 148

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Ruchkina G. F.** Training Qualified Personnel as a Key Condition
for Ensuring Technological Sovereignty in the Russian Federation:
Legal Mechanisms and Higher Education Development Strategy 157

Церковная татьба и святотатство в отечественном праве X–XVII вв.

Аннотация. Допетровский период (X–XVII вв.) сыграл важнейшую роль в формировании церковной татьбы и святотатства как составов наказуемых деяний в отечественном праве. Привлечение обширного нормативно-правового материала как государственного, так и канонического характера и представление панорамы развития составов этих правонарушений в течение восьми веков позволяют проследить логику законодателя в части регулирования ответственности за совершение церковной татьбы и святотатства. Делается вывод о том, что памятники права домонгольского периода содержат положения о церковной татьбе, но не ее дефиницию. Хотя уже для них характерны отнесение церковной татьбы к формам хищения и соотнесение с квалифицированной кражей. Другой особенностью права этого времени является слабое развитие института *res divini iuris* (вещей божественного права), известного в римском и византийском праве, или подобного ему. Хотя вещи, сопоставимые с вещами божественного права, являются основным объектом преступления церковной татьбы, и их защита полностью направлена на их материальную сохранность и целостность, круг этих вещей законодателем точно не определяется. Эта тенденция характерна и для XIII–XVII вв. В этот же период законодатель устанавливает смертную казнь за церковную татьбу, хотя за другие формы хищения она предусматривается в случае рецидива. В ходе кодификации XVII в. и принятия Соборного уложения законодатель относит церковную татьбу к имущественным преступлениям, в отличие от прочих религиозных правонарушений. Святотатство как наказуемое деяние впервые раскрывается в актах церковной власти XVI в., посвященных толкованию правил святых апостолов; как преступление в государственном праве X–XVII вв. оно не фигурирует. Отсюда можно утверждать, что в течение изучаемого периода святотатство не заменяет и не является преемником церковной татьбы: оба состава правонарушения долгое время развиваются параллельно и едва ли не независимо друг от друга.

Ключевые слова: история России; история права России; каноническое право; уголовное право; преступление; религиозное преступление; хищение; церковная татьба; святотатство; *res divini iuris*.

Для цитирования: Полежаева К. О. Церковная татьба и святотатство в отечественном праве X–XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 11–24. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.011-024.

© Полежаева К. О., 2025

* Полежаева Ксения Олеговна, аспирант кафедры церковно-практических дисциплин Религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Русской православной церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» Пятницкая ул., д. 4/2 стр. 5, г. Москва, Российская Федерация, 115035
kseniya-polezhaeva@yandex.ru

The Church Theft and Sacrilege in Domestic Law from the 10th to the 17th Centuries

Kseniya O. Polezhaeva, Postgraduate Student, Department of Church-Practical Disciplines of the Religious Organization — Spiritual Educational Institution of Higher Education of the Russian Orthodox Church «All-Church Graduate School and Doctoral Studies named after Saints Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius», Moscow, Russian Federation
kseniya-polezhaeva@yandex.ru

Abstract. The pre-Petrine period (10th–17th centuries) played a crucial role in the formation of the categories of the church theft and sacrilege as punishable offenses in Russian law. Incorporation of extensive normative materials both of state and canonical nature, as well as an overview of the development of the offenses under consideration over eight centuries, leads to understanding the law-maker's rationale in regulating liability for the commission of the church theft and sacrilege. The author concludes that legal landmarks of the pre-Mongol period contain provisions concerning the church theft, though not its formal definition. Nonetheless, these texts characterize the church theft as a form of misappropriation and as a qualified theft. Another distinctive feature of the law of this period is an underdeveloped concept of *res divini iuris* (things of divine law), known in Roman and Byzantine law, or its analogues. Although, substantively, the protection of items comparable to those considered as *res divini iuris* constitutes the main object of the crime of the church theft and aims entirely at their material preservation, the law-maker failed to define the scope of these categories precisely. That tendency persisted throughout the 13th to 17th centuries as well. At the same time, during this period, the law-maker envisaged the death penalty for the church theft, whereas other forms of theft were subject to recidivism penalties. In the course of the 17th-century codification and adoption of the *Sobornoye Ulozheniye*, the law-maker classified the church theft as a property crime, distinguishing it from other religious offenses. Sacrilege as a punishable act first appears in the 16th-century ecclesiastical authorities' decrees that interpreted the rules of the Holy Apostles; however, from the 10th to the 17th centuries, sacrilege was not mentioned as a crime in state law. Therefore, it can be argued that throughout the period under examination, sacrilege neither supplanted nor succeeded the church theft: for an extended time, both offenses developed in parallel and independently of one another.

Keywords: History of Russia; history of Russian law; canonical law; criminal law; crime; religious crime; theft; церковный theft; sacrilege; *res divini iuris*.

Cite as: Polezhaeva KO. The Church Theft and Sacrilege in Domestic Law from the 10th to the 17th Centuries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):11-24. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.011-024.

Введение

Состав святотатства (греч. ἱεροσυλία; лат. sacrilegium) как наказуемого деяния выделяется в

римском праве языческой эпохи и развивается с распространением христианства¹. Святотатство понимается как хищение и/или осквернение вещи божественного права². В канонах³ мы

¹ Burczak K. Sacrilegium in Gratian's Decretum / transl. from Polish by D. Wębeniec. Lublin, 2012. P. 27–29.

² Сам по себе институт вещей божественного права (*res divini iuris*: *res sacrae*, *res religiosae*, *res sanctae*) заслуживает специального исследования. В рамках отечественной историографии не найден консенсус даже в части перевода терминов, связанных с этим институтом. Мы придерживаемся мнения, что применительно к римскому праву *res sacrae* соответствуют священным вещам, *res religiosae* — предметам поклонения, *res sanctae* — в определенном смысле вещам божественного права (см.: Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М., 2020. С. 72). В церковном праве наиболее близкой к *res sacrae* является категория священнотатства, а к *res religiosae* — освященных.

³ В корпус канонических норм о святотатстве входят 72-е и 73-е правила святых апостолов и дополняющие их 6-е и 8-е правила святого Григория Нисского, а также 10-е правило Двукратного Константинопольского

обнаруживаем двуприродность святотатства — как преступления против собственности и как религиозного преступления, но направленного против конкретных объектов материального мира: священных⁴, освященных⁵ или иных вещей божественного права.

«В древнерусском уголовном праве святотатство прошло сложный путь трансформации юридического состава и признаков»⁶. Представленная статья посвящена исследованию церковной татьбы и святотатства как наказуемого деяния в отечественном праве допетровского времени, начиная с первых нормативных правовых актов Древней Руси, в которых законодатель специально выделяет такие составы, как татьба (неправомерное изъятие чужого имущества с корыстной целью)⁷ и церковная татьба (неправомерное изъятие предметов, соотносимых с вещами божественного права), и вплоть до времени правления Алексея Михайловича. Статья поделена на две части: в первой рассматриваются памятники права домонгольского периода (X–XII вв.), во второй — нормативные правовые акты с XIII по XVII вв. Мы не освещаем полемику относительно датировок и атрибуции отдельного памятника, придерживаясь общепринятых: в данном иссле-

довании нас интересует прежде всего принадлежность нормативного правового акта к тому или иному периоду, вынесенному в заглавие.

Цель статьи — панорамное исследование проблематики, установление логики государственного законодателя в части регулирования ответственности за совершение церковной татьбы и святотатства. Отсюда основной корпус источников составляют правовые нормы. Работа может обозначить причинно-следственные связи в установлении ответственности за церковную татьбу и святотатство и лечь в основу более узконаправленных исследований как правового, в том числе канонического, так и исторического характера.

Церковная татьба в X–XII вв.

К древнейшим памятникам отечественного права относятся договоры с греками, заключенные в течение X в., еще до принятия христианства. Известны четыре подобных договора: Олега 907 и 911 гг., Игоря 945 г. и Святослава 971 г. Нормы договоров включают в себя отсылки к законам греческому и русскому. Татьбе посвящена статья 6 Договора 911 г.⁸ Положение, с од-

собора. См.: Полежаева К. О. Каноны Православной церкви о святотатстве // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 131–147.

⁴ «В церковном праве к священным вещам принято относить: церкви, храмы, здания, назначенные для общественного богослужения и освященные по-особому чиноположению, сосуды и орудия, служащие для таинства евхаристии (чаша (потир), дискос или блюдо для святого хлеба, лжица для причащения, копия и дарохранительница), а также иные на престольные вещи (антиминс, Евангелие, кресты, образа, украшения и оклады на этих предметах, мощи, покрывала священников, одежды на престоле и жертвенник)» (Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А. С. Павлова. Сергиев Посад, 1902. С. 447–448). Современный исследователь канонического права протоиерей Владислав Цыпин почти дословно повторяет положения курса А. С. Павлова (см.: Каноническое право / протоиер. Владислав Цыпин. М., 2009. С. 726–731).

⁵ «К освященным вещам относятся: недвижимые — молитвенные дома, часовни и кладбища; движимые — купели и другие сосуды для водоосвящения, ковши, кропила, ризы или облачения священнослужителей, покровы на аналоях, кадильницы, паникадила, лампы, подсвечники и поставленные уже в них свечи, богослужебные книги и колокола» (Курс церковного права. С. 447–448).

⁶ Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Эволюция святотатства как уголовно наказуемого деяния в древнерусском праве и в Российском имперском законодательстве // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 252.

⁷ Лоба В. Е., Якушев А. Н. Русская Правда о наказаниях за преступления против собственности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1.

⁸ Памятники русского права. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства, X–XII вв. / сост.: А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7–8.

ной стороны, закрепляет запрет убийства лица, совершающего хищение на месте и в момент совершения преступления, а с другой — устанавливает ответственность за насильственное присвоение чужой вещи. Наказание — штраф, равный тройной стоимости похищенной вещи. Сходную диспозицию встречаем в статье 6 Договора 944 г.⁹, отличающейся, однако, санкцией. Виновное лицо возвращает потерпевшему, если похищенная вещь сохранилась, вещь и ее рыночную стоимость, если продана — двойную цену вещи. Норма не предусматривает возможность убийства виновного лица на месте и в момент совершения преступления. Наказание преступнику устанавливается в соответствии с обычаем и по уставу греческому и обычаю русскому. В договорах 911 г. (ст. 7) и 944 г. (ст. 5) также присутствует ряд элементов таких составов, как кража, грабеж и разбой¹⁰. В целом Договором 944 г. урегулирован широкий круг вопросов в сфере защиты собственности. Кражи вещей, соотносимых с вещами божественного права, как квалифицирующего признака хищения мы не встречаем, хотя даже названные договоры включают упоминания языческих богов¹¹, а следовательно, предполагают существование неких объектов, связанных с куклами, — квазивещей божественного права. С другой стороны, для Руси этого периода (до возведения Десятиной церкви и Софийского собора в Киеве) нехарак-

терно масштабное культовое строительство: объекты религиозного поклонения (капища, идолы) находились на открытой территории, а их статус значительно отличался от традиций языческого Рима.

Хотя в Древнейшей Правде отсутствует состав кражи (татьбы)¹², в дальнейшем состав этого преступления попадает в Русскую Правду¹³. Объект преступления — собственность¹⁴, предмет — имущество. В Русской Правде квалифицированным составом татьбы по предмету является конокрадство (ст. 13 Краткой редакции, ст. 35 Пространной редакции), квалифицированным способом причинения имущественного вреда — поджог (ст. 83 Пространной редакции)¹⁵. В обеих редакциях мы не встречаем санкции за хищение вещей, которые можно сопоставить с вещами божественного права, — священными и освященными. Это можно объяснить тем, что подобные преступления подлежат духовному суду¹⁶, особенности которого зафиксированы в княжеских уставах.

Сами по себе уставы князей Владимира, Ярослава Владимировича, Всеволода Мстиславича являются краткими кодексами норм, регулирующих взаимоотношения между церковью и государством¹⁷. «Они характеризуют правовое положение духовенства и объем юрисдикции русской церкви»¹⁸. Устав князя Владимира «закрепляет неограниченную юрисдикцию церкви

⁹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 32–33.

¹⁰ Буз С. А. Уголовная ответственность за кражу чужого имущества в законодательстве монархической России X–XVIII вв. // Общество и право. 2004. № 2 (4). С. 42–47.

¹¹ Есипов В. В. Святотатство в истории русского законодательства. Варшава, 1893. С. 1.

¹² Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М., 2002. С. 363.

¹³ Елисеев С. А. Преступления против собственности по древнерусскому праву и законодательству русского централизованного государства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 1. С. 6–11.

¹⁴ Лоба В. Е., Якушев А. Н. Указ. соч. ; Анисимов В. Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения // Вестник Югорского государственного университета. 2009. Вып. 4 (15). С. 52–58.

¹⁵ Анисимов В. Ф. Указ. соч.

¹⁶ Есипов В. В. Указ. соч. С. 5.

¹⁷ См. подробнее: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин. М., 1976.

¹⁸ Памятники русского права. Вып. 1. С. 235.

по подобным делам и по делам о проступках против христианской нравственности»¹⁹. Статья 4 (норма повторяется во многих редакциях, например, в Оленинской и Синодальной)²⁰ провозглашает освобождение духовенства и патронируемых церковью людей из-под государственной власти²¹. Здесь же обнаруживаем ссылку на византийский Номоканон (манакаун)²². Устав (ст. 3 Второй редакции, ст. 6 Третьей редакции) содержит предмет общего церковного суда, в который, помимо прочего, включены и противоправные деяния в отношении вещей, соотносимых с вещами божественного права. Так, в Уставе можем обнаружить следующие составы преступления (комментарии в скобках — А. С. Павлова): «церковная татьба (кража из церкви), крест посекуть (повреждение или уничтожение символов христианской веры, которые ставились на улицах, на полях и дорогах), на стенах режут (обезображивание креста на стенах христианских домов, то есть повреждение культовых христианских сооружений), мртвецы сволочать (надругательство над трупом или могилой, ограбление покойника или места захоронения)»²³.

Элементы посягательства на чужое имущество мы видим не только в объективной стороне церковной татьбы, но и в части ограбления мертвых, что подтверждается положениями глав 29 (о разграблении могил) и 30 (о церковной татьбе) Закона Судного людем (входит в состав Устюжской кормчей и Кормчей русского извода²⁴), которые содержат упоминание хище-

ния. Сам по себе состав преступления церковной татьбы в Уставе князя Владимира наименее раскрыт. Очевидно, речь идет о квалифицированном признаке хищения (скорее всего — тайного, т.е. кражи), однако предмет или место изъятия не уточняются. Более подробное описание объективной стороны церковной татьбы встречаем в уже упомянутой главе 30 Закона Судного людем, которая, по справедливому замечанию В. В. Есипова²⁵, является переводом Прохирона, а также соответствует и диспозиции п. 15 титула XVII Эклоги²⁶. Согласно норме наказуемы такие деяния: проникновение днем или ночью в алтарь и похищение святых сосудов или всякой вещи (более тяжкое преступление, строже санкция — ослепление); хищение из церкви, но вне алтаря, всякой вещи (санкция — телесное наказание и острижение). Вероятно, точный состав преступления церковной татьбы Церковь определяет самостоятельно. Санкции за совершение религиозных преступлений и проступков в Уставе князя Владимира не указаны: вполне возможно, они устанавливаются непосредственно Номоканоном (так, в Законе Судном людем санкции предусмотрены). Аналогичные нормы встречаем и в Уставе князя Всеволода (ст. 9)²⁷, тоже без санкции.

Отметим и другую норму, связанную с церковной татьбой: согласно ст. 53 Восточно-русской редакции Устава князя Ярослава²⁸ кража из церкви является одним из оснований для развода. Одновременно в Правосудии митрополичьем (ст. 4)²⁹ подобного не находим.

¹⁹ Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.

²⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 13–24.

²¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 248.

²² Памятники русского права. Вып. 1. С. 248.

²³ Курс церковного права. С. 447–448.

²⁴ URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kormchaja-kniga/> (дата обращения: 22.08.2024).

²⁵ Есипов В. В. Указ. соч. С. 18.

²⁶ Эклога : Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 69.

²⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 155–156.

²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 90.

²⁹ Цит. по: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 127.

Церковная татьба и святотатство в XIII–XVII вв.

В мировой истории крупнейшим актом святотатства в XIII в. стало разграбление Константинополя в ходе Четвертого крестового похода 9–13 апреля 1204 г.³⁰ Пострадала и в дальнейшем не была восстановлена церковь Святых Апостолов, усыпальница византийских императоров, могилы которых также были разграблены. Подверглась нападению и Святая София: была вывезена церковная утварь, разбит алтарь. Многие античные и средневековые памятники были либо уничтожены (в том числе переплавлены), либо захвачены и вывезены.

Одновременно «на Руси мощный удар по церковной собственности нанесли монголо-татарское нашествие и золото-ордынская политическая зависимость на первом ее этапе, когда захватчики не выделяли церковь, грабя всё подряд»³¹. Мы не имеем возможности подробно осветить эти акты святотатства ввиду разобщенности, а подчас и отсутствия, нормативно-правовой базы³².

С. А. Лукьянов и А. Г. Удодов³³ приводят аргументы в пользу того, что в дальнейшем, с закреплением ханской власти, «церковная собственность была защищена от посягательств ханскими ярлыками. В частности, ярлык ханши Тайдулы от 7 марта 1351 г. предписывал, что никто не вправе отнимать или осквернять церковное имущество. Ярлык 1379 г. защищал

церковь и ее людей от постоа, а храмы от разрушения»³⁴. «Получение ярлыков церковными иерархами было актом, аналогичным получению ярлыков князьями»³⁵. Однако описанные нормы соблюдались не всегда³⁶ (как и в домонгольский период: например, при разграблении Киева Андреем Боголюбским в 1169 г.³⁷ была похищена византийская икона, ныне известная как Богоматерь Владимирская и хранящаяся в Государственной Третьяковской галерее).

В течение XIII–XVII вв. появляется первый нормативный акт собственно государственного права, содержащий положения об ответственности за хищение предметов, соотносимых с вещами божественного права, — Судебник 1497 г.

Впрочем, прежде обратимся к Псковской судной грамоте. Статья 7 акта предполагает смертную казнь для храмского/кромского (в зависимости от толкования рукописи), коневого татя, переветника (изменник) и зажигальника (поджигатель). Сегодня нет единого мнения относительно содержания понятия храмского/кромского татя из этой статьи³⁸. Если мы обратимся к статье 8, устанавливающей ответственность за татьбу, совершенную на посаде, то здесь законодатель заявляет квалифицирующим признаком хищения место изъятия предмета, а равно рецидив. Статья 7 построена несколько иначе: квалификация хищения коня, очевидно, следует не за местом, а за предметом; причинение имущественного вреда путем поджога —

³⁰ См., например: *Zorzi A. La Repubblica del Leone: Storia di Venezia. Milano, 2001* ; *Phillips J. The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. London, 2004* ; *Roudometof V. Globalization and Orthodox Christianity: The Transformations of a Religious Tradition. Routledge, 2014*.

³¹ *Охотина Н. А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России : сборник статей. М., 1990. С. 68.*

³² Правовой статус ярлыков представляет несомненный интерес, однако выходит за рамки настоящего исследования.

³³ *Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.*

³⁴ *Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.*

³⁵ *Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.*

³⁶ *Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.*

³⁷ См., например: *Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М., 2007.*

³⁸ В. В. Есипов довольно подробно освещает толкования: *Есипов В. В. Указ. соч. С. 8–13. См. также: Памятники русского права. Вып. 2 : Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / под ред. засл. деят. науки проф. С. В. Юшкова ; сост. доц. А. А. Зимин. М., 1953. С. 334–335 ; Псковская судная грамота // URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 22.08.2024).*

за способом (тяжесть подобных преступлений оговаривается еще в Русской Правде; за эти преступления согласно Пространной редакции предусматривается смертная казнь). Состав преступления переветника наименее уточнен, ясно, однако, что соответствующая норма направлена на охрану государственной власти. Относительно толкования храмского/кромского татя мы склонны соглашаться с теми, кто в ст. 7 видит хищение из Крома (Кремля)³⁹. При этом в Средние века территория Псковского Крома⁴⁰ включала несколько церквей, в которых находились городские ценности. В условиях активного распространения городских ересей в середине XIV в. в Новгороде⁴¹ и Пскове⁴², возможно, наказания за церковную татьбу и другие религиозные преступления оставались введении Церкви, которая, в свою очередь, опиралась на кормчие книги. Мы считаем, что законодатель в норме определяет особый предмет охраны, к которому относилось не столько церковное имущество, сколько городское. В таком случае мы наблюдаем здесь обобщенную охрану предметов, соотносимых с вещами божественного права. Относительно статьи 35, которая содержит положения о месте присяги в процессе расследования татьбы, мы отмечаем, что, действительно, татьба из церкви стоит в одном ряду с татьбой на пригороде и на торгу (законодатель выдерживает логику и разделяет преступления по месту совершения), однако, обращаясь еще

раз к устройству Псковского Крома в Средние века, видим: территория его слишком обширна, чтобы законодатель не уточнил конкретнее место совершения преступления. К тому же Псковская Судная грамота имела ограниченную территориальную подсудность. Поэтому «храмская/кромская татьба» — более широкое понятие, чем «татьба церковная». Наша позиция может быть оспорена.

Статья 9 Судебника 1497 г. впервые прямо закрепляет ответственность за церковную татьбу. Церковному татю грозит смертная казнь, равно как государственному убийце (убийство господина), коромолнику (государственная измена), головному татю (хищение холопа или убийство)⁴³, подымщику (заведомо несправедливое обвинение в преступлении или шпионаж), зажигалнику (поджог), ведомому лихому человеку (рецидивисты, особо опасные преступники). Таким образом, в один ряд с названными преступлениями встают две квалифицированные татьбы: церковная и головная. Иные хищения в части санкции приравняются к ним только в случае рецидива. Законодатель в ст. 8 определяет формы хищения и отделяет татьбу от разбоя. Подобные тенденции зафиксированы и в ряде других документов эпохи, например в Грамоте великого князя Василия Васильевича князю Дмитрию Юрьевичу⁴⁴, Новгородской судной грамоте (ст. 36)⁴⁵, Судебнике Ивана IV 1550 г. Церковная татьба здесь в части санкции

³⁹ Комментарии академического издания Грамоты 1940 г. содержат примеры из летописей, согласно которым Псковское вече осуществляло суд за кражу в Кромю. См.: Псковская судная грамота // URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 22.08.2024).

⁴⁰ *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М., 1993. С. 101–103.

⁴¹ См., например: *Манохин А. А.* «Новгородские злые ереси» конца XV века. М., 2023.

⁴² См., например: *Поппэ А. В.* Еще раз о названии новгородско-псковских еретиков стригольниками // *Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 204–208; *Алексеев А. И.* К изучению ереси стригольников // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 4 (18). С. 22–34; *Он же.* Стригольники: Обзор источников // *Вестник церковной истории*. 2012. № 3/4 (27/28). С. 151–203.

⁴³ См.: *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. тома А. Д. Горский ; рец. В. И. Корецкий. М., 1985.

⁴⁴ «А татя, разбойника, рубежника, беглеца по исправе выдати» (Памятники русского права. Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. проф. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 268).

⁴⁵ *Памятники русского права*. Вып. 2. С. 217.

(смертная казнь) вновь сопоставляется с головной татьбой и другими преступлениями против власти и, в отличие от других видов хищений, не предусматривает рецидив.

К ведению церковных судов согласно Псковской судной грамоте (ст. 109)⁴⁶, Судебнику 1497 г. (ст. 59)⁴⁷, Судебнику 1550 г. (ст. 91)⁴⁸ относятся преимущественно дела по личным искам: разбор брачных и семейных споров, отношения между родителями и детьми, дела о наследстве. Наиболее важные уголовные дела — душегубство и разбой с поличным, — хотя бы и совершенные лицами, подсудными церковному суду (духовенство, а также патронируемые церковью люди), подлежат рассмотрению исключительно государственными органами. В XVI в. судопроизводство по религиозным преступлениям происходит следующим образом: сначала деяние квалифицирует церковный суд согласно канонам, а затем на основе этой квалификации уже «светский суд принимает окончательное решение. Такая практика меняется с принятием Соборного уложения 1649 г.: теперь светская власть обладает всей полнотой власти»⁴⁹ в части вынесения решений по таким делам, церковная власть исполняет консультативную функцию.

В главе 53 важнейшего акта церковной власти середины XVI в. — Стоглавого собора 1551 г. — находим интерпретацию 72-го⁵⁰ и 73-го⁵¹ правил святых апостолов. Стоглав вы-

деляет два правонарушения, не называемые прямо ни церковной татьбой, ни святотатством. Первое характеризуется предметом хищения (воск, масло, сосуд, завеса, постав, поволока, риза, платок), местом совершения (церковь), умыслом (прямой, с корыстной целью — на свою потребу). Второе — те же деяния, только через благословение, без ссылок на церковный закон. По сути, он повторяет аргументацию Зонары, Вальсамона и других авторитетных толкователей 72-го и 73-го правил⁵², вплоть до упоминания Ахана, присвоившего обещанное Богу и наказанного за это смертью (Нав. 6:17; Нав. 7:6-26)⁵³. Стоглав сравнивает виновное лицо со священно крадущим, стяжателем скверны, иноверцем, «убо татие суть, и хищницы, и разбойницы церковнии, паче же и разбойницы церкви божий»⁵⁴. В определении формы хищения Стоглав следует за законодателем: оно тайное, кража. Важно, что Стоглав здесь не соотносит деяние ни с устоявшимся к этому времени понятием церковной татьбы, ни со святотатством (хотя упоминание последнего встречаем в конце главы 63, устанавливающей ответственность для царя или князя как специальных субъектов за расхищение святых церквей и монастырей: они осуждаются как «святотатцы»). В сумме Стоглавом наказуемым деянием признается кража церковных предметов, перечень которых вариативен.

⁴⁶ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 54–62.

⁴⁷ Памятники русского права. Вып. 3. С. 347.

⁴⁸ Памятники русского права. Вып. 4 : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. проф. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 259.

⁴⁹ Лукьянов С. А. Святотатство как вид религиозного преступления в российском законодательстве (X — начало XX в.) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 150–156.

⁵⁰ «Если кто из причта, или мирянин, из святой церкви похитит воск, или елей: да будет отлучен от общения церковного, и впятеро приложит к тому что взял» (Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. М., 2011. С. 160).

⁵¹ «Сосуд златый, или серебряный освященный, или завесу, никто же да не присвоит на свое употребление. Беззаконно бо есть. Аще же кто в сем усмотрен будет: да накажется отлучением» (Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. С. 161–162).

⁵² Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского / пер. с серб. М., 2001. Т. 1. С. 193.

⁵³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2016. См. подробнее: *Полежаева К. О.* Указ. соч. С. 135–136.

⁵⁴ Стоглав // Azbuka.ru: портал. URL: <https://azbuka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (обращения: 22.08.2024).

В этом контексте можно привести рассуждения Матфея Властаря, автора Алфавитной синтагмы, перевод которой был сделан по заказу Ивана XIV⁵⁵. Матфей Властарь сравнивает преступление святотатства с оскорблением величия, повторяя рассуждения Ульпиана (D. 48.13.7; D.48.4.1)⁵⁶. В начале словарной статьи о святотатстве Матфей Властарь так характеризует преступление: это похищение священных вещей, употребление их на свою нужду или содействие подобному. Автор определяет и квалифицирующие признаки святотатства как хищения: его объект — это предметы, посвященные Богу, вне зависимости от места изъятия (в обратных случаях, Матфей Властарь специально на этом фокусируется, речь идет о простой краже; исключение — кража из алтаря). Также определяются смягчающие обстоятельства: совершение преступления из бедности и небольшой ущерб (санкция — ссылка). А отягчающие — совершение хищения ночью с вторжением в алтарь, а равно осквернение этих предметов (наказание мячом). На наш взгляд, Матфей Властарь, с одной стороны, выделяет святотатство как квалифицированную кражу, а с другой — рассматривает уже и случаи квалифицированного святотатства (с осквернением священных предметов).

Уставная книга Разбойного приказа 1616–1617 гг., в отличие от уже рассмотренных нормативных правовых актов, выделяет состав церковной татьбы в отдельную статью 41⁵⁷. Санкция предусматривает смертную казнь и конфискацию имущества в пользу Церкви.

Статья 14 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного уложения 1649 г. почти дословно повторяет аналогичное положение из Уставной книги Разбойного приказа. Норма о

церковной татьбе «включена не в первую главу Соборного уложения — “О богохульниках и о церковных мятежниках”, содержащую девять статей о религиозных преступлениях. Во-первых, этим законодатель обозначает собственную юрисдикцию по делам о церковной татьбе»⁵⁸, во-вторых, определяет и закрепляет основной непосредственный объект преступления — собственность. В главе I впервые встречаем состав богохульства как особо тяжкого преступления, санкция за которое — казнь через сожжение. Мы подробно не останавливаемся на составе этого преступления, отмечая, что объективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 1–9, не содержит признаков хищения, а осквернение происходит путем совершения другого преступления (например, убийства на территории храма согласно ст. 4), а не действенный в отношении священного или освященного предмета.

В перечне вопросов, разрешаемых Поместным Московским собором 1666–1667 гг. (ст. 12), находим и положение о квалификации святотатства: каков объект преступного посягательства, является ли церковной татьбой хищение «имущества, которое передано церкви на хранение, или же состав церковной татьбы распространяется исключительно на церковное имущество, посвященное Богу и находящееся в храме»⁵⁹. Собор, интерпретируя каноны (правила святых апостолов, правила Григория Нисского и Вселенских Соборов), ссылается на Прохирон в части отграничения предмета святотатства (священные вещи, посвященные Богу). Согласно Прохирону отсечением головы караются проникновение в святилище ночью и хищение со святого престола священной вещи; телесным наказанием (100 ударов) — подобная кража, совер-

⁵⁵ Цыпин В. Алфавитная синтагма // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115348.html> (дата обращения: 22.08.2024).

⁵⁶ Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула / пер. с лат., вступ. ст. и примеч. А. Л. Смышляева // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 221–233 ; 1986. № 1. С. 194–214. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1392100020> (дата обращения: 30.05.2024).

⁵⁷ Памятники русского права. Вып. 6 : Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. М., 1957. С. 385.

⁵⁸ Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Указ. соч. С. 251–258.

⁵⁹ Лукьянов С. А. Указ. соч. С. 150–156.

шенная днем, в случае бедности; кража предметов, не посвященных Богу, рассматривается как простая (виновный не святотатец, а тать).

В 1669 г. принимаются Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах. В статье 12 впервые законодатель представляет дефиницию церковной татьбы. Определяется, по сути, два наказуемых деяния: во-первых, хищение святых, сосудов, потира и иных вещей из алтаря (санкция — отсечение левой руки и правой ноги); во-вторых, хищение из церкви (санкция — отсечение левой руки). За рецидив виновного ожидают смертная казнь и имущественная компенсация в пользу Церкви. С одной стороны, законодатель пытается классифицировать особо охраняемые вещи, с другой — отказывается от определения их как священных или освященных. В отличие от церковной государственная власть не определяет субъективную сторону преступления (корыстный мотив и из убожества). Кроме того, ни в Уложении, ни в Новоуказных статьях мы не встречаем ответственности за ограбление мертвых в отличие от действующих норм церковного права, содержащихся в Кормчей книге⁶⁰.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что татьба как самостоятельный состав преступления — хищение в форме кражи (тайное хищение) — выделяется в самых ранних памятниках права Древней Руси. Церковная татьба как квалифицированный признак кражи появляется с принятием христианства и встречается в актах, направленных на регулирование подсудности церковного суда.

Нами установлено, что в церковной татьбе собственность выступает как основной объект преступления. Защита вещей, сопоставимых с вещами божественного права (*res divini iuris*), направлена полностью на их материальную сохранность и целостность, хотя и в столь ранних памятниках мы встречаем нормы, запрещающие акты осквернения и надругательства (над крестами, храмами и иными культовыми сооружениями, могилами). Более того, составы этих правонарушений, как правило, перечисляются в одной статье нормативного акта, что подтверждает осознание законодателем их общей природы. В таком случае и институт вещей божественного права пусть и не выработан, но подразумевается. Подчеркнем и то, что он не слепо скопирован с римско-византийского права.

В XIII–XVII вв. отечественное право во многом продолжает тенденции, заданные предшествующим периодом, и этот этап является важнейшим для формирования церковной татьбы как состава преступления. В актах отечественного церковного права этого времени впервые упоминается святотатство как наказуемое деяние. Однако в ходе кодификации государственный законодатель оперирует не этой категорией, а понятием церковной татьбы. Родовое понятие церковной татьбы определяется как имущественное преступление, хищение, в то время как прочие религиозные преступления объединяются по другому признаку. Общественная опасность церковной татьбы подтверждается и санкцией (смертная казнь). Сохраняются элементы совместного ведения Церкви и светской власти в части квалификации церковной татьбы как преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2004. — № 4 (18). — С. 22–34.
2. Алексеев А. И. Стригольники: обзор источников // Вестник церковной истории. — 2012. — № 3/4 (27/28). — С. 151–203.

⁶⁰ Есипов В. В. Указ. соч. С. 22.

3. Анисимов В. Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения // Вестник Югорского государственного университета. — 2009. — № 4 (15). — С. 52–58.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Изд. Московской Патриархии Русской православной церкви, 2016. — 1376 с.
5. Буз С. А. Уголовная ответственность за кражу чужого имущества в законодательстве монархической России X–XVIII вв. // Общество и право. — 2004. — № 2 (4). — С. 42–47.
6. Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. — М. : Водолей, 2007. — 321 с.
7. Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула / пер. с лат., вступ. статья и примеч. А. Л. Смышляева // Вестник древней истории. — 1985. — № 4. — С. 221–233 ; 1986. — № 1. — С. 194–214. — URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1392100020>.
8. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин. — М. : Наука, 1976. — 240 с.
9. Елисеев С. А. Преступления против собственности по древнерусскому праву и законодательству русского централизованного государства // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2000. — № 1. — С. 6–11.
10. Есипов В. В. Святотатство в истории русского законодательства. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. окр., 1893. — 45 с.
11. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor : текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. — М., 2020. — 384 с.
12. Каноническое право / протоиер. Владислав Цыпин. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. — 864 с.
13. Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. — Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-ili-kniga-pravil/>.
14. Комеч А. И. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. — М., 1993. — 256 с.
15. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию / Е. В. Белякова [и др.]. — М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kormchaja-kniga/>.
16. Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. — М., 1912. — 1486 с.
17. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А. С. Павлова. — Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1902. — 539 с.
18. Лоба В. Е., Якушев А. Н. Русская Правда о наказаниях за преступления против собственности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2009. — № 1 (149). — С. 95–98.
19. Лукьянов С. А. Святотатство как вид религиозного преступления в российском законодательстве (X — начало XX в.) // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 1. — С. 150–156.
20. Лукьянов С. А., Удодов А. Г. Эволюция святотатства как уголовно наказуемого деяния в древнерусском праве и в Российском имперском законодательстве // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 5. — С. 251–258.
21. Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. — М. : Квадрига, 2023. — 464 с.
22. Охотина Н. А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России : сборник статей / АН СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. А. И. Клибанов. — М. : Наука, 1990. — С. 67–84.
23. Памятники русского права. — Вып. 1 : Памятники права Киевского государства, X–XII вв. / сост.: А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. — М. : Госюриздат, 1952. — 287 с.
24. Памятники русского права. — Вып. 2 : Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / под ред. засл. деят. науки проф. С. В. Юшкова ; сост. доц. А. А. Зимин. — М. : Госюриздат, 1953. — 442 с.
25. Памятники русского права. — Вып. 3 : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. проф. Л. В. Черепнина. — М. : Госюриздат, 1955. — 527 с.

26. Памятники русского права. — Вып. 4 : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. проф. Л. В. Черепнина. — М. : Госюриздат, 1956. — 632 с.
27. Памятники русского права. — Вып. 6 : Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. — М. : Госюриздат, 1957. — 503 с.
28. *Полежаева К. О.* Каноны Православной церкви о святотатстве // Богословский вестник. — 2024. — № 1 (52). — С. 131–147.
29. *Поплэ А. В.* Еще раз о названии новгородско-псковских еретиков стригольниками // Культура Древней Руси. — М. : Наука, 1966. — С. 204–208.
30. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского / пер. с серб. Т. 1. — М. : Отчий дом, 2001. — 650 с.
31. Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. — М. : Сибирская Благовонница, 2011. — 816 с.
32. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. тома А. Д. Горский ; рец. В. И. Корецкий. — М. : Юридическая литература, 1985. — 520 с.
33. Стоглав // Azbuka.ru : портал. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/>.
34. Стоглав : Текст. Словоуказатель / предисл. Дж. Манискалько Базиле, А. В. Юрасова ; комм. Е. Б. Емченко. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 318 с.
35. *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. — М. : Издание Московского университета, 1953. — 192 с.
36. *Цыпин В.* Алфавитная синтагма // Православная энциклопедия. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/115348.html>.
37. Эклога : Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. — М. : Наука, 1965. — 226 с.
38. *Юшков С. В.* Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. — М. : Зерцало-М, 2002. — 400 с.
39. *Burczak K.* Sacrilegium in Gratian's Decretum / transl. from Polish by D. Bębeniec. — Lublin : Wydawnictwo KUL, 2012. — 308 p.
40. *Phillips J.* The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. — L. : Penguin Books, 2004. — 314 p.
41. *Roudometof V.* Globalization and Orthodox Christianity: The Transformations of a Religious Tradition. — N. Y. ; L. : Routledge, 2014. — 228 p.
42. *Zorzi A.* La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. — Milano : Rusconi, 2001. — 766 p.

Материал поступил в редакцию 28 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. I. K izucheniyu eresi strigolnikov // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. — 2004. — № 4 (18). — S. 22–34.
2. Alekseev A. I. Strigolniki: obzor istochnikov // Vestnik tserkovnoy istorii. — 2012. — № 3/4 (27/28). — S. 151–203.
3. Anisimov V. F. Istoriya zakonodatelstva Rossii o prestupleniyakh protiv sobstvennosti s priznakami khishcheniya // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 4 (15). — S. 52–58.
4. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. — M.: Izd. Moskovskoy Patriarkhii Russkoy pravoslavnoy tserkvi, 2016. — 1376 s.
5. Buz S. A. Ugolovnaya otvetstvennost za krazhu chuzhogo imushchestva v zakonodatelstve monarkhicheskoy Rossii X–XVIII vv. // Obshchestvo i pravo. — 2004. — № 2 (4). — S. 42–47.
6. Voronin N. N. Andrey Bogolyubskiy. — M.: Vodoley, 2007. — 321 s.

7. Domitsiy Ulpian. Ob obyazannostyakh prokonsula / per. s lat., vstup. statya i primech. A. L. Smyshlyaeva // Vestnik drevney istorii. — 1985. — № 4. — S. 221–233; 1986. — № 1. — S. 194–214. — URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1392100020>.
8. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. / otv. red. akad. L. V. Cherepnin. — M.: Nauka, 1976. — 240 s.
9. Eliseev S. A. Prestupleniya protiv sobstvennosti po drevnerusskomu pravu i zakonodatelstvu russkogo tsentralizovannogo gosudarstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2000. — № 1. — S. 6–11.
10. Esipov V. V. Svyatostatstvo v istorii russkogo zakonodatelstva. — Varshava: Tip. Varshav. ucheb. okr., 1893. — 45 s.
11. Institutsii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor: tekst, per. s lat., komment. / pod obshch. red. prof. D. V. Dozhdeva. — M., 2020. — 384 s.
12. Kanonicheskoe pravo / protoier. Vladislav Tsyprin. — M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2009. — 864 s.
13. Kanony, ili Kniga pravil, svyatykh apostolov, svyatykh soborov, vselenskikh i pomestnykh, i svyatykh ottsov. — Minsk: Bratstvo v chest svyatogo Arkhistratiga Mikhaila, 2016. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-ili-kniga-pravil/>.
14. Komech A. I. Kamennaya letopis Pskova XII — nachala XVI v. — M., 1993. — 256 s.
15. Kormchaya kniga: ot rukopisnoy traditsii k pechatnomu izdaniyu / E. V. Belyakova [i dr.]. — M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kormchaya-kniga/>.
16. Kormchaya. Napechatana s originala patriarkha Iosifa. — M., 1912. — 1486 s.
17. Kurs tserkovnogo prava zaslužennogo professora Imperatorskogo Moskovskogo universiteta A. S. Pavlova. — Sergiev Posad: Tip. Sv.-Tr. Sergievoy Lavry, 1902. — 539 s.
18. Loba V. E., Yakushev A. N. Russkaya Pravda o nakazaniyakh za prestupleniya protiv sobstvennosti // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. — 2009. — № 1 (149). — S. 95–98.
19. Lukyanov S. A. Svyatostatstvo kak vid religioznogo prestupleniya v rossiyskom zakonodatelstve (X — nachalo XX v.) // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2016. — № 1. — S. 150–156.
20. Lukyanov S. A., Udodov A. G. Evolyutsiya svyatostatstva kak ugovorno nakazuemogo deyaniya v drevnerusskom prave i v Rossiyskom imperskom zakonodatelstve // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2021. — № 5. — S. 251–258.
21. Manokhin A. A. «Novgorodskie zlye eresi» kontsa XV veka. — M.: Kvadriga, 2023. — 464 s.
22. Okhotina N. A. Russkaya tserkov i mongolskoe zavoevanie (XIII v.) // Tserkov, obshchestvo i gosudarstvo v feodalnoy Rossii: sbornik statey / AN SSSR, In-t istorii SSSR; otv. red. A. I. Klibanov. — M.: Nauka, 1990. — S. 67–84.
23. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva, X–XII vv. / sost.: A. A. Zimin; pod red. S. V. Yushkova. — M.: Gosyurizdat, 1952. — 287 s.
24. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 2: Pamyatniki prava feodalno-razdroblennoy Rusi XII–XV vv. / pod red. zasl. deyat. nauki prof. S. V. Yushkova; sost. dots. A. A. Zimin. — M.: Gosyurizdat, 1953. — 442 s.
25. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / pod red. prof. L. V. Cherepnina. — M.: Gosyurizdat, 1955. — 527 s.
26. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 4: Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv. / pod red. prof. L. V. Cherepnina. — M.: Gosyurizdat, 1956. — 632 s.
27. Pamyatniki russkogo prava. — Vyp. 6: Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhaylovicha 1649 goda / pod red. d-ra yurid. nauk K. A. Sofronenko. — M.: Gosyurizdat, 1957. — 503 s.
28. Polezhaeva K. O. Kanony Pravoslavnoy tserkvi o svyatostatstve // Bogoslovskiy vestnik. — 2024. — № 1 (52). — S. 131–147.
29. Poppe A. V. Eshche raz o nazvanii novgorodsko-pskovskikh eretikov strigolnikami // Kultura Drevney Rusi. — M.: Nauka, 1966. — S. 204–208.

30. Pravila Pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami Nikodima episkopa Dalmatinsko-Istriyskogo / per. s serb. T. 1. — M.: Otchiy dom, 2001. — 650 s.
31. Pravila svyatykh apostol i svyatykh otets s tolkovaniyami. — M.: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2011. — 816 s.
32. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2: Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva / pod obshch. red. O. I. Chistyakova; otv. red. toma A. D. Gorskiy; rets. V. I. Koretskiy. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. — 520 s.
33. Stoglav // Azbuka.ru: portal. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/>.
34. Stoglav: Tekst. Slovoukazatel / predisl. Dzh. Maniskalko Bazile, A. V. Yurasova; komm. E. B. Emchenko. — M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. — 318 s.
35. Tikhomirov M. N. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy. — M.: Izdanie Moskovskogo universiteta, 1953. — 192 s.
36. Tsylin V. Alfavitnaya sintagma // Pravoslavnaya entsiklopediya. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/115348.html>.
37. Ekloga: Vizantiyskiy zakonodatelnyy svod VIII veka / vstup. st., per., komment. E. E. Lipshits. — M.: Nauka, 1965. — 226 s.
38. Yushkov S. V. Russkaya Pravda: proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie / pod red. O. I. Chistyakova. — M.: Zertsalo-M, 2002. — 400 s.
39. Burczak K. Sacrilegium in Gratian's Decretum / transl. from Polish by D. Bębeniec. — Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012. — 308 p.
40. Phillips J. The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. — L.: Penguin Books, 2004. — 314 p.
41. Roudometof V. Globalization and Orthodox Christianity: The Transformations of a Religious Tradition. — N. Y.; L.: Routledge, 2014. — 228 p.
42. Zorzi A. La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. — Milano: Rusconi, 2001. — 766 p.

Интегративное понимание сущности государства: прогресс или заблуждение?

Аннотация. В статье рассматривается проблема сущности современного государства в оптике новых подходов к оценке данной категории юридической науки. Осмысление философских понятий сущности и содержания применительно к государственно-правовым явлениям было важным направлением советской теоретической юриспруденции. На рубеже XX–XXI вв. тренд изменился: диалектико-материалистическое понимание сущности государства стало активно критиковаться за однозначность, догматизм и неактуальность для современных демократических режимов, а исследование сущности государства отошло на второй план ввиду абсолютного доминирования идеологемы «общесоциальности» государства. Тем не менее под влиянием международной политической конъюнктуры на фоне нового витка конкуренции идеологических и политико-правовых учений России и Запада проблема осмысления сущности государства вновь актуализировалась, однако ее решение в свойственной постмодернистской парадигме манере зачастую основывается не на методах научного познания, а на этических, нравственных и идеологических представлениях. В этой связи автор анализирует современное состояние теории сущности государства, основные концепции сущности современного государства: классовую, общесоциальную, аксиологическую, интегративную. С использованием средств формальной логики приводятся аргументы в пользу несостоятельности учений, которые предполагают возможность объединения классового и общесоциального свойств государства. Статья представляет собой попытку критического осмысления интегративного понимания сущности государства. Рассматривается общефилософская категория «сущность явления», предлагается методология оценки сущности государства с учетом диалектического развития данного политико-правового института, а также исследуется изменение формы и содержания государства в различные исторические периоды.

Ключевые слова: государство; сущность; содержание; классовый подход; интегративный подход; общесоциальный подход; философия; диалектика; логика; ценности; законы.

Для цитирования: Филин А. Ю. Интегративное понимание сущности государства: прогресс или заблуждение? // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 25–34. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.025-034.

© Филин А. Ю., 2025

* Филин Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
filin.pravo@yandex.ru

Integrative Understanding of the Nature of the State: Progress or Misconception?

Andrey Yu. Filin, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory of the state and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
 filin.pravo@yandex.ru

Abstract. The paper examines the problem of the essence of the modern State in the context of justifying new approaches to the assessment of this category in legal science. Understanding philosophical categories of the essence and content in relation to the phenomena of the State and law was an important direction of Soviet theoretical jurisprudence. At the turn of the 20th–21st centuries, the trend changed: dialectical-materialistic understanding of the essence of the State was actively criticized for its unambiguity, dogmatism and irrelevance for modern democratic regimes. Thus, the problem of studying the essence of the State lost its significance due to the absolute dominance of the ideology of «sociality» of the State. Nevertheless, under the influence of the international political situation against the background of a new round of competition between ideological and political-legal teachings of Russia and the West, the problem of understanding the essence of the State has again become relevant, but its understanding in the manner characteristic of the postmodern paradigm is often based not on methods of scientific knowledge, but on ethical, moral and ideology of the authors. In this regard, the author analyzes the current state of the theory of the essence of the State, gives the basic concepts of the essence of the modern State: class, general social, axiological, integrative characteristics. Based on formal logic, the author argues in favor of the failure of teachings providing for the possibility of combining the class and general social properties of the State. The author attempts to critically comprehend an integrative understanding of the essence of the State. The author examines the general philosophical meaning of the category «essence of the phenomenon», proposes a methodology for assessing the essence of the State, taking into account the dialectical development of this political and legal institution, and highlights the changes in the form and content of the State in different historical periods.

Keywords: State; essence; content; class theory approach; integrative approach; general social approach; philosophy; dialectics; logic; values; laws.

Cite as: Filin AYU. Integrative Understanding of the Nature of the State: Progress or Misconception? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):25–34. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.025-034.

Современный этап развития научного знания согласно периодизации, предложенной В. С. Стёпиным, постнеклассический. Для него характерны междисциплинарность и комплексность предметов исследования, рассмотрение объектов исследования как синергетических систем, а также включение ценностных факторов в состав объясняющих предложений¹. Указанное в равной степени актуально как для естественных наук, так и для гуманитарных, причем в контексте последних объектами междисциплинарного исследования становятся такие феномены, как право и государство, которые ранее традиционно рассматривались как некие юридические абстракции, лишённые ценностно-ориентированного содержания.

В то же время наблюдаемая нами сегодня политико-правовая наука характеризуется также тенденцией к распространению субъективных идеалистических представлений о государстве и праве, апологеты которых обосновывают это плюрализмом дискурсивных практик эпохи постмодерна и необходимостью отказаться от концепции объективной истины. Как справедливо отмечает В. М. Сырых, в подобных исследованиях практика предстает в снятом виде, через положения, выводы, цитаты, содержащиеся в других источниках. При этом путаются исторические эпохи и научные школы, авторские комментарии сводятся к минимуму, а аргументация осуществляется преимущественно путем обращения к авторитету. При таком под-

¹ Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2006. С. 320.

ходе получение достоверных, целостных представлений о бытии познаваемого объекта едва ли возможно. В этом смысле подобные политико-правовые учения в большинстве своем не имеют практического содержания.

Попытки переосмыслить такие фундаментальные категории государствоведения, как «сущность», «содержание» и «форма государства», приводят к образованию так называемых универсальных, функциональных, аксиологических и прочих концептов, которые едва ли возможно назвать полноценными теориями из-за принципиальной невозможности их верифицировать, фальсифицировать или аргументировать посредством формальной логики.

Обобщая изложенное, можно заключить, что в отечественной юриспруденции и философии права сложился некий интегративный (по аналогии с правопониманием) подход к осмыслению сущности государства. Так, В. Г. Балковская пишет: «Как показывает исторический анализ, даже самое классово антагонистическое государство не только защищает интересы господствующего класса, но и решает социально значимые проблемы — обеспечивает оборону, осуществляет правосудие, занимается благоустройством, борется с эпидемиями». Из указанного следует вывод о том, что в сущности любого государства всегда прослеживается «устойчивое преобладание одной из составляющих — классовой или общесоциальной»².

Эту позицию разделяет Л. А. Морозова, которая, несмотря на явное неприятие классового подхода, указывает, что у демократически устроенного государства будут доминировать общесоциальные черты, тогда как у государства «противоположной ориентации (например, то-

талитарного)» тоже имеются общесоциальные начала, но их удельный вес невелик³.

На изменчивость сущности государства в разные исторические периоды в зависимости от социально-экономических условий также указывает С. Н. Бабурин, который рассматривает данное явление с экономической, политической и этической сторон⁴.

Отдельного внимания применительно к проблеме интегративного понимания сущности государства заслуживают результаты исследований Ю. А. Гавриловой. Автор указывает, что у каждого государства с учетом культурного контекста своя сущность, свойственная только ему, поскольку стратификация современного общества не позволяет рассматривать его исключительно классовый характер. При этом сущность государства должна определяться целями и задачами, которые оно ставит, тем, какие функции оно выполняет, «представляет ли оно интересы суверенной юрисдикции или интересы т.н. “мирового правительства”»⁵.

Следует отметить, что ранее мы придерживались сходного подхода, отмечая, что «сущность современного государства заключается в реализации механизма управления, целью которого являются обеспечение и защита базовых ценностей государства — безопасности, культурной идентичности и социальной справедливости»⁶. Тем не менее допущенная нами неточность в формулировках, по сути, привела к тому, что последователями данной концепции был оставлен без внимания другой отмеченный нами факт: понятие «ценность» всегда имеет идеологическую направленность, поэтому любое государство в развитии и функционировании опирается именно на *идею ценности*, а

² Балковская В. Г. Интегративный подход к оценке сущности государства // Закон и право. 2020. № 11. С. 27.

³ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 51.

⁴ Бабурин С. Н. Сущность государства // Философия права : курс лекций : учеб. пособие : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Проспект, 2013. Т. 1. С. 153–163.

⁵ Гаврилова Ю. А. Аксиологизация сущности современного российского государства // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. М., 2023. Ч. 1. С. 47–50.

⁶ См.: Филин А. Ю. Сущность современного государства и проблемы безопасности, культурной идентичности и социальной справедливости // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12 (139). С. 96–100.

не на ее содержание как таковое, и стремится диктовать ее значение в соответствии с избранным курсом правления. Указанное во многом и определило потребность в настоящей дискуссии с целью устранения методологической ошибки, которую, как и мы ранее, допускают авторы представленных концепций.

Приходится констатировать, что государство как публичная политическая корпорация претерпевает значительные изменения формы и содержания на всем протяжении существования. Тогда как современное государство зачастую немисливо без социального содержания, а также обязанностей (а не только притязаний) по отношению к сообществу-учредителю, на заре истории оно представляло собой лишь орган власти-подчинения, назначение которого заключалось прежде всего в защите собственности господствующего класса. В этой связи закономерен вопрос, являются ли указанные обстоятельства свидетельством эволюции сущности государства с усложнением общественных отношений, а также развитием гуманистических представлений о государстве и праве.

Тезис, который надлежит доказать в настоящей статье, заключается в следующем. Сущность государства не зависит и не может зависеть от каких-либо внешних факторов и остается неизменной на разных этапах эволюции общественных отношений. При этом содержание государства, в свою очередь, может меняться в силу различия политических ценностей общества, продиктованных в первую очередь потребностями экономически господствующих властных социальных групп в обеспечении стабильности производственных отношений.

Чтобы доказать это, необходимо поэтапно решить несколько задач:

- а) установить общефилософское значение термина «сущность»;
- б) определить, на каких логических посылах строится понятие «сущность государства»;
- в) на основе достигнутых результатов проанализировать, как видоизменялось государство в разные исторические периоды.

Подходя к определению общефилософского понятия сущности явления с точки зрения диалектики, необходимо всесторонне учитывать соотношение всех основных свойств такового, выбирая из них именно то свойство, которое опосредует явление само по себе вне зависимости от познающего его субъекта. Так, Г. В. Ф. Гегель, исследуя сущность явления с точки зрения диалектической логики, указывал, что существование, положенное в его противоречии, есть явление. Последнее не следует смешивать с голой видимостью. Видимость есть ближайшая истина бытия или непосредственности. Непосредственное не есть то, чем мы его предполагаем, не есть нечто самостоятельное, зависящее только от себя, а есть лишь видимость, и как видимость оно сосредоточено в простоте сущей в самой себе сущности⁷. Характеризуя сущность явления, Гегель отмечал, что сущность определяет самое себя как основание, что и отличает ее от иных смежных категорий философии.

Исходя из правил формальной логики, сущность любого явления объективной реальности должна рассматриваться посредством определения тех свойств, которые проявляются во всех сходных случаях. Таким образом, сущность явления ограничивается лишь теми свойствами познаваемого объекта, которые имеют место всегда и не зависят от иных обстоятельств и от самого субъекта познания.

Если видимость явления опосредуется противоречащими друг другу свойствами, что аргументируется различными формами бытия познаваемого объекта (как это свойственно, например, интегративному пониманию сущности государства), то мы получаем, как справедливо отмечал В. И. Ленин, «эклетиическое определение», указывающее лишь на разные стороны одного и того же предмета, сущность которого между тем остается неустановленной.

В этом смысле для познания сущности явления с учетом требований формальной логики необходимо:

- изучить все стороны, связи и «опосредствования» познаваемого объекта, поскольку

⁷ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. 1 : Наука логики. С. 295.

за сущностью первого порядка всегда следует сущность второго порядка, и т.д.;

— рассматривать объект познания в динамике, как явление, развивающееся сообразно законам диалектики;

— соотносить познаваемый объект с практической полезностью как критерием истины знания⁸.

Руководствуясь изложенными логическими посылами, мы можем перейти к исследованию понятия «сущность государства». Под ним мы подразумеваем философскую категорию, отражающую основное свойство, обуславливающее саму возможность существования института государства как такового. Аналогичного понимания в целом придерживаются сторонники рассматриваемого нами интегративного подхода.

Анализируя предложенный В. Г. Балковой интегративный подход к сущности государства, следует отметить, что автор приходит к заключению об изменчивости сущности государства через закономерные суждения, указывая, что ее надлежит оценивать с учетом места и роли института государства в жизни общества. В этом смысле сущность государства действительно раскрывается посредством изучения причин возникновения государства, его социальной ценности и функциональной роли на различных исторических этапах⁹.

Тем не менее следующие из данного определения выводы являются не чем иным, как смешением разных опосредствований одного и того же предмета, описанием видимости явления в контексте ошибочно названного диалектическим «единства» классовой и общесоциальной составляющих. Так, по мнению автора, «в сущности “бедных” государств ярче прослеживается классовая составляющая», тогда как «богатым» государствам более (однако отнюдь не всегда) свойственна социальная сущность¹⁰.

Любая попытка привести классовый и общесоциальный подходы к единому знаменателю,

обосновывая это тем, что в разные исторические периоды разные государства реализовывали политику как в интересах правящих элит, так и в интересах всего общества, по сути, сводится к рассмотрению лишь двух из бесчисленного множества качеств, коими обладает государство как форма политико-территориальной организации. Например, в либертарных политико-правовых учениях государство также представляется как механизм подавления свободы. Так, основоположник либертарианства Р. Нозик писал, что любое государство с более обширными полномочиями, нежели защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров, нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания¹¹. Указанное тем не менее исключает возможность признания либертарианцами классовой природы государства, т.к. подавление государством личной свободы, согласно Нозiku, не связано с производственными отношениями. Общесоциальное свойство также нивелируется отказом в признании за государством монополии определять пределы социальной справедливости в угоду механизмам саморегулируемого социума.

Из сказанного следует, что попытка построить новый подход к осмыслению сущности государства на базе того, что любое (и даже архаичное рабовладельческое) государство, помимо классового подавления, всегда занимается укреплением безопасности, контролем общественного порядка и защитой населения, базируется лишь на выборочном объединении разных свойств познаваемого объекта на основании субъективного видения конкретного исследователя.

Вместе с тем сторонники новых подходов к пониманию сущности государства могут закономерно возразить, что вышеизложенный тезис о неизменности сущности государства в различ-

⁸ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. Т. 42. С. 286–290.

⁹ Балковая В. Г. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ Балковая В. Г. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2019. С. 11.

ные исторические периоды есть нарушение обозначенного нами же принципа рассмотрения объекта познания в развитии.

В этом смысле интегративный подход к пониманию сущности государства, как и некоторые другие концепции, основывается на утверждении о принципиальной изменчивости сущности явления. Так, например, М. М. Прохоров указывает, что проблема определения сущности государства в качестве единства и борьбы противоположностей — насилия и согласия — является продуктом перехода от мифологического мировоззрения к философскому, тогда как в действительности сущность государства определяется конкретно-историческими обстоятельствами¹².

Даже В. И. Ленин, на методологии которого во многом основывается разделяемая нами концепция, признавал, что сущность динамичного и изменчивого явления хотя и образует нечто постоянное, сохраняющееся в нем при всех возможных вариациях его внешних проявлений, но также подвержена изменению, исходя из учения диалектического материализма¹³.

Признавая состоятельность данного утверждения, следует, однако, толковать его таким образом, что сущности явления свойственно изменяться в той же степени, что и само рассматриваемое явление и его основные свойства, позволяющие отграничить его от иных феноменов объективной реальности. В этом смысле для того, чтобы уяснить, изменяется ли сущность государства в различные исторические периоды, следует установить, имеет ли современное государство в своей основе свойства, позволяющие отграничить его от предшествующих ему форм политико-правовой организации.

В ходе наших исследований отмечалось, что в целях обеспечения единообразного понимания государства применительно к современным политико-правовым учениям его следует рассматривать в единстве формально-юридического, социально-политического и философско-культурного содержания. Так, в формально-

юридическом смысле современное государство представляет собой особое субъектоспособное юридическое лицо, от своего имени представляющее интересы сообщества-учредителя. В социально-политическом смысле оно находит выражение в совокупности отношений в сфере управления, осуществляемого особой корпорацией, имеющей притязания на власть в рамках своего сообщества. В философско-культурном смысле современное государство — это социально-политический конструкт на базе идеи общего блага. Во всех приведенных определениях государство представляется продуктом сложившейся и воспроизводящей себя общности людей, самостоятельно определяющей свою сопричастность государству и признающей его регулирующее воздействие.

Рассмотрим, как государство видоизменялось в различные исторические периоды и повлекли ли данные изменения коренные преобразования его сущности. Так, рабовладельческое государство Древнего мира раскрывается преимущественно как политико-правовое явление, характеризующее организацию публичной власти на некой условной территории, основанную на обычном и позитивном праве, закрепляющем господство политических элит над «говорящим орудием» — рабом, фактически являвшимся овеществленным субъектом правоотношений, средством производства. Социально-политического (в обозначенном нами значении) содержания античное государство не имело, поскольку особая властная, обособленная от общества группа в эпоху Древнего мира де-факто, как и де-юре отсутствовала, а политическая власть в системе иных социальных практик управления едва ли обособлялась. Аналогичным образом невозможно говорить о философско-культурном содержании рабовладельческого государства, поскольку в нем фактически отсутствовало единое сообщество на базе национально-государственной идентичности.

¹² Прохоров М. М. Сущность государства и модальность социального государства // Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 2 (06). С. 87–89.

¹³ Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 227.

Феодальное государство, сущность которого также заключалась в организации власти, основанной на классовом антагонизме феодалов-господ и крепостных крестьян, обрабатывающих пахотные земли как основной фактор производства, также не обособлялось от общества в целом и не стремилось к формированию национальной идентичности его сообщества. Потребность в идеологическом обосновании механизмов господства закрывалась посредством религиозного учения, констатирующего божественное начало феодальной власти и необходимость смирения ради общего блага за пределами земной жизни.

В эпоху Нового времени пришедшее на смену феодальному буржуазное государство во многом приобрело новое содержание, которое остается характерным для него по сей день. Буржуазное государство по-прежнему выступает формой организации власти-подчинения в рамках классовой структуры общества, основу которой при капитализме составляют буржуазия (владельцы промышленного и финансового капитала) и пролетариат (заводские рабочие, вышедшие из класса крестьян с ростом городов и возникновением потребности в наемном труде). Вместе с тем именно в Новое время формируется социально-политическое и философско-культурное содержание государства, в связи с чем многие ученые связывают данный период с генезисом государства в его современном виде. Так, на уровне теории и практики формулируется концепция договорного происхождения государства, в рамках которой провозглашается различие между обществом и государством, постулируется, что последнее есть продукт общества, соглашение между народом и властью, основанное на естественном праве. Таким образом, государство начинает восприниматься как форма корпорации, основной целью которой является обеспечение безопасности его сообщества от внутренних и внешних угроз, в терминологии Т. Гоббса, «естественного состояния людей... войны всех против всех»¹⁴.

Формирование теории естественного права, выступившей идеологическим обоснованием буржуазных революций в Европе, распространило на широкие слои общества проблему поиска социальной справедливости, которая в предшествующие эпохи заботила умы лишь немногих приближенных к власти и потому подлинно свободных членов общества. Именно в Новое время государство стало ассоциироваться с социальной справедливостью, за ним был юридически закреплён статус гаранта прав и свобод граждан.

Кроме того, в эпоху Нового времени получает закрепление новый конституционно-правовой тип политической организации — национальное государство, конститутивным элементом которого выступает нация, обладающая политической идентичностью. Национальное государство является результатом реализации титульной нацией притязаний на государственность, которая воплощается либо в форме союза с другими нациями в составе такого государства на условии предоставления им конституционной автономии, либо в форме гражданской нации, которая представляет собой полиэтническое (инклюзивное) образование, связанное единой национальной идентичностью. В суверенной нации воплощается философско-культурное содержание буржуазного государства, которое объединяет условное сообщество элементом признания самого себя субъектом политических отношений.

Как видим, в буржуазном государстве Нового времени были заложены основные принципы, присущие современному государству: конституционализм, демократизм, гуманизм. Однако может ли данный факт свидетельствовать об обретении государством общесоциальной сущности, которая, как указывала Л. А. Морозова, выражается в «реальной координации интересов неоднородного по своему составу общества», а также «значительной приверженности общечеловеческим идеалам», характерных для современного демократического государства?¹⁵

¹⁴ Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / под ред. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 382.

¹⁵ Морозова Л. А. Указ. соч. С. 51.

Принимая во внимание значительные изменения содержания и формы государства в эпоху буржуазных революций, тем не менее в объективной реальности нередко можно наблюдать диаметрально противоположные обозначенным Л. А. Морозовой тенденции. Так, например, В. А. Гуроров точно отмечает, что «после 24 февраля 2024 г. элиты тех стран, которые на протяжении нескольких столетий считались оплотом либеральной демократии, повсеместно демонстрируют те повседневные практики и элементы поведения, которые на протяжении XX в. неизменно приписывались СССР и другим “тоталитарным государствам”»¹⁶.

В этой связи приходится констатировать, что сущность государства на всех этапах исторического развития оставалась неизменной, поскольку в разные эпохи политико-правовое значение государства, выраженное в реализации механизмов подчинения подконтрольных слоев общества правящей социальной группе, сохранялось неизменным, в то время как сами практики подчинения, а также социально-политическое и философско-культурное содержание государства в значительной степени преобразовались в связи с усложнением экономических отношений и изменением классовой структуры общества. Результатом этих трансформаций и становится окончательное оформление обозначенных нами политических аксиологем: безопасности, национально-государственной идентичности и социальной справедливости.

Следуя указанной логике, необходимо отметить, что сказанное актуально и для социалистического государства, которое призвано прийти на смену буржуазному как более прогрессивная форма политико-правовой организации. Несмотря на то что согласно марксистской теории в таком государстве под влиянием эволюции экономических отношений происходит отказ от эксплуатации человека человеком, а на смену национальной идентичности приходит интернациональное классовое сознание, его сущность остается прежней. В этом смысле социалистиче-

ское государство — это тот же орган классового господства, реализующий механизмы власти-подчинения, в которых властные и угнетаемые субъекты лишь меняются местами. Именно невозможность изменения сущности государства определяет необходимость его отмирания вместе с упразднением частной собственности на средства производства.

Возвращаясь к интегративному подходу к осмыслению сущности государства, нетрудно заметить, что его распространение наглядно демонстрирует практическое воплощение разработанной в начале XX в. итальянским философом-неомарксистом А. Грамши теории гегемонии. Так, согласно данному учению роль интеллигенции, которая представляет собой некое сообщество внутри каждого класса, существующее исключительно за счет признания самого себя в качестве независимой силы, сводится к реализации гегемонии — обеспечению согласия широких масс населения с задаваемым господствующим классом направлением социальной жизни, а также приведению в действие государственного принуждения в отношении групп, которые такого согласия не выражают¹⁷. В этой связи научно-педагогическая интеллигенция, формально идейно независимая от каких-либо политических сил, на деле ограничена текущей идеологической конъюнктурой, своеобразным рупором которой и выступает.

Приходится констатировать, что в отечественной политико-правовой науке вслед за западной окончательно закрепились постмодернистская парадигма, которая задает тренды современных исследований права и государства. Как результат, мы в очередной раз можем наблюдать попытку с аксиологических, герменевтических и прочих субъективно-идеалистических позиций переосмыслить устоявшиеся понятия, выработанные на основании объективных средств познания. Вместе с тем любые старания, направленные на примирение материализма и идеализма посредством некоего универсального, интегративного метода, заведомо

¹⁶ В. И. Ленин: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., комм. В. А. Гуророва. 2-е изд. СПб. : РХГА, 2023. Т. 2 : Рефлексия ленинизма в мировой философской и социально-политической мысли. С. 44.

¹⁷ Грамши А. Формирование человека (записки о педагогике). М. : Педагогика, 1983. С. 91.

обречены на провал, поскольку мышление есть продукт материи и от материального мира и детерминированных им законов всецело зависят познавательные средства человека, а не наоборот.

В этом смысле плюрализм дискурсивных практик постмодерна есть не что иное, как попытка самоустраниться от решения существующих философских проблем политико-правовой действительности в условиях конкуренции научных концепций, определившей практические преобразования мира в первой половине XX в. и актуальной по сей день. Указанное приводит к тому, что в оптике исследования зачастую рассматривается не материальная предметно-практическая сфера общества, а некие абстрактные проблемы, связанные с утопическим видением

изменения модели государственного и правового бытия.

Сегодня функционирование государства и права во многом осуществляется в условиях дефицита знаний о данных явлениях и опирается с одной стороны на наследие социалистической системы, выступившей в XX в. справедливой альтернативой системе угнетения человека человеком, а с другой — на неолиберальные принципы конфликтно-индивидуалистической справедливости. В этих условиях постмодернистская гуманитарная наука, флагманами которой выступают различные интегративные подходы к пониманию государства и права, лишь способствует накоплению новых противоречий, оставляя решение проблем общественного устройства будущим поколениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балковская В. Г. Интегративный подход к оценке сущности государства // Закон и право. — 2020. — № 11. — С. 24–27.
2. В. И. Ленин: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., комм. В. А. Гуторова. Т. 2 : Рефлексия ленинизма в мировой философской и социально-политической мысли. — 2-е изд. — СПб. : РХГА, 2023. — 772 с.
3. Гаврилова Ю. А. Аксиологизация сущности современного российского государства // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. — М., 2023. — Ч. 1. — С. 47–50.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. — М. : Мысль, 1974. — 452 с.
5. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / под ред. В. В. Соколова. Т. 1. — М. : Мысль, 1989. — 622 с.
6. Грамши А. Формирование человека (записки о педагогике). — М. : Педагогика, 1983. — 224 с.
7. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. Т. 42. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. — С. 264–304.
8. Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Т. 29. — М. : Госполитиздат, 1963. — 782 с.
9. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2018. — 700 с.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. — М. : ИРИСЭН, 2019. — 424 с.
11. Прохоров М. М. Сущность государства и модальность социального государства // Педагогика. Психология. Философия. — 2017. — № 2 (06). — С. 86–98.
12. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. — М. : Гардарики, 2006. — 384 с.
13. Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. — 2016. — № 1 (229). — С. 75–89.
14. Филин А. Ю. Сущность современного государства и проблемы безопасности, культурной идентичности и социальной справедливости // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 12 (139). — С. 96–100.
15. Философия права : курс лекций : учеб. пособие : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. — М. : Проспект, 2013. — 522 с.

Материал поступил в редакцию 7 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balkovaya V. G. Integrativnyy podkhod k otsenke sushchnosti gosudarstva // *Zakon i pravo*. — 2020. — № 11. — S. 24–27.
2. V. I. Lenin: pro et contra: antologiya / sost., vstup. st., komm. V. A. Gutorova. T. 2: Refleksiya leninizma v mirovoy filosofskoy i sotsialno-politicheskoy mysli. — 2-e izd. — SPb.: RKhGA, 2023. — 772 s.
3. Gavrilova Yu. A. Aksiologizatsiya sushchnosti sovremennogo rossiyskogo gosudarstva // *Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire: sbornik dokladov XII Moskovskoy yuridicheskoy nedeli: v 5 ch.* — M., 2023. — Ch. 1. — S. 47–50.
4. Gegel G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1: Nauka logiki. — M.: Mysl, 1974. — 452 s.
5. Gobbs T. Sochineniya: v 2 t. / pod red. V. V. Sokolova. T. 1. — M.: Mysl, 1989. — 622 s.
6. Gramshi A. Formirovanie cheloveka (zapiski o pedagogike). — M.: Pedagogika, 1983. — 224 s.
7. Lenin V. I. Eshche raz o profsoyuzakh, o tekushchem momente i ob oshibkakh tt. Trotskogo i Bukharina // *Polnoe sobranie sochineniy*. T. 42. — M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1970. — S. 264–304.
8. Lenin V. I. Filosofskie tetradi // *Polnoe sobranie sochineniy*. T. 29. — M.: Gospolitizdat, 1963. — 782 s.
9. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk. 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, Infra-M, 2018. — 700 s.
10. Nozik R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya. — M.: IRISEN, 2019. — 424 s.
11. Prokhorov M. M. Sushchnost gosudarstva i modalnost sotsialnogo gosudarstva // *Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya*. — 2017. — № 2 (06). — S. 86–98.
12. Stepin V. S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy. — M.: Gardariki, 2006. — 384 s.
13. Syrykh V. M. Rossiyskie pravovedy na perepute: materialisticheskyy ratsionalizm ili subektivnyy idealizm? // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2016. — № 1 (229). — S. 75–89.
14. Filin A. Yu. Sushchnost sovremennogo gosudarstva i problemy bezopasnosti, kulturnoy identichnosti i sotsialnoy spravedlivosti // *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. — 2019. — № 12 (139). — S. 96–100.
15. Filosofiya prava: kurs lektsiy: ucheb. posobie: v 2 t. / otv. red. M. N. Marchenko. T. 1. — M.: Prospekt, 2013. — 522 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.035-044

В. В. Гошуляк*

Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу поправок к Конституции РФ 2020 г. через призму идеологии консерватизма. Раскрываются причины закрепления либеральной доктрины в Конституции РФ 1993 г. и ее ограниченность в условиях современной российской цивилизации. В Конституции РФ 1993 г. был заложен либеральный проект государственно-правового развития России, в основе которого лежали постулаты свободы, без учета характерной для нашей страны консервативной концепции. Раскрыты сильные и слабые стороны идеологии консерватизма. Показана значимость традиционных ценностей, нашедших выражение в конституционно-правовых нормах. Основу русского консерватизма, сформировавшегося в виде идеологии в начале XIX в., составляли идеи преемственности исторического развития России как государства-цивилизации. В них отражались те особенности нашего государства, которые делали его непохожим на западную цивилизацию. В статье доказывается, что данные правовые нормы не относятся к декларативным нормам Конституции РФ, поскольку учитываются в текущем законодательстве. Изменения в Конституции РФ усилили ее консервативные начала с сохранением ее либеральной модели. Сделан вывод о том, что либеральная и консервативная идеологии, хотя и являются конкурирующими, в Конституции РФ дополняют друг друга, поскольку применение их в совокупности позволяет преодолеть ограниченность и недостатки каждой из указанных моделей.

Ключевые слова: либеральная модель; консервативная модель; конституционно-правовые нормы; нормы морали и нравственности; поправки к Конституции РФ 2020 г.; традиционные ценности; западная цивилизация; российская цивилизация; глобализм; антиглобализм; публичная власть.

Для цитирования: Гошуляк В. В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 35–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.035-044.

© Гошуляк В. В., 2025

* Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, директор юридического института Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Российская Федерация, 440026
vvgoshulyak@rambler.ru

The Ideology of Conservatism in the Updated Constitution of the Russian Federation

Vitaliy V. Goshulyak, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Law Institute, Penza State University, Penza Russian Federation
vvgoshulyak@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of amendments to the Constitution of the Russian Federation made in 2020 through the prism of the ideology of conservatism. The author elucidates the reasons for the consolidation of the liberal doctrine in the 1993 Constitution of the Russian Federation and its limitations in the conditions of modern Russian civilization. The Constitution of the Russian Federation of 1993 laid down a liberal project for the state and law development of Russia that was based on the postulates of freedom, without taking into account the conservative concept characteristic of our country. The paper explains the strengths and weaknesses of the ideology of conservatism and demonstrates the significance of traditional values that have been consolidated in constitutional law rules. Russian conservatism that formed as ideology at the beginning of the 19th century, was based on the ideas of continuity of the historical development of Russia as a civilization state. These ideas reflected those features of our state that made it different from Western civilization. The paper proves that these legal norms cannot be referred to the declarative norms of the Constitution of the Russian Federation, since they are included in the current legislation. Changes in the Constitution of the Russian Federation strengthened its conservative principles while maintaining its liberal model. The author concluded that liberal and conservative ideologies, despite being competing, are mutually complementary in the Constitution of the Russian Federation, since their cumulative application allows us to overcome the limitations and shortcomings of each of the models.

Keywords: liberal model; conservative model; constitutional law norms; norms of morality; amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020; traditional values; Western civilization; Russian civilization; globalism; anti-globalism; public power.

Cite as: Goshulyak VV. The Ideology of Conservatism in the Updated Constitution of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):35-44. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.035-044.

После распада в конце 1991 г. Советского Союза Российская Федерация как самостоятельное суверенное и независимое государство стала создавать собственную правовую систему, ядро которой составляла Конституция РФ 1993 г.

В первые годы новой российской государственности считалось, что преодолеть кризисные явления позднего СССР поможет практически ничем не ограниченная свобода граждан и рынок, который при минимальном участии государства самостоятельно урегулирует отношения собственности, стимулирует экономическую активность, создаст изобилие товаров и услуг, обеспечит технологическое развитие, преодолеет отставание от передовых зарубежных стран. С этой целью была проведена приватизация государственной собственности, в результате которой последняя стала частной собственностью немногих.

Желание достичь максимальных результатов и процветания в кратчайшие сроки заставило реформаторов пойти на непопулярные меры, отказаться от многих завоеваний социалистического государства, ориентируясь на западные модели развития общества и государства, уповать на либеральные ценности так называемого цивилизованного мира, которые были призваны ускорить социально-экономическое развитие и поставить нашу страну в ряд передовых государств.

Впрочем, странам объединенного Запада не нужна была сильная Россия, обладающая к тому же солидными запасами ядерного оружия. Ставка ими была сделана на олигархический капитал, связанный в основном с сырьевым сектором и не стремившийся к технологическому развитию России, поскольку можно было получать прибыль, не напрягаясь, продавая дорожающее сырье за границу, а высокотехнологичные товары получать из государств «золотого

миллиарда». В итоге страна имела шанс превратиться в сырьевой придаток Западного мира, и вековой спор между Западом и Востоком мог бы завершиться поражением России.

В этих условиях в правовую систему России были инкорпорированы накопленные либеральной юридической мыслью ценности и теории, которые не могли не наложить отпечаток и на Конституцию.

Нельзя сказать, что либеральные идеи западной юридической мысли неприемлемы для России. Они ведь складывались столетиями и находили отражение в трудах выдающихся ученых и политических деятелей разных стран и эпох. Многие из этих концепций были использованы разработчиками российской Конституции: приоритет прав человека, разделение властей, местное самоуправление, народный суверенитет, многообразие форм собственности, конституционное правосудие и т.п. Эти идеи, заложенные в Конституции РФ, действительно являлись передовыми и относились к выдающимся достижениям юридической мысли.

В ходе либеральных реформ 1990-х гг. было значительно сокращено влияние государства во всех сферах социально-экономического, культурного и духовного развития общества. Публичная власть была ограничена свободой личности. Итогом этих преобразований стала ликвидация гегемонии государства во всех общественных процессах.

Правовым выражением проводимых реформ стало принятие Конституции РФ 1993 г., которая определила баланс свободы и власти и поставила надежный заслон от всевластия государства. Она стала действительно правовым документом, актом прямого действия, освободившись от идеологических декларативных норм советского периода.

Вместе с тем в Конституции РФ были закреплены нормы, отражающие идеи западного либерализма и не нацеленные на создание сильного государства с его регулирующей и направляющей ролью во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, сохранении государственного единства, признании и защите прав и свобод человека и гражданина.

Закрепляя права и свободы человека и гражданина в соответствии с нормами и принципами международного права, Конституция РФ сделала упор на всеобъемлющие права граждан, почти ничего не сказав об их обязанностях, не очертила четких границ личной свободы человека, которая не может быть неограниченной, право на частную собственность установила в духе либеральных традиций XIX в. без учета социальной роли собственности. В правах человека отсутствовал дух коллективизма, чувство долга и ответственности перед другими. Здесь на первом месте стоит индивидуализм в пользовании правами.

В вопросах российского федерализма закреплялось формальное равенство субъектов Федерации при их неравном конституционно-правовом статусе; не были определены предметы исключительного ведения субъектов РФ, что давало возможность им в конституциях и уставах неоправданно расширять свой правовой статус; содержались туманные формулировки о равноправии и самоопределении народов России, которые можно было трактовать и как право на отделение от Российской Федерации; не устанавливались прямые запреты на выход субъектов из состава Российской Федерации и на наличие у них государственного суверенитета. Такие правовые нормы затрагивали основы российского федерализма и оказывали влияние на государственное единство.

Либеральные идеи были заложены и в организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. При признании принципа разделения властей оставался неопределенным конституционно-правовой статус Президента РФ, который имел достаточно широкие полномочия в сфере исполнительной власти, но к ней не относился; в местном самоуправлении упор делался на его самостоятельность и независимость, что оказывало негативное влияние на единую систему публичной власти.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что в Конституции РФ 1993 г. был заложен либеральный проект государственно-правового развития России, в основе которого лежали постулаты

свободы, без учета характерной для нашей страны консервативной концепции.

Основу русского консерватизма, сформировавшегося в виде идеологии в начале XIX в., составляли идеи преемственности исторического развития России как государства-цивилизации. В них находили выражение те особенности нашего государства, которые делали его непохожим на западную цивилизацию.

Основоположниками русского консерватизма, как известно, были славянофилы. Они вошли в историю как последовательные критики западной юриспруденции с ее формальными принципами свободы и равенства. Их идеи основывались на противопоставлении правовых культур России с ее обычным правом и Европы с преобладанием постулатов римского права. При этом они не только констатировали различия в системах права, но и подвергали критике западные либеральные ценности юриспруденции.

В обобщенном виде основные постулаты идеологии русского консерватизма сформулировал К. П. Победоносцев, для которого значимость имел конкретный человек с его национальной и сословной принадлежностью, ожиданиями и стремлениями, а не характерное для западной юриспруденции физическое обезличенное лицо. Существующие в обществе принципы свободы, равенства, братства в его концепции не превращались в юридически обязывающие правовые нормы, устанавливаемые государством.

Человечество, по мнению консерваторов, не совокупность абстрактных физических лиц. Оно не может образовывать единой солидарной группы, поскольку не имеет в мировом масштабе единой государственной общности. Отсюда части человечества, объединенные в различных государствах, имеют разные взгляды на природу правовых предписаний и морально-этические правила поведения. Для одних важнейшим принципом права является индивидуализм в пользовании правами, для других — чувство долга, взаимной ответственности, сопричастности, коллективизма. Нетрудно заметить, что на первых посылах строилась

современная западная цивилизация, а на вторых — российская. Именно на индивидуальном долге, взаимной ответственности, воспитании в индивиде чувства сопричастности, по мнению таких представителей русского консерватизма, как К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин, основаны взаимоотношения между людьми, между личностью и государством. «Строить право, — писал И. А. Ильин, — не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющееся и крепнущее правосознание»¹.

В юридической науке консерватизмом принято считать политико-правовую доктрину, систематизированное учение с более чем двухсотлетней историей, обосновывающее особенности русской цивилизации, ее отличия от цивилизации объединенного Запада, направленное на сохранение выработанных веками устоев, традиций в развитии общества, государства и права. Консерватизм имеет ярко выраженную антиглобалистскую направленность и в споре между глобалистами и антиглобалистами стоит на позициях национальной идентичности, многообразия и многополярности современного мира при сохранении его единства. Не будет преувеличением сказать, что консерватизм представляет собой «почвенную» идеологию, строящуюся на исторических и культурных традициях нашей страны.

Появившийся в странах Западной Европы как ответ на революционные настроения консерватизм получил логическое завершение в виде политико-правовой идеологии на рубеже XVIII–XIX вв. в работах Э. Бёрка. В них были сформулированы основные ценности консервативной идеологии: патриотизм, правопорядок, сильное монархическое государство, дисциплинированная армия, морально-нравственные ценности, независимые справедливые суды, уважаемая обществом церковь, историческое право, собственность, семья, законность и т.п. Эти ценности он сформулировал в противовес либеральной идеологии с ее революционным преобразованием мира, атеизмом, универсализмом,

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 309.

индивидуализмом, абсолютизацией свободы личности и личных прав. Э. Бёрк был сторонником сохранения и развития всего значимого, что было выработано предшествующими поколениями. Он не выступал против свободы личности, но был против анархической безбрежной свободы. «Идея свободы, — писал он, — полученная людьми вместе с врожденным чувством достоинства, защищает поколения от неизбежной наглости выскочек. Вот почему наша свобода — это благородная свобода. Она значительна и величественна. У нее есть родословная, своя портретная галерея предков, ей принадлежат надписи на монументах, документы, свидетельства, титулы и права»².

Консерваторы не были реакционерами. Они выступали за личную свободу человека, за невмешательство государства в личную жизнь, которая существует как частная и одновременно не может существовать без общенародного начала, т.к. человек является социализированной личностью в составе того или иного коллектива.

Эти идеи относятся к так называемому традиционалистскому консерватизму, возродившемуся в конце XX в. Консерватизм как политико-правовая идеология отвергал революции, как губительные для общества и государства. Однако он не исчез даже в периоды революционных потрясений в Европе и в России, когда происходило отрицание прошлого. Эти процессы не привели к исторической амнезии народов. После Великой французской и Октябрьской революций Франция и Россия «не потеряли свою идентичность, свое национальное лицо в том смысле, что в обоих случаях, служивших в качестве поворотных пунктов к новым формациям, были сохранены многие национальные традиции, обычаи, верования, стереотипы поведения и другие элементы, составляющие субстрат национального сознания»³.

Русский консерватизм с его славянофильством и теорией официальной народности (самодержавие, православие, народность) возник как реакция на Великую французскую буржуазную революцию, проводимые реформы и распространение идей либерализма. Он не был един. М. А. Арефьев и И. Д. Осипов указывают на различия в течениях русского консерватизма. Так, у Н. М. Карамзина можно найти одновременно и оправдания крепостного права, и идеи Просвещения. В учении славянофилов соединялись либеральные идеи свободы личности с консервативными ценностями религиозной соборности. В целом «русский консерватизм может рассматриваться как специфический вариант общеевропейского течения консервативной мысли в условиях России — страны с устойчивыми социокультурными традициями, с одной стороны, и быстрыми темпами модернизации — с другой»⁴.

Особенностями русского консерватизма являются опора на православие, создание сильного государства, антизападная направленность. Принято считать, что это коллективистская политико-правовая доктрина. Однако это не совсем так. В центре теории русских консерваторов стоит социализированная и воцерковленная личность. «Консервативная политико-правовая доктрина, — справедливо пишет А. Ю. Кузубова, — представляет собой взаимосвязь иррациональных правовых образов и рациональных идей, восходящих из религиозных установлений и государственно-правовых традиций общества. Ее важнейшими началами являются концепты: идеократической государственности в форме самодержавия; симфонии церковной и государственной властей; идеала соборности общества при относительной независимости земского самоуправления; приоритета правды над правом, этических начал над формально-юридическими; ведущей роли обычных норм в регулировании общественных отношений»⁵.

² Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 2023. С. 53.

³ Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 74.

⁴ Арефьев М. А., Осипов И. Д. Идеи истоки и ценности русского консерватизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 177.

⁵ Кузубова А. Ю. Аксиологический статус государственно-правовой доктрины русского консерватизма // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 200.

Русский консерватизм в правовом отношении изначально носил дуалистический характер: с одной стороны, выделялось исходящее от государства позитивное право, а с другой — духовно-религиозные нравственные начала. Следовательно, право в этой трактовке — исторически сложившаяся ценностно-нормативная система, основанная на сочетании норм права и морально-нравственных норм с религиозным оттенком. Центральное место в этой системе занимали ценности правды и справедливости.

Русские консерваторы, опираясь на особенности нашей страны как государства-цивилизации, противопоставляли Россию европейским государствам. При этом постулировались такие традиционные ценности, как патриотизм, наличие государствообразующей русской нации с ее культурой и религией. Л. А. Тихомиров по этому поводу писал, что в будущем и в настоящем крайне важно сохранение великорусской народности и русского языка⁶.

Подавляющее большинство представителей русской модели консерватизма лучшей формой правления считали монархию. Однако в конце XIX в. в эти представления были внесены коррективы. Тогда стало ясно, что сохранение традиционного монархического строя в России невозможно без его преобразования путем отказа от устаревших принципов⁷. Консерваторы начали требовать от государства вмешательства в социально-экономическую сферу, чтобы предотвратить складывающиеся в обществе революционные настроения. Это противоречило изначальным принципам и постулатам консерватизма. Попытки объединения идей консерватизма с либеральными ценностями возникшего буржуазного общества в то время были нереализуемы.

Идея сильного государства красной чертой проходила через все направления русского консерватизма. Такое государство признается опорой социальной стабильности, в нем существует сильная монархическая власть, «где реализуется приоритет обязанностей над индивидуальными

свободами и правами: социальный порядок оказывается мерой свободы»⁸.

Русский консерватизм тесно связан с традиционализмом. Опора на традиционные ценности общества была главной идеей. Однако эта идея плохо сочеталась с необходимостью модернизации России, при которой превосходство проверенных историей обычаев и традиций не соответствовало необходимости ускоренных преобразований в обществе и государстве с целью преодоления отставания от стран Запада. В этом были утопичность и нежизнеспособность идей консерваторов, которые в свою очередь также требовали модернизации и синтеза с отвергаемыми ими либеральными теориями.

Русские консерваторы отвергали революции и перевороты как формы модернизации общества. Они были сторонниками поступательного, постепенного и осторожного развития страны без революционных бурь и потрясений с опорой на религиозное начало, школу, армию и семью.

Многие из идей консерваторов в настоящее время являются архаичными. Они создавались в других исторических условиях и по этой причине неприменимы сегодня. Однако в политико-правовой доктрине русских консерваторов есть и рациональное зерно, которое востребовано в наши дни. Это идеи преемственности исторического развития России как государства-цивилизации, создание сильного государства, индивидуальный долг и взаимная ответственность человека и государства, исторически сложившаяся ценностно-нормативная система, основанная на сочетании норм права и морально-нравственных норм, патриотизм, наличие государствообразующей русской нации с ее культурой и религией.

Эти и другие консервативные идеи в значительной степени нашли выражение в обновленной Конституции РФ. При этом перечень конституционных ценностей был значительно расширен за счет традиционных ценностей. Среди них память и идеалы предков, тысячелетняя история России, историческое правопреемство, подвиг

⁶ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. 3. С. 153.

⁷ Катков М. Н. Идеология охранительства. М., 2009. С. 7.

⁸ Арефьев М. А., Осипов И. Д. Указ. соч. С. 179.

народа, государственное единство, уважение человека труда, взаимная ответственность личности и государства, брак как союз мужчины и женщины, патриотизм, гражданственность, уважение к старшим и т.п. Эти ценности закреплены в ст. 67.1 Конституции РФ.

Впервые на нормативном уровне определение традиционных ценностей приводится в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Они трактуются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России⁹.

Закрепление в Конституции РФ традиционных ценностей, уходящих корнями в нравственные начала жизнедеятельности человека и общества, означает, что они стали правовой основой для дальнейшего развития и совершенствования конституционно-правового регулирования общественных отношений другими источниками конституционного права. При этом государство не создает нормы морали и нравственности. Включение же таких норм в законодательные акты подразумевает, что государство поддерживает нормы морали и нравственности правовыми средствами.

Некоторые авторы в этой связи считают, что в конституционном праве необходимо выделить в качестве разновидности норм права нормы-ценности, которые «определяют духовные ориентиры российского общества»¹⁰. Другие настаивают на том, что конституционные ценности не

являются нормами права, а выступают в науке конституционного права в качестве категорий¹¹.

Включение в Конституцию РФ традиционных ценностей как правовых ориентиров развития общества и государства, несмотря на то что они продолжают оставаться нормами морали и нравственности, означает, что эти нормы стали одновременно и нормами права. Закрепленные в Конституции РФ традиционные ценности становятся известными теории права нормами-целями, нормами-задачами, нормами-принципами. Именно они ориентируют законодателя на дальнейшее совершенствование и развитие законодательства в соответствии с этими конституционными нормами, общеобязательными для исполнения, формально определенными, многократно применяемыми, обеспеченными принудительной силой государства.

Вместе с тем некоторые правовые нормы в силу специфики правового регулирования на уровне Конституции РФ не могут не носить в том числе и декларативного характера. Характер декларации имеет не только преамбула Конституции РФ, но и отдельные конституционные нормы. Так, статья 67.1 Конституции РФ закрепляет положения о том, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство; что Россия чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды; что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Эти декларативные нормы, хотя и лишены правового наполнения в Конституции РФ, имеют

⁹ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹⁰ *Игнатушко И. В.* Российская идентичность и нормы-ценности в Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 13.

¹¹ См.: *Бурла В. М.* «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 12; *Ескина Л. Б.* Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 15.

определяющие значение для их конкретизации в текущем законодательстве и восстановления традиционных ценностей многонационального российского народа. Данные нормы — нравственный, а после их закрепления в Конституции РФ и правовой, ориентир дальнейшего развития нашего государства-цивилизации.

Норма о государственном единстве указывает на востребованность в современных условиях идеи русских консерваторов о сильном государстве, которое немыслимо без вертикали власти. Здесь нельзя не вспомнить утверждение выдающегося российского историка-государствоведа XIX в. С. М. Соловьева о том, что с учетом равнинной местности, огромной территории и неблагоприятных природных условий Россия как государство могла сохраниться только при наличии сильной государственной власти¹².

Идея сильной государственной власти в обновленной Конституции РФ выразилась в категории «единая публичная власть» (ст. 67, 71, 80, 83, 131).

Понятие «публичная власть» впервые было сформулировано в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹³. Под ней подразумеваются органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления. Как видно из этого определения, в Российской Федерации органы публичной власти специально не создаются. Эта категория используется на доктринальном уровне как обобщающая по отношению к органам государственной власти и органам местного самоуправления¹⁴.

Единство публичной власти вытекает из основ конституционного строя РФ. В соответствии с ними носителем суверенитета и единствен-

ным источником власти в России является многонациональный народ, который осуществляет свою власть как непосредственно через выборы и референдумы, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Отсюда народ никому не передает свою власть — только право на ее осуществление. Кроме того, организация единой публичной власти должна соответствовать основам конституционного строя РФ и прямо вытекать из их принципов. Приведенные аргументы указывает на конституционные начала единства публичной власти в Российской Федерации.

Отдельные исследователи из единства системы публичной власти стали делать выводы о встраивании органов местного самоуправления в систему государственной власти¹⁵. Такие заключения о местном самоуправлении, ставшем одним из основных институтов конституционного права, преждевременны. В нашем случае можно вести речь только о том, что характерная для либеральной эпохи общественная теория местного самоуправления в современных условиях была заменена государственной теорией. Местному самоуправлению была придана государственная природа, которая не изменила статью 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и невхождении его в систему органов государственной власти.

Следовательно, единая система публичной власти стала конституционным признаком сильного государства при сохранении всех институтов правового демократического государства. Единство власти выступило неотъемлемой частью принципа государственного суверенитета как высшей конституционной ценности.

Значимо в выражении идеологии консерватизма закрепление в ст. 68 Конституции РФ рус-

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 10 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 56–63.

¹³ СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

¹⁴ Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 50.

¹⁵ См.: Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 13; Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 24.

ского народа как государствообразующего. Здесь же речь идет о русском языке как государственном языке Российской Федерации, праве республик устанавливать свои государственные языки, которые могут употребляться наравне с русским, праве на сохранение родного языка, культуре как уникальном наследии многонационального народа России. Эти конституционные положения развили и конкретизировали установленный в основах конституционного строя принцип равноправия и самоопределения народов.

Одним из основных постулатов идеологии консерватизма является преемственность исторического развития, отказ от революционных преобразований и потрясений, от кардинальной ломки старого и строительства на его месте нового общества и государства. В этой связи в обновленную Конституцию РФ и была включена статья 67.1 о тысячелетней истории, памяти предков и преемственности развития России. В этой же статье речь идет о религии и нравственности, которые, как отмечается в научной литературе, являются более совершенными, более тонкими, более всеобъемлющими, чем право, социальными регуляторами¹⁶. И это неслучайно, поскольку из религии и нравственности вытекают те традиционные ценности, приверженность которым подтвердили изме-

нения Конституции РФ. При этом переданная нам предками вера в Бога не нарушила принципа светского государства и закреплённой в Конституции РФ свободы совести.

Нацеленность на эволюционное развитие государства нашла выражение и во включенной в Конституцию РФ статье 75.1, в которой закрепляется, что «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Именно эти направления являются основой для устойчивого развития России, без революционных бурь и потрясений.

Таким образом, масштабные поправки в Конституцию РФ были внесены на основе идеологии консерватизма, но не превратили ее либеральную модель в полностью консервативную. Либеральная и консервативная идеологии, хотя и являются конкурирующими, в данном случае дополняют друг друга, поскольку применение их в совокупности в конституции государства позволяет преодолеть ограниченность и недостатки каждой из указанных моделей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриченко Л. В. Эволюция принципов федерализма в России в свете конституционных преобразований 2020 г. // Журнал российского права. — 2022. — № 3. — С. 48–59.
2. Арефьев М. А., Осипов И. Д. Идеиные истоки и ценности русского консерватизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. — 2013. — Т. 2. — № 2. — С. 172–183.
3. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. — М.: Ладомир, 2023. — 508 с.
4. Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 3. — С. 11–26.
5. Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. — 1991. — № 1. — С. 55–74.
6. Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 11. — С. 13–20.

¹⁶ Осаветлюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10. С. 56.

7. Ескина Л. Б. Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 2. — С. 11–15.
8. Игнатушко И. В. Российская идентичность и нормы-ценности в Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 5. — С. 12–14.
9. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. — М. : Рарог, 1994. — 461 с.
10. Катков М. Н. Идеология охранительства. — М. : Институт русской цивилизации, 2009. — 796 с.
11. Кузубова А. Ю. Аксиологический статус государственно-правовой доктрины русского консерватизма // Актуальные проблемы государства и права. — 2023. — Т. 7. — № 2. — С. 198–204.
12. Осавельюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 10. — С. 54–60.
13. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 11. — С. 24–29.
14. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 10 кн. Кн. 1. — М. : Мысль, 1988. — 798 с.
15. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность : в 4 ч. Ч. 3 : Русская государственность. — М. : Унив. тип., 1905. — 244 с.

Материал поступил в редакцию 14 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrichenko L. V. Evolyutsiya printsipov federalizma v Rossii v svete konstitutsionnykh preobrazovaniy 2020 g. // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — № 3. — S. 48–59.
2. Arefev M. A., Osipov I. D. Ideynye istoki i tsennosti russkogo konservatizma // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. — 2013. — Т. 2. — № 2. — S. 172–183.
3. Berk E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii. — М.: Ladomir, 2023. — 508 s.
4. Burla V. M. «Konstitutsionnye tsennosti» kak nauchnaya kategoriya: problemy definitsii, formalizatsii, sistematizatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — № 3. — S. 11–26.
5. Gadzhiev K. S. Sovremennyy konservatizm: opyt tipologizatsii // Novaya i noveyshaya istoriya. — 1991. — № 1. — S. 55–74.
6. Dobrynin N. M. Konstitutsionnyy printsip edinstva sistemy publichnoy vlasti: k voprosu ob evolyutsii munitsipalnogo upravleniya v Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 11. — S. 13–20.
7. Eskina L. B. Popravki k Konstitutsii RF: obnovlenie soderzhaniya ili vozvrat k sovetской модели // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 2. — S. 11–15.
8. Ignatushko I. V. Rossiyskaya identichnost i normy-tsennosti v Konstitutsii RF // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2024. — № 5. — S. 12–14.
9. Ilin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya // Sbranie sochineniy: v 10 t. Т. 4. — М.: Rarog, 1994. — 461 s.
10. Katkov M. N. Ideologiya okhranitelstva. — М.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009. — 796 s.
11. Kuzubova A. Yu. Aksiologicheskiy status gosudarstvenno-pravovoy doktriny russkogo konservatizma // Aktualnye problemy gosudarstva i prava. — 2023. — Т. 7. — № 2. — S. 198–204.
12. Osavelyuk A. M. Popravka k Konstitutsii RF ob idealakh nashikh predkov i vere v Boga kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 10. — S. 54–60.
13. Peshin N. L. Konstitutsionnaya reforma mestnogo samoupravleniya: edinstvo publichnoy vlasti kak novyy vseobshchiy printsip organizatsii mestnogo samoupravleniya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 11. — S. 24–29.
14. Solovev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen // Sochineniya: v 10 kn. Кн. 1. — М.: Mysl, 1988. — 798 s.
15. Tikhomirov L. A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost: v 4 ch. Ch. 3: Russkaya gosudarstvennost. — М.: Univ. tip., 1905. — 244 s.

Основные модели реализации требований солидарных кредиторов

Аннотация. Проанализированы особенности исполнения солидарных требований кредиторов и последующих регрессных требований, возникающих между ними. На основе отечественной и зарубежной научной литературы и российской судебной практики выявлены две основные модели реализации солидарных требований. Сделан вывод, что модель единого солидарного требования и модель множественности солидарных требований, помимо теоретических различий, призваны защищать разные правовые ценности. Последние связаны либо с интересом должника в достижении предсказуемости своего правового положения и защищенности от возрастания споров с его участием, либо с интересами кредиторов в автономном осуществлении принадлежащих им прав. Подход в пользу приоритета первого предъявившего требование кредитора, сложившийся в судебной практике, порождает безосновательное прекращение прав солидарных кредиторов и обуславливает необходимость его изменения в пользу обеспечения доступа солидарных кредиторов к получению исполнения от должника. Актуальность исследования определена недостаточным регулированием отношений с участием солидарных кредиторов, что приводит к отсутствию предсказуемой судебной практики и ограничению правовых возможностей участников активной множественности лиц на стороне кредитора.

Ключевые слова: солидарные требования; солидарные обязательства; солидарные кредиторы; солидарные должники; солидарная ответственность; множественность лиц; регрессные обязательства; регрессные требования; право регресса; регресс; обязательственное право.

Для цитирования: Косов А. И. Основные модели реализации требований солидарных кредиторов // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 45–56. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.045-056.

Primary Models for Implementing the Claims of Joint Creditors

Alexander I. Kosov, Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kosovprav@yandex.ru

Abstract. The paper elucidates peculiarities of enforcement of creditors' joint claims and subsequent recourse claims arising between creditors. Based on domestic and foreign scholarship and Russian judicial practice, the paper determines two main models for the implementation of joint claims. The author concludes that the model

© Косов А. И., 2025

* Косов Александр Игоревич, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
kosovprav@yandex.ru

of a single joint claim and the model of multiplicity of joint claims, except for theoretical differences, are designed to protect different legal values. These values are associated either with the interest of the debtor in achieving predictability of his legal position and debtor's protection against increasing disputes with his participation, or with the interest of creditors in exercising their rights independently. The approach in favor of the priority of the creditor who files a claim first developed in judicial practice results in an unjustified termination of the rights of joint creditors and makes it necessary to change this situation in favor of ensuring the access of joint creditors to gaining recovery from the debtor. The relevance of the study is predetermined by insufficient regulation of relations involving joint creditors, which leads to the lack of predictable judicial practice in applying the rules and limiting the legal capabilities of participants in multiplicity of persons on the side of the creditor.

Keywords: joint claims; joint obligations; joint creditors; joint debtors; joint liability; plurality of persons; recourse obligations; recourse claims; right of recourse; regress; law of obligations.

Cite as: Kosov AI. Primary Models for Implementing the Claims of Joint Creditors. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):45-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.045-056.

1. Предпосылки моделей регулирования отношений солидарных кредиторов

Статьи 322 и 326 ГК РФ регламентируют режим солидарных требований кредиторов. Обе статьи содержат формулировки «обязательство», «требование» в единственном числе, буквально указывая на единое требование, принадлежащее нескольким лицам. Согласно доминирующему подходу в судебной практике права кредиторов рассматриваются как «единое целое»¹. В классических работах² и современной литературе также часто встречается мнение о наличии нескольких субъектов на одной стороне одного обязательства³, что, в свою очередь, должно вести к его прекращению в случае получения исполнения одним из кредиторов.

Представление о единстве требования солидарных кредиторов предопределено исто-

рическими предпосылками развития учения о корреальности как о едином обязательстве из одного правового основания и солидарности, подразумевающей наличие нескольких обязательств из разных оснований. В отечественной дореволюционной литературе И. П. Чирихиным по результатам исследования римских источников был выдвинут тезис о существовании в римском праве только одного обязательства со множеством участников и об абсурдности выводов о возможности существования двух, четырех, шестнадцати и более самостоятельных обязательств⁴. Взгляд на солидарные обязанности и требования как составляющие единого обязательства был воспринят в ГК РСФСР 1922 г. (ст. 116)⁵ и ГК РСФСР 1964 г. (ст. 180)⁶.

Активизировавшаяся в российской научной литературе последних лет дискуссия о правовой природе пассивного солидаритета существенно

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07-2509/2020 по делу № А56-99194/2019. См. также: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.07.2017 № Ф10-1734/2017 по делу № А84-3735/2016 ; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 № 88-6907/2023.

² См., например: Лунц Л. А., Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1950. С. 202 ; Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. С. 71.

³ См., например: Белов В. А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты — альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах : сборник статей. М. : Статут, 2011. С. 53.

⁴ Чирихин И. П. Солидарность в обязательствах. Казань : Тип. «Казан. бирж. листка», 1888. С. 55–56.

⁵ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // Известия ВЦИК. № 256. 12.11.1922.

⁶ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

повлияла на восприятие положения участников солидарных обязательств, в первую очередь должников⁷. Принятие базового тезиса о наличии нескольких обязательств, а не одного единого, связывающего должников с кредитором, имело несколько последствий. Во-первых, это возможность возникновения солидарных обязательств, имеющих разные правовые основания, направленных на удовлетворение единого имущественного интереса кредитора⁸. Во-вторых, это признание возможности наличия у каждого из обязательств собственного правового режима, отличающегося от режима обязательства другого солидарного должника в части срока исполнения, обусловленности, наличия личных возражений, оснований для потенциального оспаривания и т.д.

Вышеуказанные новеллы, расширяющие понятие солидарности, тем не менее почти никак не повлияли на господствующие представления о правах солидарных кредиторов в научной литературе и судебной практике. Этому несколько причин. Установление активного солидаритета не является распространенным явлением среди участников оборота. В отличие от пассивной активной солидарности не предоставляет кредиторам существенного улучшения их положения: если лица намерены совместно реализовывать требования против должника, достаточно предоставления полномочия другому лицу для целей представительства. Каждый из кредиторов зависит, с одной стороны, от случайного выбора должником адресата исполнения, который, в свою очередь, не связан последующими регрессными обязательствами кредиторов⁹, с другой — на стадии регресса — от платежеспособности получившего исполнение кредитора и его намерений добровольно осуществить распределение исполнения. Это не способствует развитию ни нормативных положений, ни дог-

матических исследований, остающихся в контексте существующего регулирования.

Подавляющее большинство примеров солидарных требований в российском гражданском законодательстве и судебной практике имеют одно основание в виде договора. В частности, это требования о возврате суммы займа нескольким займодавцам, взыскании арендной платы в пользу сособственников, об оплате товара в случае поставки несколькими лицами. В таких примерах исключаются наличие у солидарных требований разных оснований и, соответственно, необходимость постановки соответствующей проблемы. В том незначительном количестве случаев, когда кредиторов с должником связывают разные договоры (отношения «грузоотправитель — грузоперевозчик — грузополучатель») или требование одного из кредиторов основано на прямом указании закона, например в соответствии с п. 1 ст. 670 ГК РФ требования лизингодателя и лизингополучателя к продавцу имущества — предмета лизинга, какие-либо особенности реализации требований к общему должнику не раскрываются. Попытки расширять основания возникновения активной солидарности за пределы случаев, прямо установленных законом или договором, также не предпринимаются, что обусловливается отмеченными недостатками активной множественности.

2. Модель единого солидарного требования и механизм преобразования солидарного обязательства в ординарное

Наличие одной правовой возможности, разделяемой несколькими лицами, является основанием возникновения их конфликта при реализации общего права и определении того, кому из

⁷ См., например: *Тололаева Н. В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография М. : Статут, 2020.

⁸ См.: Интервью с Натальей Тололаевой // *Гражданское право. 2024. Т. 1. № 2. С. 5–6* ; *Гуна А. Н.* Координация требований к должникам из разных оснований // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2021. № 7. С. 174.

⁹ *Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. Т. 3. С. 56.*

них будет совершено предоставление. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 326 ГК РФ до предъявления требования одним из солидарных кредиторов должник вправе исполнять обязательство любому из них по своему усмотрению. Хотя норма буквально устанавливает темпоральные границы для реализации должником свободы предоставить по своему выбору исполнение, неясны последствия нарушения такого порядка, например, если должник предоставит исполнение другому кредитору или прекратит зачетом встречное обязательство. По умолчанию непонятно и то, означает ли термин «предъявление» направление претензии должнику, искового заявления в суд или же требуется вынесение решения в пользу одного из кредиторов для установления ясности в личности управомоченного на получение исполнения лица.

Российская судебная практика предлагает достаточно неординарное решение. Во-первых, по мнению ряда судов, после предъявления требования солидарным кредитором единое солидарное требование преобразуется в обычное обязательство с одним должником и одним кредитором. Это исключает возможность удовлетворения требований других кредиторов: у них остается право получения солидарного исполнения от должника только в неистребованной части долга, например неустойки за периоды, не заявленные изначально предъявившим требование солидарным кредитором¹⁰. Во-вторых, наличествует принцип приоритета первого предъявившего в суд иск кредитора. Представление требования к должнику после указанного момента влечет отказ в его удовлетворении в соответствии с Аналитической справкой по результатам обобщения практики, утвержденной Президиумом Арбитражного

суда Восточно-Сибирского округа. Президиум предлагает решать проблему приоритета в зависимости от добровольного или принудительного исполнения должником солидарного требования на примере отношений из грузоперевозки: «В случае согласия перевозчика на добровольное удовлетворение предъявленных к нему требований приоритет имеет тот из кредиторов (грузоотправитель или грузополучатель), кто раньше предъявил претензию. В случае если перевозчик отказался от уплаты пени в добровольном порядке, приоритет в отношении удовлетворения требований имеет тот из кредиторов, кто раньше предъявил иск в суд»¹¹. Хотя встречаются судебные акты, в которых отрицается какой-либо приоритет предъявившего требование кредитора¹², такая позиция находится скорее в меньшинстве.

Неординарность такого решения, впрочем, не должна приводить к выводу об отсутствии в его основании исторических или догматических предпосылок. Как отмечает С. Майер, в римском праве действовало правило фиксации предъявившим требование кредитором на себе всех долговых обязательств. В случае если один из солидарных кредиторов предъявлял иск к должнику и этот иск был установлен в суде (*litis contestatio*), требования всех остальных солидарных кредиторов погашались, а должник мог освободиться от обязательства только путем исполнения кредитору, предъявившему иск¹³. Таким образом, остальные кредиторы исключались как на этапе предъявления требования, так и на этапе получения исполнения.

Другим способом защиты должника от последовательного предъявления кредиторами своих требований является их консолидация в одном судебном процессе. В английском пра-

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.07.2023 № Ф01-2213/2023 по делу № А43-13147/2022.

¹¹ Аналитическая справка по результатам обобщения практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о перевозке (утв. постановлением Президиума Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.04.2015 № 4) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07-2509/2020 по делу № А56-99194/2019.

¹³ См.: *Meier S. Die Gesamtgläubigerschaft — ein unbekanntes, weil überflüssiges Wesen? // Archiv für die civilistische Praxis. 2005. Bd. 205. H. 6. S. 868.*

ве солидарное требование к должнику (joint) является объектом права, который может принадлежать нескольким лицам совместно (co-ownership)¹⁴. Среди случаев солидарности кредиторов (joint creditorship) выделяют ответственность продавца за дефекты титула перед несколькими покупателями, обязательство по содержанию имущества перед сособственниками, обязательства по уплате арендной платы перед несколькими сторонами с долями в праве на арендуемое имущество. В литературе отмечается, что ключевым фактором для квалификации совместного или раздельного положения кредиторов является то, заслуживает ли поощрения интерес каждого из них в получении самостоятельного исполнения (several creditors) или же требуются единообразное разрешение спора с должником и устранение риска вынесения противоречивых судебных решений по одним и тем же вопросам в интересах всех кредиторов. Из последнего следует исключительно совместное предъявление требований к должнику¹⁵.

Чем может объясняться такой подход, направленный на большее объединение требований кредиторов? В первую очередь это предотвращает увеличение количества споров против должника с участием кредиторов, давая последним возможность либо объединиться для совместного ведения процесса, либо заявить одному из них требование самостоятельно для инициирования последующей регрессной «разверстки». На него в таком случае возлагается обязанность распределить полученное предоставление среди остальных кредиторов в порядке регресса. Множественность споров влечет для должника следующие риски: во-первых, возрастает размер его судебных издержек в связи с ведением нескольких судебных процессов. Во-вторых, в пользу кредиторов может

быть допущено двойное взыскание, в том числе, как показывает судебная практика, на стадии исполнения решения¹⁶. В-третьих, разрешение разными судами споров обязанного лица с каждым из кредиторов увеличивает вероятность противоречивого установления фактов в рамках самостоятельных дел. При наличии таких рисков достижение предсказуемого положения должника имеет большее значение по сравнению с обеспечением возможности кредиторов самостоятельно определять порядок реализации своих требований.

Хотя вышеуказанная логика не всегда находит буквальное отражение в судебных актах российских судов, нельзя не отметить, что реализуемый ими концепт единого требования, принадлежащего нескольким лицам, вполне может ее реконструировать. Например, в одном из дел утверждалось, что удовлетворение дважды требования о взыскании неустойки, предусмотренной Уставом железнодорожного транспорта за нарушение перевозчиком сроков доставки груза, не допускается, поскольку перевозчик не может быть привлечен к ответственности дважды¹⁷. По-видимому, Арбитражный суд Северо-Западного округа, с одной стороны, стремился предотвратить риск двойного возмещения, а с другой — косвенно, но всё же пытался устранить последующие судебные разбирательства, где заново исследовался бы вопрос об ответственности перевозчика.

Принятие в качестве общего правила наличия у солидарных кредиторов одного имущественного права требования подразумевает совместный характер распоряжения этим правом: цессия (п. 5 ст. 388 ГК РФ) или изменение условий обязательства в части предмета, срока исполнения, обусловленности и т.п. по умолчанию возможны только всеми кредиторами, поскольку последствия таких действий будут

¹⁴ См.: *Meier S. Englische Gläubigermehrheiten. Eine Annäherung aus kontinentaler Sicht // Iurium Itinera. Historische Rechtsvergleichung und vergleichende Rechtsgeschichte / N. Jansen, S. Meier (Hrsg.). Mohr Siebeck, 2022. S. 359–360.*

¹⁵ *Meier S. Englische Gläubigermehrheiten.*

¹⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2022 № 88-12935/2022.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07-2509/2020 по делу № А56-99194/2019.

распространяться на каждого из них. В свою очередь, предъявить требование к должнику может любой из солидарных кредиторов (абз. 1 п. 1 ст. 326 ГК РФ). Как было отмечено ранее, по смыслу ст. 326 ГК РФ, придаваемому ей судебной практикой, предъявление требования влечет приоритет кредитора по отношению к остальным управомоченным лицам и преобразование солидарного права требования. Такое решение значимо с точки зрения того, что лицо не обязано зависеть от инициативы всех сокредиторов. Однако сложно теоретически объяснить, как один солидарный кредитор вправе распоряжаться всем требованием, принадлежащим и другим лицам, в ущерб их интересам. Согласно постановлению Восьмого арбитражного апелляционного суда «солидарный кредитор, в сущности, действует в интересах всех кредиторов в рамках истребования образовавшейся задолженности»¹⁸, что, по существу, напоминает представительство в силу закона. Но если это верно, то каждый кредитор если и не может прекратить такие полномочия, то как минимум должен иметь возможность влиять на разрешение спора посредством присоединения к делу. Однако уже здесь наблюдается напряжение, поскольку некоторые суды, например, отказывают в участии в рассмотрении дела солидарному кредитору в отсутствие его интереса в этом рассмотрении¹⁹.

Далее, если считать, что предъявивший требование сокредитор действует в интересах всех кредиторов, то в результате судебного решения присуждение происходит по солидарному требованию в целом: каждый из них должен иметь возможность получить имущественное удовлетворение от должника либо в добровольном порядке, либо в рамках исполнительного про-

изводства. Однако это не так: действует вышеотмеченный порядок преобразования солидарного требования в ординарное и исключения последующего предъявления требований другими кредиторами. Таким образом, до возникновения регрессного обязательства на кредиторов распространяются исключительно негативные последствия реализации таких полномочий предъявившим требование кредитором: кредиторы перестают обладать правами к первоначальному должнику, даже если последний еще не исполнил свое обязательство. Впрочем, указанный порядок является скорее интерпретацией судов того, как должно реализовываться солидарное требование, нежели нормой права.

Следующее, что необходимо отметить, — это общие для всех сокредиторов последствия судебного решения по требованию, заявленному одним из кредиторов. Такой эффект применительно к солидарным обязательствам в литературе обозначают как *res judicata* — «распространение результата рассмотрения дела (с участием должника и солидарного кредитора) на всех кредиторов»: участники активной множественности связаны тем, удовлетворен или отклонен иск, какие факты установлены, заявлены ли должником возражения²⁰. В результате кредиторы полностью зависят от действий предъявившего требование кредитора и от его способностей к участию в судебном разбирательстве в целом. И хотя указанное согласуется с теорией представительства, вряд ли стоит так быстро исключать действие автономии каждого из сокредиторов на стадии рассмотрения дела и исполнения судебного акта.

Наконец, не коррелирует концепция единого обязательства с пунктом 2 ст. 326 ГК РФ, устанавливающим запрет должнику выдвигать

¹⁸ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.07.2024 № 08АП-4192/2024, 08АП-4197/2024 по делу № А81-6233/2023. См. также: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 № 88-11843/2021.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07-2509/2020 по делу № А56-99194/2019.

²⁰ См., например: комментарий к ст. 10:109 «Последствия судебного решения в отношении солидарных обязательств» (Effect of Judgment in Solidary Obligations) Принципов европейского договорного права (Principles of European Contract Law. Part III / ed. by O. Lando, E. Clive, A. Prüm and R. Zimmermann. The Hague : Kluwer Law International, 2003. P. 73).

возражения против требования одного из солидарных кредиторов, если такие возражения основаны на отношениях должника с другим солидарным кредитором. Положение проистекает из принципа относительности обязательств и способствует выделению так называемых общих и личных возражений, доступных должнику, соответственно либо против всех кредиторов, либо против одного или некоторых из них. Но если солидарное обязательство одно, то какие условия могут иметь личный характер? Любые дополнительные договоренности должника и одного из кредиторов о прощении долга, отсрочке или рассрочке исполнения обязательства, снижении размера долга и др. будут ничтожными, поскольку они согласованы только между ними без участия остальных кредиторов. Следовательно, возможны только общие возражения или соглашения участников множественности, что, на первый взгляд, не согласуется с концепцией единого обязательства.

Таким образом, в российском правовом порядке согласно господствующим представлениям в литературе и судебной практике принята модель единого солидарного требования. Ее ценность заключается в предотвращении двойного возмещения кредиторам и разрешении их притязаний в одном судебном разбирательстве. Вместе тем в российской судебной практике подход приобрел ряд особенностей, в частности приоритет первого предъявившего требование в суд кредитора и последующее преобразование солидарного требования в ординарное. Такая модификация существенно ограничивает реализацию кредиторами принадлежащего им права, а пытающаяся объяснить соответствующие положения теория взаимного представительства не способна обосновать погашение правовых возможностей участников множественности. Эффект *res judicata* существует параллельно с личными возражениями, не распространяющимися на остальных кредиторов,

что не вполне сочетается с концепцией единого обязательства.

3. Модель координации нескольких солидарных прав требования

Альтернативой концепции единого солидарного требования является множественность солидарных требований. Каждый из солидарных кредиторов обладает собственным правом требования, отличающимся с точки зрения наличия своего режима исполнения, совокупности доступных должнику возражений и иных особенностей, которые в силу принципа относительности обязательств не распространяются на правоотношения должника с другими кредиторами. Указанная концепция воплощена нормативно, например, в немецком правовом порядке, в котором для регулирования отношений солидарных кредиторов характерна зеркальность использования норм о пассивных солидарных обязательствах. В немецком праве с учетом толкования § 428 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) каждого из участников множественности кредиторов (*Gesamtgläubigerschaft*) с должником связывают самостоятельные обязательства, прекращающиеся в силу единства погашения в результате исполнения²¹. Соответственно, помимо совместного предъявления требования, каждый из кредиторов управомочен действовать самостоятельно. У должника, в свою очередь, есть возможность предоставить исполнение любому из кредиторов, в том числе после заявления притязания²². Для отдельно существующих притязаний характерны собственные срок исковой давности, возможность самостоятельной уступки²³. Закономерно отсутствует и общий эффект вынесенного судебного решения по иску одного из кредиторов (*res judicata*)²⁴. Аналогичное регулирование предусмотрено в международных актах гармонизации

²¹ См.: *Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch. Kommentar*. 71. Auflage. München, 2012. S. 633.

²² *Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch*.

²³ German Civil Code: *Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) : Article-by-Article Commentary* / ed. by G. Dannemann, R. Schulze. Vol. 1. Books 1–3: § 1–1296. München : C. H. Beck, 2020. P. 726.

²⁴ German Civil Code.

частного права (ст. 10:109 Принципов европейского договорного права, ст. 11.2.3 Принципов УНИДРУА²⁵). Подход встречается и в российской литературе²⁶.

Из вышеуказанных особенностей множественности солидарных требований можно выделить следующие достоинства. Правовая позиция каждого из кредиторов является независимой, поскольку судебное решение по требованию одного из них, истечение срока исковой давности, реализация должником возражений не имеют общих для всех солидарных кредиторов последствий. Прекращение обязательств перед ними происходит только после исполнения должником без связи с фактом предъявления требования одним из них. Кредиторы вправе самостоятельно определять порядок реализации их требований, будучи не связанными последствиями процессуальных действий, соглашений, касающихся только одного из них.

Разумеется, это сказывается и на должнике. Его правовая позиция будет зависеть от того, какой из кредиторов реализует свое право требования. Если с одним из них у должника имелось соглашение о прощении долга, изменении срока исполнения или установлении условия для предъявления требования, то такого рода положения не могут быть выдвинуты им против кредитора, не участвовавшего в данном соглашении. Разрешение спора с одним из них не гарантирует для должника освобождения от последующих судебных дел с участием других кредиторов²⁷, что увеличивает расходы на участие в них, а также влечет риск вынесения противоречащих друг другу решений.

Модель самостоятельных требований кредиторов, как и модель единого требования, может существовать в комбинированном режиме. Например, немецкое право предусматривает общее последствие просрочки кредитора, на наличие которой должник может ссылаться по отношению к другому кредитору (§ 429(1) ГГУ). Как указывается в комментариях, данное правило, отражая аналогичную норму § 424 ГГУ, является «логичным следствием общего эффекта исполнения»²⁸, который в равной степени освобождает должника по отношению ко всем кредиторам, ведь обязательства должника были бы прекращены, если бы не действия кредитора. Такое последствие может проявиться на стадии регресса в виде возмещения убытков кредитором, который допустил просрочку. К действиям, имеющим общие последствия для всех сокредиторов, также относится реализация преобразовательных (секундарных) прав²⁹. Ее совместный характер направлен на защиту всех кредиторов, поскольку их интересы могут быть затронуты в результате одностороннего изменения или прекращения обязательств должника.

4. Сравнительный анализ моделей регламентации солидарных требований

Разграничение двух подходов, хотя и имеет в основе разные теоретические предпосылки в виде наличия одного или нескольких самостоятельных прав требования, всё же претендует на выполнение других функций: защиты правовых ожиданий должника в окончательном разреше-

²⁵ См.: Commentary on the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (PICC) / ed. by S. Vogenauer. Oxford University Press, 2015. P. 1262.

²⁶ Рочегова К. Г. Солидарная множественность кредиторов по российскому праву в историческом и сравнительно-правовом контекстах // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 1. С. 71–108.

²⁷ См.: Meier S. Die Gesamtgläubigerschaft — ein unbekanntes, weil überflüssiges Wesen? S. 868–869 ; Commentaries on European Contract Laws / ed. by R. Zimmerman, N. Jansen. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 1609.

²⁸ Erman Bürgerliches Gesetzbuch. Kommentar mit nebensetzen / P. Westermann, B. Grunewald (Hrsg.). 17. Aufl. Köln : Otto Schmidt, 2023. S. 1990.

²⁹ См.: Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch. P. 633.

Речь идет о правах, «содержанием которых является возможность произвести возникновение, изменение или прекращение других прав» (Третьяков С. В. Формирование концепции секундарных прав в

нии конфликта с кредиторами вне зависимости от степени их активности, либо защиты интересов кредиторов в автономной реализации своих прав. От того, какую модель регламентации действий участников активной множественности принимает правовая система, зависит выбор ценности, которой отдается приоритет. Каждое из решений приводит к преобладанию защиты интересов должника или отдельных кредиторов.

Выбор затруднен и отсутствием ясности по поводу функций активного солидаритета на современном этапе. Вероятно, режим солидарных требований и сегодня может служить интересам кредиторов, заменяя взаимное представительство, позволяя им соединять собственные ресурсы в обмен на предоставление со стороны должника. Несколько лиц могут объединиться для совместного кредитования должника, предоставления права использовать результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, пользования принадлежащей им вещью и т.д. Однако, допуская предоставление со стороны кредиторов, соглашается ли должник на то, что все управомоченные лица могут либо совместно, либо поочередно предъявлять к нему требования до момента предоставления им согласованного исполнения или разрешения отдельных судебных дел с участием каждого из них? Если нет, для должника ясность в наличии обязанности и адресате исполнения наступает уже после разрешения первого дела с его участием. Остальные кредиторы в силу общих последствий предъявления требования кредитором уже не могут инициировать ни отдельные судебные дела, ни принудительное исполнение вынесенного судебного решения, претендуя лишь на добровольное исполнение должником своего обязательства.

В пользу общих последствий действий одного из кредиторов может быть также выдвинута следующая гипотеза. В большинстве случаев участники активной множественности осведомлены друг о друге и нередко регламентируют реализацию своих прав посредством соглаше-

ния. Это применимо и к тому незначительному количеству случаев наличия разных оснований возникновения активного солидаритета, отмеченных выше. Следовательно, правовые ожидания кредиторов не ущемляются, если один из них предъявляет требование к должнику, последствия чего будут общими. Все они могут получить информацию о действиях кредитора и в случае нарушения последним своих обязанностей вправе либо вступить в качестве участника в дело, либо требовать возмещения причиненных убытков вместо заявления регрессного требования. Однако всё указанное не должно отражаться на должнике, который не обязан погружаться в особенности регрессных правоотношений кредиторов, отражающихся на обязательственном правоотношении с его участием. Таким образом, положение должника не подлежит изменению в зависимости от того, сколько у него кредиторов. Во всех случаях к должнику может быть предъявлено требование лишь единожды, и последствия действий соответствующего кредитора будут распространяться на всех кредиторов.

Между тем против подобной аргументации возможно выдвинуть следующие возражения. Действительно, должник нуждается в защите от внутреннего распределения солидарных кредиторов в получении выгод, реализации прав, а также от последствий нарушения такого порядка. В делах о взыскании с грузоперевозчика законной неустойки не подлежит выяснению то, имущественный интерес кого из его кредиторов — грузоотправителя или грузополучателя — подлежит возмещению и в какой доле указанной неустойки. Для этого должнику предоставлено право выбирать адресата исполнения. Но по какой причине правовой порядок должен идти дальше и предоставлять защиту должнику от самого факта, что ему противостоят несколько лиц и у каждого из них может иметься собственное право требования? При этом необходимо учитывать, что должник в большинстве случаев либо с самого начала соглашается на множественность кредиторов, либо дает согла-

германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 262).

сие на установление такой множественности. В последнем случае такое требование установлено, например, в немецком праве³⁰. Это может указывать на то, что должник с самого начала готов к тому, что у нескольких лиц есть самостоятельные права и они могут быть реализованы независимо, в том числе несколько раз.

Если должник находится в просрочке и к нему уже было предъявлено требование одним из кредиторов, по которому не было совершенно предоставление, достаточно сложно найти охраняемый законом интерес должника в том, чтобы позволить ему не исполнять требование другого кредитора. Например, если в пользу кредитора было вынесено судебное решение, однако он не требует его исполнения, должник, находящийся в просрочке, становится защищенным от других кредиторов, которые, возможно, более заинтересованы в получении исполнения, но не могут его требовать ни от должника, ни от предъявившего кредитора. Лучше в таком случае для должника совершить исполнение для того, чтобы прекратить быть связанным обязательствами перед всеми кредиторами по сравнению с вариантом, когда у последних погашаются их права при вынесении решения в пользу одного из них. В таком случае должник будет обладать общим возражением, основанным на факте исполнения.

Затруднено и обоснование единства солидарного долга с помощью представительской модели. Если один из кредиторов как представитель предъявляет требование к должнику, это никак не должно устранять для других кредиторов как представляемых возможность получения исполнения от должника. Более того, такие полномочия в силу закона сомнительны и с точки зрения общих положений о представительстве, поскольку представляемый не имеет возможности самостоятельно осуществлять свои права, а также прекратить полномочия представителя.

Вышеуказанные доводы, хотя и ставят под сомнение единство солидарного требования, всё же не позволяют добиться окончательного принятия концепции множественности обяза-

тельств. Далеко не все споры являются ординарными, а кредиторы как их участники — правыми: не всегда должники находятся в просрочке. Вполне вероятны ситуации, когда должник сможет подтвердить либо отсутствие обязательства, либо другой размер долга, ненаступление срока или условия, истечение давности или иные обстоятельства, препятствующие удовлетворению требования кредитора. Однако даже в таком случае в каждом новом судебном разбирательстве должнику придется доказывать такие обстоятельства вновь. Ситуация усложняется, если основания возникновения обязательств перед кредиторами разные: должник-продавец, например, может не ожидать, что к нему возможно предъявление требования лизингополучателем, с которым у него нет договора и личность которого ему неизвестна.

Таким образом, вышеуказанные два подхода к регламентации солидарных обязательств обладают как достоинствами, так и недостатками, и их сопоставление не дает однозначного ответа на вопрос о том, как по общему правилу должны реализовываться солидарные требования кредиторов. Между тем анализ вышеуказанных аргументов как минимум позволяет подчеркнуть позиции в российской судебной практике, которые нуждаются в изменении. В частности, при концепции единого солидарного требования следует избегать погашения требований солидарных кредиторов при предъявлении одним из них требований к должнику, в том числе в форме иска. Напротив, в данном случае кредиторы должны иметь возможность оказывать влияние на рассмотрение дела посредством присоединения к иску или участия в качестве третьего лица. По возможности, суд должен либо возлагать обязанность на предъявившего требование кредитора уведомлять иных участников множественности об инициированном судебном разбирательстве, либо самостоятельно привлекать указанных лиц в качестве третьих лиц, поскольку исход рассмотрения дела будет влиять на их права. Такое процессуальное решение позволяет учесть интересы как должника, нуждающегося в прочности своей

³⁰ Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch. P. 633.

позиции и исключении дальнейших споров, так и кредиторов, которые не являются инициаторами предъявления требования. С учетом того что рассмотрение дела не погашает прав и не преобразует обязательство, для должника следует оставить возможность предоставления исполнения другим кредиторам.

Выводы

Российское гражданское законодательство и практика применения норм о солидарных требованиях не восприняли концепции множественности обязательств, поддержав идею единства солидарного требования. Этому способствовали нераспространенность конструкции солидарных требований среди участников оборота и возникновение таковых в силу одного правового основания, что исключает дискуссии о наличии нескольких самостоятельных обязательственных правоотношений.

Выбор законодателя между моделями единого солидарного требования и множества

солидарных требований, помимо теоретических оснований, обусловлен необходимостью поиска баланса интересов должника в защите от возрастания споров с его участием и кредиторов в автономном осуществлении принадлежащих им прав. В первом случае возрастает количество действий, имеющих общие последствия для кредиторов, включая *res judicata*, их права погашаются после предъявления требований к должнику. Во втором случае действия каждого из кредиторов имеют личные последствия, и каждый из них не зависит от результатов рассмотрения судебного дела с участием другого.

В условиях российской правоприменительной практики выработанные правила о преобразовании солидарного обязательства в ординарное и приоритете первого предъявившего требования кредитора нуждаются в существенной корректировке в пользу доступа для участников активной множественности к разрешению инициированного судебного дела и возможности получения добровольного исполнения со стороны должника.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты — альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах : сборник статей. — М. : Статут, 2011. — С. 52–89.
2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. Т. 3. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2023 — 524 с.
3. Гуна А. Н. Координация требований к должникам из разных оснований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 7. — С. 165–190.
4. Интервью с Натальей Тололаевой // Цивилистика. — 2024. — Т. 1. — № 2. — С. 4–17.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М. : Юрид. лит., 1975. — 880 с.
6. Лунц Л. А., Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 416 с.
7. Рочегова К. Г. Солидарная множественность кредиторов по российскому праву в историческом и сравнительно-правовом контекстах // Вестник гражданского права. — 2023. — Т. 23. — № 1. — С. 71–108.
8. Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография — М. : Статут, 2020. — 144 с.
9. Третьяков С. В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — С. 253–270.
10. Чирихин И. П. Солидарность в обязательствах. — Казань : Тип. «Казан. бирж. листка», 1888. — 104 с.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belov V. A. Solidarnost obyazatelstv (obshchee uchenie i otdelnye oslozhnyayushchie momenty — alternativnost, obespechenie, peremena lits, prekrashchenie) // Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatelstvakh: sbornik statey. — M.: Statut, 2011. — S. 52–89.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / otv. red. d-r yurid. nauk, prof. E. A. Sukhanov. T. 3. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2023 — 524 s.
3. Guna A. N. Koordinatsiya trebovaniy k dolzhnikam iz raznykh osnovaniy // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 7. — S. 165–190.
4. Intervyu s Nataley Tololaevoy // Tsivilistika. — 2024. — T. 1. — № 2. — S. 4–17.
5. Ioffe O. S. Obyazatelstvennoe pravo. — M.: Yurid. lit., 1975. — 880 s.
6. Lunts L. A., Novitskiy I. B. Obshchee uchenie ob obyazatelstve. — M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1950. — 416 s.
7. Rochegova K. G. Solidarnaya mnozhestvennost kreditorov po rossiyskomu pravu v istoricheskom i sravnitelno-pravovom kontekstakh // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2023. — T. 23. — № 1. — S. 71–108.
8. Tololaeva N. V. Passivnye solidarnye obyazatelstva: rossiyskiy podkhod i kontinentalno-evropeyskaya traditsiya: monografiya — M.: Statut, 2020. — 144 s.
9. Tretyakov S. V. Formirovanie kontseptsii sekundarnykh prav v germanskoy tsivilisticheskoy doktrine (k publikatsii russkogo perevoda raboty E. Zekkelya «Sekundarnye prava v grazhdanskom prave») // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2007. — № 2. — S. 253–270.
10. Chirikhin I. P. Solidarnost v obyazatelstvakh. — Kazan: Tip. «Kazan. birzh. listka», 1888. — 104 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.057-063

П. А. Клепинин*

Проблема разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях

Аннотация. В статье исследуются проблемы компетенции судов по делам об административных правонарушениях, возникающие в процессе осуществления юридическими лицами деятельности, непосредственно связанной с коммерческой. Доказано, что статья 30.1 КоАП РФ противоречит ст. 46, 47 Конституции РФ. Несмотря на то что Верховным Судом РФ предпринимались попытки восполнить пробел, на основе конкретных примеров делается вывод, что проблема разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции по рассмотрению жалоб юридических лиц на постановления административных органов имеет место до сих пор и ординарное толкование норм КоАП РФ в системной взаимосвязи с положениями ГПК РФ, АПК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, Обзора судебной практики № 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014) не соответствует Конституции РФ и фундаментальным международно-правовым актам в области обеспечения права на судебную защиту.

Ключевые слова: право на судебную защиту; подведомственность; компетенция; неконституционный; административное правонарушение; благоустройство; арбитражные суды; Верховный Суд; Конституционный Суд; спор.

Для цитирования: Клепинин П. А. Проблема разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 57–63. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.057-063.

© Клепинин П. А., 2025

* Клепинин Павел Александрович, аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
pavel.klepinin@mail.ru

The Issue of Delimiting Jurisdiction between Arbitrazh Courts and General Jurisdiction Courts in Cases Involving Administrative Offenses

Pavel A. Klepinin, Postgraduate Student, Department of Administrative Law and Procedure, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
pavel.klepinin@mail.ru

Abstract. The paper examines the problems of jurisdiction of courts in administrative cases arising when legal entities carry out activities directly related to their commercial activity. The author justifies the conclusion that Article 30.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation contradicts Arts. 46, 47 of the Constitution of the Russian Federation. Despite the fact that the Supreme Court of the Russian Federation made attempts to fill the gap, on the basis of specific examples the author concludes that the problem of delimitation of jurisdiction between arbitrazh courts and courts of general jurisdiction for considering claims brought by legal entities against decisions of administrative bodies still exists and an ordinary interpretation of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in their systematic relationship with the provisions of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24 March 2005 No. 5, the Review of Judicial Practice dated 24 December 2014 (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation) does not comply with the norms of the Constitution of the Russian Federation and fundamental international legal acts in the field of ensuring the right to judicial protection.

Keywords: right to judicial protection; jurisdiction; competence; unconstitutional; administrative offense; urban development; arbitrazh courts; Supreme Court; Constitutional Court; dispute.

Cite as: Klepinin PA. The Issue of Delimiting Jurisdiction between Arbitrazh Courts and General Jurisdiction Courts in Cases Involving Administrative Offenses. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):57-63. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.057-063.

В части 1 ст. 46 Конституции РФ¹ закреплено право каждого на судебную защиту. Названная форма защиты прав состоит из различных компонентов, включая рассмотрение и разрешение дела компетентным судом, исполнимость судебных актов², возможность их судебной сплошной или выборочной проверки³.

В части 1 ст. 47 Конституции РФ сформулирован неотъемлемый элемент права на судебную защиту — рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Конституционный Суд РФ в постановлении от 25.02.2004 № 4-П⁴ установил, что реализация компонента подведомственности

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.08.2024).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.03.1997 по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) (жалоба № 18357/91) // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-58020> (дата обращения: 29.08.2024).

³ См., например: Князькин С. И. Проблемы доказывания в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 86–117.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 831.

должна производиться на основе законно определенных критериев⁵.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Так, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека объявляется право каждого на эффективное восстановление в правах, которое производится посредством рассмотрения дела компетентным национальным судом⁶. Духу Всеобщей декларации прав человека следует Международный пакт о гражданских и политических правах⁷, который в п. «b» ч. 3 ст. 2 провозглашает обязанность каждого государства — участника обеспечить право на судебную защиту компетентным судом. Напомним, что Пакт вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. Несмотря на то что Российская Федерация вышла из состава Совета Европы, многие положения, выработанные данным органом, актуальны в контексте рассматриваемой проблемы. Так, подчеркивается, что статус судей основывается на принципах «компетентности, независимости и беспристрастности»⁸. Следовательно, ключевым аспектом разграничения подведомственности дел является критерий компетенции.

В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой одним из значений слова «компетенция» выступает «круг чьих-н. полномочий, прав»⁹. Из

лексического значения «компетенции» усматривается, что компетентным может быть признан лишь тот суд, который имеет полномочия на рассмотрение и разрешение конкретного дела. В свою очередь, Ю. А. Тихомиров развивает понимание полномочий в связи с концепцией правообязанностей¹⁰ — неразрывной связи прав и обязанностей органа публичной власти, направленных на реализацию предусмотренной законом компетенции. Применительно к судам сто́ит сделать замечание, что компетенцию через призму правообязанностей можно представить как объективную невозможность рассмотрения дела некомпетентным судом, поскольку у него отсутствует соответствующее право. При этом фактически судебный акт может быть вынесен, но его нельзя считать актом правосудия. Так как в России созданы две параллельные ветви судов, то возникает обоснованный вопрос об установлении критериев разграничения компетенции между ними.

Анализ развития процессуального законодательства показывает, что дифференциация подведомственности дел между арбитражными судами и судами общей юрисдикции производилась по субъектному составу спорящих сторон и предмету спора. Развитие арбитражного судопроизводства в области рассмотрения дел о несостоятельности и корпоративных спорах фактически нивелировало критерий субъект-

⁵ Сто́ит отметить и другие важные правовые позиции Конституционного Суда РФ по обозначенному вопросу. Так, в постановлениях от 26.05.2011 № 10-П, от 01.03.2012 № 5-П, от 16.11.2018 № 43-П определено, что «право на судебную защиту, признаваемое и гарантируемое согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, не подлежит ограничению», а в постановлении от 11.07.2017 № 20-П также делается вывод, что «гарантии судебной защиты должны носить всеобъемлющий характер, чтобы конституционные права и свободы были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными».

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁸ Европейская хартия о статусе судей (принята Советом Европы в г. Страсбург 8–10.07.1998) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901927869?ysclid=Izqxftvj22549298840> (дата обращения: 12.08.2024).

⁹ Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/87074?ysclid=Izqxslzjro414808535> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁰ Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М. : Формула права, 2007. С. 202.

ного состава: будет лукавством умалчивать о широком вовлечении граждан в рассмотрение споров двух названных категорий дел в арбитражных судах¹¹. Таким образом, исключительный характер приобрел именно предметный критерий определения компетенции судов судебной системы России.

Дела об административных правонарушениях рассматриваются в России обеими ветвями судебной системы, что предопределяет актуальность исследования критериев разграничения подведомственности между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Как было установлено ранее, рассмотрение дела компетентным судом, т.е. судом, который уполномочен законом на разрешение конкретного правового спора, является неотъемлемым элементом фундаментального конституционного права на судебную защиту. Рассмотрение дела не тем судом не столько влечет нарушение лишь формы судопроизводства, сколько указывает на отсутствие компетенции у конкретного суда на решение правового спора, что вступает в антагонистические отношения с правосудием. Из сказанного следует, что требование о соблюдении компетенции судами не может считаться проявлением правового пуризма, поскольку иное противоречит самой сути права на судебную защиту.

В научной литературе процессуальные аспекты рассмотрения дел об административных правонарушениях подвергаются активной критике¹². Вопрос об определении компетентной ветви судебной системы не стоит в случае привлечения к административной ответственности соответ-

ствующим судом, т.к. дальнейшее обжалование производится в рамках соответствующей суду первой инстанции ветви. Не в полной мере ясны критерии при обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях.

Законодательно установлен дуализм проверки постановлений административных органов по делам о административных правонарушениях — обжалование в порядке подчиненности и судебное оспаривание. Согласно ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ¹³ обжалование постановлений по рассматриваемой категории дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, производится в арбитражных судах. Из буквального толкования приведенной нормы напрашивается логичный вывод, что основанием разграничения компетенции судов при обжаловании постановлений об административных правонарушениях выступает предмет спора, а именно наличие или отсутствие связанности нарушения с предпринимательской деятельностью. На этом можно было бы закончить исследование и признать удачность формулировки КоАП РФ, если бы не практика, в которой выражены столь разнообразные общественные отношения, что унифицировать их, подведя под формулировку «связанные с предпринимательством», возможным не представляется.

Очевидные пробелы правового регулирования разграничения компетенции судов по рассматриваемой категории дел попытался восполнить Верховный Суд РФ. В абзаце 2 п. 33 постановления от 24.03.2005 № 5¹⁴ Пленум Суда высказал позицию о случаях, когда дела субъ-

¹¹ См., например: определение Верховного Суда РФ от 05.10.2021 № 69-КГ21-9-К7 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2046566 (дата обращения: 14.08.2024).

¹² См., например: *Потапов П. Н.* Определение компетентного суда при обращении за судебной защитой по делу об административном правонарушении // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 4. С. 343–355 ; *Кротова Е. В.* Проблемные аспекты правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 30–32 ; *Гвоздев Ю. Г.* Подведомственность дел по спорам, возникающим из административных правоотношений // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 1. С. 64–71.

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. № 80.

ектов предпринимательства подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции¹⁵.

Указанное постановление проблемы не решило, что побудило Верховный Суд РФ в 2014 г. закрепить в Обзоре судебной практики¹⁶ (ответ на вопрос № 10) пять сфер, в которых рассмотрение дел производится в судах общей юрисдикции вне зависимости от субъектного состава:

- 1) санитарно-эпидемиологического благополучия населения;
- 2) охраны окружающей среды и природопользования;
- 3) безопасности дорожного движения;
- 4) пожарной безопасности;
- 5) законодательства о труде и охране труда.

При этом на уровне определений Верховного Суда РФ по конкретным делам выработано, что указанный перечень расширительному толкованию не подлежит¹⁷. Следовательно, если спор не связан с вышеприведенными сферами и нарушение произведено субъектом предпринимательства, то дело должно рассматриваться в арбитражных судах.

К сожалению, практика достаточно робко восприняла указанные разъяснения. Диаметрально противоположные решения суды при-

нимают относительно возможности обжалования постановлений административных органов за нарушения в сфере благоустройства, а именно вынос грязи колесами грузовиков при выезде со строительных площадок. Например, как следует из диспозиции ст. 21-4 Закона Сахалинской области от 29.03.2004 № 490, к ответственности привлекается лицо за «нарушение требований муниципальных нормативных правовых актов по обеспечению благоустройства, чистоты и порядка, не повлекшее нарушения экологических санитарно-эпидемиологических требований...»¹⁸. Названный состав выступает основанием для привлечения к ответственности за вынос грязи с площадки строительства. В г. Москве основанием для ответственности за аналогичное деяние виновных лиц являются как статья 12.33 КоАП РФ, так и статья 8.16 Закона г. Москвы от 21.11.2007 № 45¹⁹, что можно проследить в судебной практике²⁰.

Юридически значимы для определения компетенции судов следующие обстоятельства:

1. Нарушение совершено в сфере благоустройства, о чем указывается в самом постановлении о привлечении к административной ответственности. К тождественному выводу

¹⁵ Так, Верховный Суд РФ указал, что в судах общей юрисдикции рассматриваются все споры по делам об административных правонарушениях, например, когда объективная сторона совершенного ими административного правонарушения выражается в действиях (бездействии), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда.

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 3.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 24.12.2018 № 305-АД18-19194 по делу № А40-189967/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8aff157d905d422e-ab0b-1589df768813/95983356-673c-40b4-969c-68b2f698349c/A40-189967-2017_20181224_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁸ Закон Сахалинской области от 29.03.2004 № 490 «Об административных правонарушениях в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2004. № 74–75 (2010–2011).

¹⁹ Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

²⁰ См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.05.2019 № 09АП-22161/2019 по делу № А40-62363/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1b0c38ec-0b89-42db-ad02-e34c86aee755/a509b69b-25c4-41d7-8420-b237b5d0129e/A40-62363-2019_20190520_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.08.2024); постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2022 № 09АП-60183/2022 по делу № А40-145754/2022 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fc377904-ab9d4d8e-99e7-8fd4aba13d4b/beb07097-a47e-4dc9-87de->

возможно прийти при системном толковании законов об административной ответственности: указанные составы находятся в структурных частях законов о нарушениях в сфере благоустройства.

2. Нарушение норм в области благоустройства не относится ни к одной из пяти сфер, нормативно определенных в Обзоре судебной практики № 1 (2014), в рамках которых рассмотрение дел с субъектами предпринимательства производится в судах общей юрисдикции, что предопределяет рассмотрение жалоб на постановления административных органов о привлечении к административной ответственности в арбитражных судах.

Тем не менее на практике суды могут игнорировать предписания высшей судебной инстанции. Например, в деле № А59-8359/2023²¹ суды Дальневосточного округа не сочли практику коллег из Арбитражного суда Московского округа и Верховного Суда РФ релевантной, отметив, что «доказательств обращения в суды общей юрисдикции заявитель не представил». Несколько досадно, что реализация права на судебную защиту компетентным судом должна осуществляться посредством создания спора о компетенции, т.е. необходима одновременная подача жалоб в суды обеих ветвей судебной системы.

Названная проблема особо актуализируется тем, что сроки обжалования постановлений достаточно короткие — всего 10 дней. С учетом объективной загруженности судов в случае ошибки при определении подведомственности указанный срок может истечь, а суды общей юрисдикции нередко отказывают в его восстановлении, не считая причины пропуска уважительными.

С учетом приведенного примера можно ли считать критерии разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции при обжаловании постановлений административного органа устоявшимися? Представляется, что на этот риторический вопрос

должен быть дан отрицательный ответ. При этом автором не ставится проблема определения критериев лишь из системного толкования постановления Пленума, Обзора судебной практики и определения Верховного Суда РФ по конкретному делу, т.к. в целом поддерживается подход о России как смешанной юрисдикции и прецедентном характере судебных актов высших судебных инстанций. Но даже нормативно определенные Верховным Судом РФ критерии разграничения компетенции по делам об административных правонарушениях судами не всегда применяются, что не позволяет считать право на судебную защиту должным образом гарантированным. А ведь именно реализация права на судебную защиту выступает фундаментом правового государства. Следовательно, коль скоро Российская Федерация провозглашается правовым государством, что является неотъемлемым элементом конституционного строя, право на судебную защиту должно соблюдаться неукоснительно, в частности, жалобы по рассматриваемой категории дел должны разрешаться исключительно тем судом, компетенция которого определена законом. Иное дезавуирует право на судебную защиту.

Усматривается, что аспекты права на судебную защиту компетентным судом, устанавливаемые в международно-правовых актах, восприняты Конституцией РФ и прослеживаются в практике Конституционного Суда РФ. Дух Всеобщей декларации прав человека пронизывает фундаментальные акты внутригосударственного правового регулирования в России, в связи с чем отсутствие критериев разграничения компетенции судов как не согласуется с Конституцией России, так и противоречит специальным международно-правовым нормам, охватывающим исследуемые спорные вопросы.

Ввиду отсутствия закона, однозначно и неукоснительно устанавливающего критерии разграничения компетенции судов по обжалованию постановлений административных

b6c503a7dc3b/A40-145754-2022_20220912_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.08.2024).

²¹ Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 28.12.2023 по делу № А59-8359/2023 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d9ec4ae7-e182-44f5-a60f-87ecd870a88c/2dcf130a-f5cb-4608-bfa7-8bd19c18698d/A59-8359-2023_20231228_Opredele (дата обращения: 13.08.2024).

органов, вопрос о подведомственности может быть урегулирован судебными актами высших судебных инстанций, например постановлениями Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ или обзорами судебной практики Верховного Суда РФ. Последним периодически вопросы компетенции разрешаются, например, вследствие введения против российских компаний санкций недружественными государствами Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 установила критерии трансграничного банкротства иностранных компаний в российской юрисдикции, что явилось новеллой²².

Вряд ли можно считать редакцию ст. 30.1 КоАП РФ квалифицированным молчанием законодателя, что должно подтолкнуть Конституционный Суд РФ восполнить очевидный пробел правового регулирования, установив на основе сложившейся практики Верховного Суда РФ четкие и однозначные искомые критерии. При этом не имеет практического значения, как в итоге будет определена приведенная в качестве примера сфера благоустройства — как подлежащая проверке арбитражными судами либо судами общей юрисдикции, важно лишь то, чтобы у правоприменителей — лиц, привлекаемых к ответственности, был однозначный набор критериев, позволяющих реализовать право на обжалование постановления административного органа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гвоздев Ю. Г. Подведомственность дел по спорам, возникающим из административных правоотношений // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2017. — № 1. — С. 64–71.
2. Князькин С. И. Проблемы доказывания в рамках проверочной судебной деятельности в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 2. — С. 86–117.
3. Кротова Е. В. Проблемные аспекты правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2023. — № 2. — С. 30–32.
4. Потапов П. Н. Определение компетентного суда при обращении за судебной защитой по делу об административном правонарушении // Сибирское юридическое обозрение. — 2022. — № 4. — С. 343–355.
5. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. — М.: Формула права, 2007. — 484 с.

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gvozdev Yu. G. Podvedomstvennost del po sporam, vznikayushchim iz administrativnykh pravootnosheniy // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2017. — № 1. — S. 64–71.
2. Knyazkin S. I. Problemy dokazyvaniya v ramkakh proverochnoy sudebnoy deyatel'nosti v tsivilisticheskoy protsesse // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 2. — S. 86–117.
3. Krotova E. V. Problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Administrativnoye pravo i protsess. — 2023. — № 2. — S. 30–32.
4. Potapov P. N. Opredelenie kompetentnogo suda pri obrashchenii za sudebnoy zashchitoy po delu ob administrativnom pravonarushenii // Sibirskoye yuridicheskoye obozrenie. — 2022. — № 4. — S. 343–355.
5. Tikhomirov Yu. A. Upravlenie na osnove prava. — M.: Formula prava, 2007. — 484 s.

²² Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/47bca54d41403-4421-a045-44cb344678d7/31c42f5d41a9b-4b67-a3f9-3176842eecd5/A40-248405-2022_20240208_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.08.2024).

Бездействие субъектов доказывания как форма правомерного процессуального поведения по гражданским делам

Аннотация. В статье показано теоретическое и практическое значение гражданского процессуального бездействия. Актуальность вопроса обусловлена тем, что в юридической периодике всё чаще появляются предложения об установлении штрафов для участвующих в деле лиц, проявляющих процессуальное бездействие в доказывании при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции, поскольку бездействие снижает эффективность судебного разбирательства. Однако, как показано автором, проблема состоит в более гармоничной реализации в судебной практике принципов состязательного гражданского судопроизводства, прежде всего принципа диспозитивности. Представлена и проанализирована судебная практика, отражающая многообразие ситуаций, связанных с правовыми последствиями процессуальной пассивности сторон. Автор обращается к судебной статистике, которая также не подтверждает актуальность предложений о введении штрафов для участвующих в деле лиц. Сделан вывод о необходимости сохранения действующего правового режима состязательного и диспозитивного гражданского судопроизводства, допускающего процессуальную пассивность субъектов в доказывании.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; принцип диспозитивности; принцип состязательности; субъекты доказывания; процессуальная активность; бездействие; процессуальная пассивность; последствия процессуальной пассивности; судебная практика; судебная статистика; совершенствование практики применения гражданского процессуального законодательства.

Для цитирования: Томбулова Е. Г. Бездействие субъектов доказывания как форма правомерного процессуального поведения по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 64–74. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.064-074.

Inactivity of the Participants in Evidence Presentation as a Form of Lawful Procedural Conduct in Civil Cases

Elena G. Tombulova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation
tombulovae2023@mail.ru

Abstract. The paper demonstrates theoretical and practical significance of inactivity of trial participants involved in providing evidence in civil procedure. The relevance of the issue is predetermined by the fact that in the legal periodicals there is an increase in the number of proposals to impose fines on persons participating in the trial,

© Томбулова Е. Г., 2025

* Томбулова Елена Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации имени Митрофана Седина ул., д. 168/1, г. Краснодар, Российская Федерация, 350015
tombulovae2023@mail.ru

if they demonstrate procedural inactivity in civil cases dealt with in courts of general jurisdiction, since, in their opinion, inactivity reduces the effectiveness of the trial. However, as the author shows, the problem lies in a more harmonious implementation of the principles of adversarial civil proceedings, primarily the disposition principle, in court's practice. The paper provides judicial practice demonstrating the variety of procedural situations related to the legal consequences of the procedural inactivity of the parties. The author refers to judicial statistics, which also does not confirm the relevance of proposals for the introduction of fines for persons involved in the case. The author concludes that it is necessary to preserve the current legal regime of adversarial and dispositive civil proceedings, which allows for the procedural inactivity of the participants involved in the procedure of providing evidence.

Keywords: civil court proceedings; disposition principle; principle of competition; subjects of proving; procedural activity; inactivity; procedural inactivity; consequences of procedural inactivity; judicial practice; judicial statistics; improvement the practice of civil procedure law.

Cite as: Tombulova EG. Inactivity of the Participants in Evidence Presentation as a Form of Lawful Procedural Conduct in Civil Cases. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):64-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.064-074.

В российской правовой литературе бездействие субъектов гражданского процесса в последнее время получает явно выраженную негативную оценку. «В большинстве случаев, — утверждает А. Г. Новиков, — гражданские процессуальные правонарушения совершаются в форме бездействия»¹. Подчеркивается, что процессуальная пассивность нарушает начала оперативности и эффективности судебного разбирательства, может тормозить движение дела и препятствовать достижению целей правосудия; отсутствие должной активности со стороны участников гражданского дела подрывает процессуальную дисциплину и снижает авторитет судебной системы, создает негативное восприятие гражданами работы судебных органов и правосудия в целом. При этом анализ пассивной процессуальной позиции проводится по траектории злоупотребления правом, отмечается, что «необходимость строгого наказания нечестности сторон на суде с целью содействия добросовестности в гражданском

процессе становится ответом на сложившуюся судебную практику»². Поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а часть 1 ст. 56 ГПК РФ требует от каждой стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, предлагаются простые решения административного плана: ужесточить санкции за процессуальное бездействие в доказывании, ввести судебные штрафы за неявку в суд или несвоевременное исполнение обязанностей по доказыванию. Так, поскольку в гражданском процессе истребование доказательств под угрозой наложения судебного штрафа возможно только в отношении виновных должностных лиц и граждан, которые не являются участвующими в деле лицами (ч. 3 ст. 57 ГПК РФ), а в арбитражном процессе такое истребование может применяться ко всем субъектам, включая участников дела, с угрозой применения судебного штрафа (ч. 9 ст. 66 АПК РФ)³,

¹ Новиков А. Г. Гражданская процессуальная ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 24.

² Сухова Н. В., Чамалетдинова Ф. Ф. Пассивная процессуальная позиция и проблемы нечестности сторон в гражданском процессе // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 173.

³ Расширяет практическое применение арбитражными судами судебных штрафов использование в общей норме о судебных штрафах оценочного понятия «неуважение к суду» (ч. 4 ст. 119 АПК РФ), в качестве которого на основе принципа судейского руководства процессом (ч. 3 ст. 9 АПК РФ) арбитражные суды квалифицируют поведение стороны при неоднократном неисполнении требования о представлении доказа-

В. А. Власенко предлагает признать такую дифференциацию неоправданной, унифицировав правила истребования доказательств и наложения штрафов по арбитражной модели⁴.

Думается, что назрела необходимость рассмотреть вопрос о значении процессуального бездействия на основе общенаучных достижений и с учетом бережного отношения к фундаментальным принципам цивилистического процесса.

В теории права поведение человека рассматривается как сложное социальное, психологическое и правовое явление, широкое по объему, неоднородное по характеру и формам проявления⁵. Правовое бездействие выступает объективно необходимым элементом системы правового регулирования, лишь единство правовых действий и бездействия обеспечивает цели правового регулирования, создает условия осуществления прав и свобод. При этом под правовым бездействием понимается опосредованная правом форма пассивного социально значимого поведения субъектов, влекущего негативные правовые последствия лишь в случае, когда нарушена правовая обязанность, притом что лицо должно было ее выполнить и имело объективную и субъективную возможность это сделать⁶. Подчеркивается, что «граница между правомерным и противоправным бездействи-

ем подвижная и проходит там, где начинается невыполнение юридических обязанностей»⁷.

Как верно отметил Ю. А. Веденеев, «право как явление и институт по своей сути имеет психологическое измерение... право не что иное, как опредмеченная глубинная психология»⁸. К серьезному препятствию на пути активности философы относят «социопсихическую реакцию человека в виде страха, беспокойства, тревоги за судьбу и жизнь как свою, так и своих близких. Страх может порождать приспособленчество, утрату способности к инициативе, отстраненность от общественных дел, формировать тупое механическое послушание, готовность терпеть насилие и произвол, что в итоге может привести человека к бездействию»⁹. В связи с этим, думается, полностью устранить процессуальную пассивность с помощью мер административного плана невозможно.

В. В. Ярков подчеркивает, что процессуальные юридические факты представляют собой действия или бездействие (например, неявка на судебное заседание, отказ от дачи показаний) различных субъектов гражданского процессуального отношения. Бездействие — это не просто отсутствие действий, оно становится юридическим фактом, который порождает определенные правовые последствия, положительные или отрицательные¹⁰. При этом В. В. Ярков справед-

тельств (см., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.11.2023 по делу № А73-20851/2020 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/302ea307-ad9e-4fe1-a9a3-1e1b835a2ead/94b5578f-d358-429c-b167-18d56c5be857/A73-20851-2020_20231120_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2024)). В ГПК РФ неуважение к суду лишь частный случай нарушения порядка в судебном заседании (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ).

⁴ Власенко В. А. Потенциал использования судебной неустойки (астрента) в обеспечении исполнения обязанности по представлению истребуемых доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 1. С. 32.

⁵ Есипова И. А. Правовое бездействие : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 7.

⁶ Есипова И. А. Указ. соч. С. 9.

⁷ Прусаков А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 12. См. также: Кулапов В. Л., Прусаков А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : монография. М. : Русайнс, 2023.

⁸ Веденеев Ю. А. Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя // Lex russica. 2024. Т. 77. № 1. С. 152.

⁹ Янова Л. В. Социальное бездействие и преодоление его негативных последствий : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2007. С. 6.

¹⁰ Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 83.

ливо подчеркивает, что процессуальные юридические факты отражают специфику отраслевых методов правового регулирования: в гражданском процессе права и обязанности участников связаны с диспозитивностью, что подразумевает возможность свободного выбора между активным участием и пассивной позицией¹¹. Аналогично рассуждают и многие другие исследователи, рассматривая гражданское процессуальное бездействие как обязательную часть гражданского процесса¹².

Некоторые авторы усматривают у бездействия в определенных процессуальных ситуациях даже конклюдентное значение. Так, Д. В. Двуречинский отмечает, что «конклюдентное бездействие — в отличие от обычного бездействия, которое влечет процессуальные последствия непосредственно, — должно порождать процессуальные последствия в силу квалификации судом такого бездействия в качестве отрицательного волеизъявления»¹³. Так, если при отказе прокурора от иска истец бездействует, он тем самым указывает суду на несогласие с таким отказом (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ). «Первично здесь не само бездействие, а отраженное в нем косвенное волеизъявление, позволяющее суду с уверенностью заключить, что воля на порождение соответствующих процессуальных последствий выражена», — не без оснований считает Д. В. Двуречинский¹⁴.

В литературе высказывается мнение о том, что особенность процессуальных санкций состоит в том, что они выполняют стимулирующие функции применительно к лицам, участвующим

в деле. Нарушитель процессуальной обязанности, предусмотренной диспозицией нормы, не достигает той цели, к которой он стремился, вступая в правоотношение¹⁵. Так, суд может вынести решение на основании тех доказательств, которые есть в деле, если одна из сторон не представляет свои доказательства или иным образом уклоняется от участия в доказывании фактов предмета доказывания. В результате иск будет удовлетворен (санкция для ответчика) либо в иске будет отказано полностью или частично (санкция для истца). Однако, по сути, как верно отмечает В. В. Молчанов, речь в таких случаях идет не о санкциях, а о последствиях¹⁶ для сторон, при этом само бремя доказывания не следует отождествлять с юридической обязанностью доказывания¹⁷.

О. В. Баулин отмечает, что бремя доказывания — это комплексное процессуальное явление, представляющее собой сочетание прав участника процесса и необходимости выдвинуть и доказать основания своих требований и возражений, что обусловлено его материально-правовым интересом в исходе дела. Бремя доказывания также охватывает обязанности по установлению фактов, которые имеют значение для процесса, а также обязанность суда по выяснению юридически значимых обстоятельств. Доказывание фактов, относящихся к материально-правовой стороне спора, нельзя рассматривать как прямую юридическую обязанность; термин «обязанность» уместен лишь по отношению к тем фактам, которые имеют процессуальное значение¹⁸. О. В. Баулин справедливо подчеркивает:

¹¹ Ярков В. В. Указ. соч. С. 85.

¹² См., например: Горелов М. В. К вопросу о сущности гражданского процессуального бездействия как формы гражданского процессуального поведения // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 1. С. 13–15.

¹³ Двуречинский Д. В. Конклюдентные действия и бездействие в цивилистическом процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 77.

¹⁴ Двуречинский Д. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁵ Подробнее см.: Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушников. 7-е изд., перераб. М. : Городец, 2020. С. 254 (автор главы — В. В. Молчанов).

¹⁶ По части 2 ст. 35 ГПК РФ «при неисполнении процессуальных обязанностей наступают последствия, предусмотренные законодательством о гражданском судопроизводстве».

¹⁷ Гражданский процесс. С. 255.

¹⁸ Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7.

«Если содержанием бремени доказывания является юридическая обязанность, то сложно объяснить, почему за неисполнение процессуальной обязанности неблагоприятные последствия наступают в сфере материального права»¹⁹.

Аналогично В. В. Молчанов утверждает, что доказывание — это право сторон; возложение на сторону формальной юридической обязанности доказывания фактов в гражданском процессе означало бы вменение ей в обязанность защищать свои нарушенные или оспоренные права и интересы²⁰.

По мнению М. А. Рожковой, стороны не связаны обязанностью совершать какие-либо процессуальные действия: они могут совершать их, но вправе и бездействовать. Мера участия каждой из сторон в процессе определяется ее собственными интересами, никто не может быть понуждаем к защите собственных прав, бездействие стороны в процессе не является нарушением норм процессуального права, но его последствия целиком возлагаются на нее²¹. «Суть состязательного процесса видится в предоставлении участвующим в нем лицам фактической возможности повлиять на исход дела путем реализации своих диспозитивных процессуальных прав»²².

Полагаем, что в любом случае законодатель должен разрабатывать меры правового воз-

действия на субъектов доказывания с учетом их юридической заинтересованности в результате судебного процесса, вытекающей из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства (в частности, ст. 3, 4, 35, 39, 57, 173, 196 ГПК РФ). В науке гражданского процессуального права не существует единства мнений относительно понятия и сущности диспозитивности. Как верно отмечает Е. Е. Уксусова, принцип диспозитивности был разъяснен как побуждающий развитие и определение объекта судопроизводства²³, в более широком смысле — как характерная черта судопроизводства, раскрывающая его сущность — движение вперед²⁴. При этом А. Т. Боннер исключал из содержания данного принципа любые полномочия сторон, связанные с формированием доказательственного материала, относя их к принципу состязательности²⁵. Другие же исследователи, подчеркивая обусловленность судебной защиты волей материально заинтересованного лица, на наш взгляд, справедливо заключают, что именно в силу действия принципа диспозитивности заинтересованные лица «свободны в выдвижении и обосновании своих требований и возражений по делу»²⁶.

Суть диспозитивного основного начала заключается в том, что субъект доказывания (сторона в споре) не обязан, но имеет право

¹⁹ Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 96 (автор главы — О. В. Баулин).

²⁰ Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве : учеб. пособие. М. : Зерцало-М, 2012. С. 105–106.

²¹ Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 172.

²² Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Савина М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : монография. М., 2015. С. 107.

²³ Уксусова Е. Е. Принцип диспозитивности: теоретико-практические аспекты взаимодействия материального и гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 113.

²⁴ Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. Т. 38. М. : РИО ВЮЗИ, 1975. С. 9.

²⁵ Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права : учеб. пособие / отв. ред. М. С. Шакарян. М. : РИО ВЮЗИ, 1987. С. 37.

²⁶ См., например: Сапожников С. А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7–8.

доказывать основания своих требований или возражений. Эта свобода включает и возможность проявления процессуального бездействия, например неявки в суд или отказа от представления доказательств. Последствия такого поведения лежат на стороне: ее выбор — активно участвовать в процессе и иметь шансы на успешный исход либо не участвовать и, соответственно, нести возможные негативные последствия.

Позитивные последствия бездействия. В ряде случаев процессуальное бездействие может принести не только тактические преимущества, но и определенные процессуальные выгоды стороне. Так, суд может принять во внимание пассивную позицию стороны при распределении судебных расходов и снизить сумму возмещения за процессуальные действия, которые не были необходимы из-за отсутствия активной защиты интересов. Пассивное поведение стороны может способствовать упрощению процедуры рассмотрения дела, что снижает его продолжительность и затраты на ведение процесса. Так, по делу по иску СНТ «Ветеран» о взыскании задолженности по членским и целевым взносам истец просил также взыскать с ответчика в свою пользу расходы на оказание юридических услуг в размере 15 000 руб. Ответчик в судебное заседание явился, пояснил, что является членом СНТ «Ветеран», факт наличия задолженности по членским и целевым взносам не оспаривал, просил снизить размер начисленных пеней. Суд, «учитывая объем и качество проделанной представителем истца по делу работы, категорию дела, продолжительность судебного разбирательства по нему, *пассивную позицию ответчика* (курсив мой. — Е. Т.), пришел к выводу о том, что судебные расходы, понесенные истцом в связи с оплатой услуг представителя, подлежат возмещению частично, в размере 10 000 руб., что будет отвечать требованиям разумности и справедливости»²⁷.

Негативные последствия бездействия. Процессуальное бездействие может вести к различным негативным последствиям, которые напрямую касаются не только самой стороны, но и всего процесса в целом. Так, неявка в судебное заседание может вызвать задержку рассмотрения дела, что, в свою очередь, нарушает нормативные требования процессуальной экономии. Суд вправе рассматривать дело в отсутствие неявившейся стороны или отложить его рассмотрение. Однако это также может привести к вынесению заочного решения или проигрышу по причине недостаточности доказательств. Или отказ от представления доказательств может повлечь то, что суд, опираясь на имеющиеся материалы дела, вынесет решение не в пользу бездействующей стороны.

В гражданском процессуальном законодательстве содержатся редкие нормы, допускающие применение к лицам, участвующим в деле, также мер принудительного характера. Такое воздействие обусловлено специфическими особенностями регулируемых отношений и является исключением. Так, по делам о защите группы лиц «в целях обеспечения прав многочисленной группы и недопущения злоупотреблений закрепляются более жесткие правила»²⁸: суд вправе наложить судебный штраф «на лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, в случае злоупотребления им своими процессуальными правами или в случае невыполнения им своих процессуальных обязанностей независимо от поручения ведения дела представителем» (ч. 3 ст. 244.22 ГПК РФ). Расширение сферы применения судебных штрафов (установление прогрессирующего штрафа²⁹) за непредставление доказательств суду общей юрисдикции представляется излишним и даже вредным, что будет показано далее.

Таким образом, поведение в форме гражданского процессуального бездействия может иметь как положительные, так и отрицатель-

²⁷ Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти от 21.02.2024 по делу № 2-14819/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rw9CgAXe48Z8> (дата обращения: 25.09.2024).

²⁸ Ярков В. В., Долганичев В. В. Групповые иски: сравнительный анализ // European and Asian Law Review. 2020. № 1. С. 130.

²⁹ Власенко В. А. Указ. соч. С. 34.

ные последствия в зависимости от выбранной процессуальной тактики и того, как оно влияет на права других участников и интересы правосудия. В соответствии со ст. 2, 3, 12, 35 ГПК РФ у сторон имеются права по своему усмотрению определять процессуальную тактику, объем подлежащих представлению ими доказательств и содержание своих объяснений. Вместе с тем А. В. Юдин справедливо отмечает, что «гражданская процессуальная тактика: а) не должна обременять состава процессуального или иного правонарушения; б) процессуальные действия, составляющие содержание предпринимаемых лицом тактических приемов, не должны представлять собой злоупотребление процессуальными правами»³⁰.

М. В. Горелов справедливо подчеркивает, что «процессуальное бездействие» — это сложное процессуальное оценочное понятие³¹. Именно оценка процессуального бездействия судом должна определять его правомерность и возможные правовые последствия в каждом конкретном случае. Опираясь на судебную практику, покажем многообразие ситуаций, связанных с правовыми последствиями процессуальной пассивности сторон.

1. Ответчик полностью пассивен в доказывании, не является на судебное заседание, не представляет отзыв и документы — суд принимает доказательственную позицию истца и полностью удовлетворяет иск, при этом чаще всего суд переходит в заочное производство и выносит заочное решение по такому делу³².

2. Ответчик пассивен в доказывании, ограничивается отрицанием требований истца — суд проявляет активность, в соответствии с принципом законности тщательно устанавливает обстоятельства по делу, с учетом последних в судебной практике возможен отказ в удовлетворении исковых требований (чаще отказ частичный)³³.

3. Истец пассивен в доказывании, повторно не является на судебное заседание и не заявляет ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие (ответчик не требует рассмотрения дела по существу) — суд оставляет заявление без рассмотрения (абз. 8 ст. 222 ГПК РФ).

4. Обе стороны пассивны в доказывании, повторно не являются на судебное заседание и не заявляют ходатайств о рассмотрении дела в их отсутствие — суд оставляет заявление без рассмотрения (абз. 7 ст. 222 ГПК РФ).

5. Сторона пассивна в доказывании обстоятельств, бремя доказывания которых лежит на ней, — суд положительно решает вопрос (процессуальный, материально-правовой спор по существу) в пользу другой стороны³⁴.

6. Третье лицо (ст. 43 ГПК РФ) пассивно в доказывании, его фактическое процессуальное поведение не способствовало принятию итогового судебного акта в пользу его стороны — суд отказывает во взыскании понесенных третьим лицом судебных расходов³⁵.

7. Сторона уклоняется от судебной экспертизы — независимо от распределения бремени доказывания, суд применяет презумпцию при-

³⁰ Юдин А. В. Тактика в гражданском и арбитражном процессе: понятие, разновидности и критерии допустимости // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 6, 2007. М., 2008. С. 163.

³¹ Горелов М. В. Указ. соч. С. 15.

³² См., например: решение (заочное) Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 27.02.2024 по делу № 2-565/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SB0E1GrXOH6x> (дата обращения: 25.09.2024); решение (заочное) Видновского городского суда Московской области от 26.02.2024 по делу № 2-10394/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AIRQsAluQ8N4> (дата обращения: 25.09.2024).

³³ См., например: решение Центрального районного суда г. Кемерово от 22.02.2024 по делу № 2-2004/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3U5BOFpFltLp> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁴ См., например: решение Ногинского городского суда Московской области от 10.01.2020 по делу № 2-117/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DYcSGtabzvWd/> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁵ П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

знания факта, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым³⁶.

Сегодня около 90 % рассмотренных судами гражданских дел заканчиваются процессуальной победой истцовой стороны³⁷. Как утверждают практики, «статистические данные свидетельствуют о фактическом отсутствии спора между сторонами, поскольку в основном искивые требования удовлетворяются судом в полном объеме»³⁸. В пользу этого вывода говорит также невысокий процент должников, несогласных со взысканием по приказам мировых судей: в 2023 г. мировыми судьями по заявлению должников было отменено 1 603 000 судебных приказов, или всего 6,5 % от общего числа вынесенных судебных приказов³⁹.

При анализе судебной статистики и практики возникает ряд, на наш взгляд, риторических вопросов. Стоит ли менять в угоду укреплению так называемой процессуальной дисциплины сложившийся за десятилетия в судебной практике баланс между процессуальной активностью и пассивностью сторон? Не подтолкнет ли использование штрафных мер к более ожесточенному противостоянию сторон, искусственному увеличению продолжительности и затрат на ведение судебных разбирательств? Как верно отмечал М. К. Треушников, при создании ГПК РФ 2002 г. были очищены от излишнего влияниясудар-

ства принципы диспозитивности и состязательности гражданского процесса, и в ближайшие годы не усматривается потребности в принципиальной ломке Кодекса⁴⁰.

Сегодня гражданин, привлекаемый судом в качестве ответчика, знает: он вправе проявить процессуальную пассивность в использовании таких средств судебной защиты, как заявление возражения по основному иску и требования по встречному иску, или вовсе не являться в суд, не отвлекаясь от повседневных занятий, в итоге возместить истцу основной долг и судебные расходы. При этом у ответчиков сохраняется оправданная надежда на контроль со стороны суда за правильностью взыскания в силу принципа законности.

Итак, в гражданском судопроизводстве поведение в форме процессуального бездействия играет важную роль, поскольку затрагивает не только права и интересы сторон, но и эффективность судебного процесса. Основным принцип, который сохраняется в данной сфере, — это принцип диспозитивности, применительно к предмету нашего исследования означающий, что стороны наделены законом свободой действий и правом выбора тактики процессуального поведения. Это включает правовую возможность активно отстаивать свои права или же занимать пассивную позицию в их защите.

³⁶ См., например: решение Кировского районного суда г. Курска от 15.02.2019 по делу № 2-7/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J0C3g3XN81IQ> (дата обращения: 25.09.2024); решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 07.11.2019 по делу № 2-378/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jY61Wj1CXUG> (дата обращения: 25.09.2024); решение Моргаушского районного суда Чувашской Республики от 28.05.2020 по делу № 2-35/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ddNNpHY7icWR/> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁷ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции (№ 2) // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁸ Арбатская А. Активность сторон гражданского судопроизводства возросла // Адвокатская газета. 29.05.2024.

³⁹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. М., 2024. С. 71.

⁴⁰ Треушников М. К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. М.: Городец, 2020. С. 196, 202.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арбатская А.* Активность сторон гражданского судопроизводства возросла // Адвокатская газета. — 29.05.2024.
2. *Баулин О. В.* Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 42 с.
3. *Боннер А. Т.* Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права : учеб. пособие / отв. ред. М. С. Шакарян. — М. : РИО ВЮЗИ, 1987. — 79 с.
4. *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 1. — С. 144–155.
5. *Власенко В. А.* Потенциал использования судебной неустойки (астрента) в обеспечении исполнения обязанности по представлению истребуемых доказательств в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 1. — С. 32–35.
6. *Горелов М. В.* К вопросу о сущности гражданского процессуального бездействия как формы гражданского процессуального поведения // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 1. — С. 13–15.
7. *Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова.* — 7-е изд., перераб. — М. : Городец, 2020. — 992 с.
8. *Гурвич М. А.* Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. Т. 38. — М. : РИО ВЮЗИ, 1975. — С. 3–34.
9. *Двуречинский Д. В.* Конклюдентные действия и бездействие в гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 3. — С. 74–82.
10. *Есипова И. А.* Правовое бездействие : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1998. — 159 с.
11. *Кулапов В. Л., Прусаков А. Д.* Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : монография. — М. : Русайнс, 2023. — 168 с.
12. *Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — 654 с.
13. *Молчанов В. В.* Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве : учеб. пособие. — М. : Зерцало-М., 2012. — 355 с.
14. *Новиков А. Г.* Гражданская процессуальная ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002. — 36 с.
15. *Прусаков А. Д.* Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2008. — 32 с.
16. *Рожкова М. А.* Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 418 с.
17. *Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Савина М. А.* Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства : монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. — 304 с.
18. *Сапожников С. А.* Принцип диспозитивности в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 24 с.
19. *Сухова Н. В., Чамалетдинова Ф. Ф.* Пассивная процессуальная позиция и проблемы нечестности сторон в гражданском процессе // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2020. — Т. 6. — № 4. — С. 172–191.
20. *Треушников М. К.* Творческие поиски в науке гражданского процессуального права. — М. : Городец, 2020. — 320 с.
21. *Уксузова Е. Е.* Принцип диспозитивности: теоретико-практические аспекты взаимодействия материального и гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12. — С. 106–119.

22. Юдин А. В. Тактика в гражданском и арбитражном процессе: понятие, разновидности и критерии допустимости // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 6, 2007. — М., 2008. — С. 154–166.
23. Янова Л. В. Социальное бездействие и преодоление его негативных последствий : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Н. Новгород, 2007. — 23 с.
24. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 608 с.
25. Ярков В. В., Долганичев В. В. Групповые иски: сравнительный анализ // European and Asian Law Review. — 2020. — № 1. — С. 118–133.

Материал поступил в редакцию 8 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arbatskaya A. Aktivnost storon grazhdanskogo sudoproizvodstva vozroslo // Advokatskaya gazeta. — 29.05.2024.
2. Baulin O. V. Bremya dokazyvaniya pri razbiratelstve grazhdanskikh del: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2005. — 42 s.
3. Bonner A. T. Printsip dispozitivnosti sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava: ucheb. posobie / otv. red. M. S. Shakaryan. — M.: RIO VYuZI, 1987. — 79 s.
4. Vedeneev Yu. A. Yurisprudentsiya traditsiy i novatsiy epokhi postmoderna v poiskakh sebya // Lex russica. — 2024. — T. 77. — № 1. — S. 144–155.
5. Vlasenko V. A. Potentsial ispolzovaniya sudebnoy neustoyki (astrenta) v obespechenii ispolneniya obyazannosti po predstavleniyu istrebuemykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2024. — № 1. — S. 32–35.
6. Gorelov M. V. K voprosu o sushchnosti grazhdanskogo protsessualnogo bezdeystviya kak formy grazhdanskogo protsessualnogo povedeniya // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2024. — № 1. — S. 13–15.
7. Grazhdanskiy protsess: uchebnyy / pod red. M. K. Treushnikova. — 7-e izd., pererab. — M.: Gorodets, 2020. — 992 s.
8. Gurvich M. A. Struktura i dvizhenie grazhdanskogo protsessualnogo pravootnosheniya // Voprosy nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. Trudy VYuZI. T. 38. — M.: RIO VYuZI, 1975. — S. 3–34.
9. Dvurechinskiy D. V. Konklyudentnye deystviya i bezdeystvie v tsivilisticheskom protsesse // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2023. — № 3. — S. 74–82.
10. Esipova I. A. Pravovoe bezdeystvie: dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 1998. — 159 s.
11. Kulapov V. L., Prusakov A. D. Deystvie i bezdeystvie kak formy yuridicheskogo znachimogo povedeniya: monografiya. — M.: Rusayns, 2023. — 168 s.
12. Kurs dokazatelstvennogo prava: grazhdanskiy protsess, arbitrazhnyy protsess, administrativnoe sudoproizvodstvo / pod red. M. A. Fokinoy. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2019. — 654 s.
13. Molchanov V. V. Osnovy teorii dokazatelstv v grazhdanskom protsessualnom prave: ucheb. posobie. — M.: Zertsalo-M., 2012. — 355 s.
14. Novikov A. G. Grazhdanskaya protsessualnaya otvetstvennost: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2002. — 36 s.
15. Prusakov A. D. Deystvie i bezdeystvie kak formy yuridicheskogo znachimogo povedeniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2008. — 32 s.
16. Rozhkova M. A. Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessualnogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeystviya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2010. — 418 s.

17. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. Aktualnye problemy unifikatsii grazhdanskogo protsessualnogo i arbitrazhnogo protsessualnogo zakonodatelstva: monografiya / pod obshch. red. M. A. Rozhkovoy. — M.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF, 2015. — 304 s.
18. Sapozhnikov S. A. Printsip dispozitivnosti v grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2006. — 24 s.
19. Sukhova N. V., Chamaletdinova F. F. Passivnaya protsessualnaya pozitsiya i problemy nechestnosti storon v grazhdanskom protsesse // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. — 2020. — T. 6. — № 4. — S. 172–191.
20. Treushnikov M. K. Tvorcheskie poiski v nauke grazhdanskogo protsessualnogo prava. — M.: Gorodets, 2020. — 320 s.
21. Uksusova E. E. Printsip dispozitivnosti: teoretiko-prakticheskie aspekty vzaimodeystviya materialnogo i grazhdanskogo protsessualnogo prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 12. — S. 106–119.
22. Yudin A. V. Taktika v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: ponyatie, raznovidnosti i kriterii dopustimosti // Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa. № 6, 2007. — M., 2008. — S. 154–166.
23. Yanova L. V. Sotsialnoe bezdeystvie i preodolenie ego negativnykh posledstviy: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — N. Novgorod, 2007. — 23 s.
24. Yarkov V. V. Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskom protsesse. — M.: Infotropik Media, 2012. — 608 s.
25. Yarkov V. V., Dolganichev V. V. Gruppovye iski: sravnitel'nyy analiz // European and Asian Law Review. — 2020. — № 1. — S. 118–133.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.075-085

В. А. Лаптев*

Корпоративное управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм

Аннотация. В последние годы в российском правоведении традиционное представление о корпоративном управлении претерпело значительные изменения. Нормативно закрепленные модели управления корпоративными организациями утратили универсальный характер и в отдельных отраслях экономики страны сформировались специальные режимы осуществления корпоративных прав. Наблюдается также изменение «чистых» моделей управления хозяйственными обществами (американская, европейская, японская и др.), что обусловлено не произвольным смешением эффективных элементов (инструментов управления) отдельных моделей, а объективными и ситуативными факторами экономико-правового, геополитического и иного характера. В работе демонстрируется трансформация «корпоративных ценностей» в субъектах промышленной деятельности в области оборонно-промышленного комплекса, в рамках которой акционерный капитал позволяет создавать сложные вертикально и горизонтально интегрированные структуры с учетом интересов и задач государства. Отмечается функционал и значение директивной модели управления хозяйственными обществами с участием публично-правовых образований. Дается обзор норм корпоративного законодательства о раскрытии информации. Указывается влияние смены рассматриваемых парадигм на судебную практику.

Ключевые слова: корпоративная организация; акционерное общество; корпоративное управление; раскрытие информации; независимые директора; оборонно-промышленный комплекс; государственный оборонный заказ; управление промышленными предприятиями; директивная модель управления; корпоративная ответственность.

Для цитирования: Лаптев В. А. Корпоративное управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 75–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.075-085.

© Лаптев В. А., 2025

* Лаптев Василий Андреевич, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), судья Арбитражного суда г. Москвы, советник президента Российской академии наук

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
laptev.va@gmail.com

Corporate Governance of Defense Industry Entities: A Paradigm Shift

Vasily A. Laptev, Dr. Sci. (Law); Chief Researcher, Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (RAS); Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Judge of the Commercial Court of the City of Moscow; Advisor to the President of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
laptev.va@gmail.com

Abstract. In recent years, a traditional idea of corporate governance has undergone significant changes in Russian jurisprudence. Normative corporate governance models have lost their universal character and special regimes for the exercise of corporate rights have been formed in certain sectors of the country's economy. The «pure» management models of business entities (American, European, Japanese, etc.) have also changed not because of an arbitrary mixture of effective elements (management tools) of individual models, but because of objective and situational factors of an economic, legal, geopolitical and other nature. The paper demonstrates the transformation of «corporate values» in the industrial entities in the field of the military-industrial complex, within the framework of which the share capital allows creating vertically and horizontally complex integrated structures, taking into account the interests and objectives of the State. The author focuses on functionality and significance of the directive model of managing business entities with the participation of public legal entities. The paper provides an overview of corporate disclosure regulations. The author highlights the impact of the change in the paradigms under consideration on judicial practice.

Keywords: corporate organization; joint stock company; corporate governance; disclosure; independent directors; military-industrial complex; state defense order; management of industrial enterprises; directive management model; corporate responsibility.

Cite as: Laptev VA. Corporate Governance of Defense Industry Entities: A Paradigm Shift. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):75-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.075-085.

Введение

За последнее десятилетие в российской правовой системе сформирован комплекс норм, регулирующих деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В целях эффективного выполнения государственного оборонного заказа действуют особое тарифное регулирование¹, специальный инвестиционный контракт², регулирование объединений пред-

приятий в сфере ОПК (интегрированных структур)³ и др.

В правоведении мы постоянно сталкиваемся с формированием гибридных правовых режимов, в том числе в реальном секторе экономики, существование которых обусловлено, как правило, экономической необходимостью. Ярким историческим примером являются 1920-е гг. — провозглашение перехода к нэпу, с введением которого связывали выход страны из

¹ Постановление Правительства РФ от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 50 (ч. III). Ст. 7624.

² Федеральный закон от 27.06.2019 № 152-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» // СЗ РФ. 2019. № 26. Ст. 3318.

³ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

экономического кризиса⁴. Юридическое закрепление экономических свобод стало стимулом для развития отечественной промышленности, торговли и промысла того времени⁵.

На современном этапе триггерами создания гибридных правовых режимов в России стали COVID-19, специальная военная операция на территории Украины, цифровая трансформация⁶ и ряд других обстоятельств⁷. Мы всегда можем констатировать точку отсчета соответствующего гибридного правового режима, но не всегда можем однозначно определить завершение его действия. На практике получается, что нормы рассматриваемого правового режима впоследствии органически имплементируются в традиционную систему правового регулирования общественных отношений.

Несмотря на временный характер гибридных правовых режимов, не все из них впоследствии юридически отменяются (например, нэп). Некоторые правоведы рассматривают гибридные правовые режимы как смешение правовых семей⁸, которое мы постоянно наблюдаем, обнаруживая в отечественном или зарубежном правовых порядках заимствование элементов соответствующей правовой семьи. Данный процесс в праве неизбежен и отчасти прогнозируем, поскольку в его основе лежит принцип правового прагматизма, когда удачные юридические

практики используются при нормотворческих решениях в других правовых порядках.

1. Корпоративная форма управления предприятиями военно-промышленного комплекса России

Большинство предприятий, непосредственно участвующих в производственном цикле ОПК, имеют форму акционерного общества⁹. Такое положение дел неслучайно и вызвано объективными причинами¹⁰. Исторический процесс акционирования государственных предприятий, начавшийся после распада Советского Союза в начале 1990-х гг., был основан на декларировании эффективности акционерной модели ведения экономической деятельности и перехода на самоокупаемость. Приватизация большей части государственных унитарных предприятий прошла путем преобразования их в акционерные общества (ст. 13 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»¹¹). При приватизации ряда ключевых предприятий государство сохранило за собой стопроцентные либо контрольные пакеты акций и (или) специальное право на принимаемые органами общества корпоративные решения («золотую акцию»).

⁴ Декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

⁵ Например, см.: Исаев И. А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004.

⁶ Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Л. В. Андреева, Д. А. Гаврин, П. Е. Егоров [и др.]. М. : Проспект, 2020. DOI: 10.31085/9785392328604-2020-488.

⁷ Например, см.: Чуча С. Ю. Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52.

⁸ Даниелян А. С. Феномен смешанных // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 157–163 ; Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (32). С. 91–97. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097.

⁹ Например, АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей», АО «Объединенная двигателестроительная корпорация», АО «Вертолеты России», ПАО Судостроительный завод «Северная верфь», АО «НПК «Уралвагонзавод».

¹⁰ См.: Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / Т. Д. Аиткулов, О. А. Беляева, А. В. Вялков [и др.]. М. : Статут, 2021.

¹¹ СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

При приватизации предприятий ОПК предпочтение также было отдано акционерной модели. Так, имущественную основу Госкорпорации «Ростех» составили преобразованные в акционерные общества унитарные предприятия¹², которые также являлись коммерческими организациями и их деятельность была направлена на извлечение прибыли (ст. 50 ГК РФ). Принципиальная разница между унитарными предприятиями и акционерными обществами в аспекте рассматриваемой проблематики заключается в правомочиях их владельца (собственника имущества, акционера), которым в первом случае может выступать только публично-правовое образование (в частности, Российская Федерация), во втором — физические либо юридические лица, помимо публично-правового образования.

Акционирование государственных предприятий ОПК позволило привлекать новых инвесторов посредством продажи им акций, что одновременно вовлекло данных лиц (новых акционеров) в процессы корпоративного управления. Кроме того, на базе акционерной модели без труда можно создавать горизонтально и вертикально интегрированные комплексы (холдинги)¹³.

Достоинством акционерной формы организации является способность общего собрания акционеров (либо единственного акционера) холдинговой компании принимать корпоративные решения по учреждению дочерних обществ. Например, АО «Вертолеты России» (входящее в структуру Госкорпорации «Ростех») является эффективной холдинговой компанией, определяющей решения своих дочерних обществ — АО «Казанский вертолетный завод», АО «Роствертол», АО «Улан-Удэнский авиационный завод», АО «Арсеньевская авиационная

компания «Прогресс»», АО «Кумертауское авиационное производственное предприятие», АО «Ступинское машиностроительное производственное предприятие» и АО «Редуктор-ПМ»¹⁴. Холдинговая компания определяет единую экономическую политику своих дочерних производственных предприятий. При этом контрольный пакет акций холдинговых предприятий ОПК всегда сосредоточен в руках государства.

Кооперативные связи в области ОПК строятся с учетом интересов субъектов Российской Федерации, но при сохранении приоритета федеральных интересов (ст. 4 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»). По сути, регионы вовлекаются в целостную промышленную политику страны и развиваются посредством использования их территорий при создании промышленной инфраструктуры.

Перечень предприятий ОПК (сводный реестр) ведет Минпромторг России, однако эти сведения носят непубличный характер, официально не обнародуются и подлежат защите (п. 2 постановления Правительства РФ от 20.02.2004 № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса»). Организация, входящая в данный реестр, вправе обратиться в Минпромторг России для получения подтверждения своего статуса. Данное подтверждение, например, требуется для применения к оборонным предприятиям мер стимулирования их промышленной деятельности.

В Федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации» исключен запрет, установленный в п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁵ и в п. 6 ст. 98 ГК РФ, на создание компаний, в которых единственный учредитель (акционер) — другое общество, содержит в

¹² Указ Президента РФ от 10.07.2008 № 1052 «Вопросы Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии»» // СЗ РФ. 2008. № 28. Ст. 3362.

¹³ Подробнее см.: *Портной К. Я.* Правовое положение холдингов в России : науч.-практ. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2004 ; *Шиткина И. С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление : науч.-практ. издание. М. : Волтерс Клувер, 2008.

¹⁴ URL: <https://www.rhc.ru/about> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁵ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

своем уставном капитале одно лицо (п. 7 ст. 21). Структурирование группы компаний в вертикально интегрированный холдинг по принципу матрешки применяется исключительно при использовании акционерной формы корпоративной организации в интегрированных структурах ОПК. Вместе с тем при наличии субсидиарной и иной юридической ответственности контролирующих корпорацию лиц видится неактуальным запрет на создание компаний-«матрешек». Данное право должно относиться к дискреционным правомочиям учредителей (акционеров, участников) хозяйственного общества, которые вправе самостоятельно определять экономическую модель ведения ими предпринимательской деятельности и несут за это установленную законом юридическую ответственность¹⁶.

2. Рецессия традиций о раскрытии информации и независимых директоров в акционерных обществах ОПК

В последние годы законодатель и Правительство России приняли ряд антисанкционных и антиограничительных (защитных) актов, способных минимизировать вред, причиняемый российским предприятиям в результате введения против них санкций и иных мер экономического

характера со стороны недружественных государств¹⁷. В данном направлении значимую роль сыграли решения правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, ставшие нормативной частью российской системы правового регулирования экономических отношений в стране¹⁸. Были приняты также защитные меры в сфере корпоративных отношений.

Прежде всего, заслуживает внимания изменение подхода к раскрытию информации об эмитенте¹⁹. В результате принятия постановления Правительства РФ № 1102 российским эмитентам предоставлено право не раскрывать информацию о себе в некоторых случаях: если в отношении него действуют ограничительные меры; эмитент — уполномоченный банк по Федеральному закону от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»²⁰; эмитент осуществляет деятельность на новых территориях России и т.д.). В строго формальном смысле данное правомочие эмитента не является его обязанностью и целесообразность его использования определяется им самим. Любопытным видится тот факт, что после принятия Правительством РФ данного акта Банк России не дополнил соответствующей нормой Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг (2020 г.)²¹.

¹⁶ См.: пояснительная записка к проекту федерального закона № 797057-8 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона “Об акционерных обществах”, статью 7 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” и признании утратившими силу отдельных положений некоторых законодательных актов Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/797057-8> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

¹⁸ См.: Габов А. В., Лаптев В. А. Решения правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации в системе источников регулирования экономических отношений // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Т. 19. № 3. С. 32–70. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-gabov-laptev.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 04.07.2023 № 1102 «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона “Об акционерных обществах” и Федерального закона “О рынке ценных бумаг”» // СЗ РФ. 2023. № 28. Ст. 5221.

²⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2012.

²¹ Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2020. № 39–40.

Следует отметить, что отечественное законодательство и ранее содержало нормы о возможности для определенных категорий лиц не раскрывать информацию о себе. Так, в июне 2019 г. предприятиям, зарегистрированным на новых территориях России (в ДНР, Республике Крым, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях или г. Севастополе), предоставлено право ограничить доступ к сведениям ЕГРЮЛ о своих участниках и руководителях²²; в апреле 2022 г. кредитным и некредитным финансовым организациям, в отношении которых введены меры ограничительного характера, также предоставлено право не раскрывать информацию о себе²³.

Ключевым актом в данном вопросе стало постановление Правительства РФ от 16.09.2022 № 1625²⁴, в рамках которого разделены ограничительные меры США на основе сформированного списка граждан и юридических лиц (Specially Designated Nationals And Blocked Persons List) и ограничительные меры Евросоюза в отношении денежных средств и экономических ресурсов соответствующих лиц. Данный акт позволил переоценить привычное представление о необходимости раскрывать информацию об эмитенте и одновременно изменил подходы судебной практики к публичной достоверности реестра (ЕГРЮЛ), к осведомленности участников (кредиторов, контрагентов и иных лиц) о директоре и иных органах управления обществом, к должной осмотрительности участников общественных отношений при совершении крупных сделок и сделок с заинтересованностью, к исковой давности и т.д.

Указанные обстоятельства потребовали выработки двух подходов судебной практики к корпоративным спорам. Согласно первому подходу в случаях закрытия сведений об эмитенте его контрагенты, кредиторы, акционеры (участники) общества и иные лица могут заявлять соответствующие возражения о неосведомленности по внутрикорпоративной структуре управления и о порядке одобрения и заключения сделок, назначения нового директора, внесения изменений в устав и т.д. Данные возражения участников процесса суд должен оценивать наряду с другими доказательствами по делу (ч. 2 ст. 71 АПК РФ).

Второй подход в отношении общества, сведения о котором публично и добросовестно раскрыты, сохраняет привычное понимание публичной достоверности сведений реестра, в частности о полномочиях нескольких лиц выступать от имени юридического лица, которые, как предполагается, осуществляются данными лицами раздельно (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25); о текущем генеральном директоре, сведения о котором содержатся в ЕГРЮЛ (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27).

Не менее существенным для корпоративного управления предприятиями ОПК является вопрос о независимых директорах. Длительное время Правительство России стремилось повысить рейтинг страны в Doing Business, который в итоге дискредитировал себя установленными фальсификациями и искажениями сведений при его формировании Всемирным банком, после

²² Постановление Правительства РФ от 06.06.2019 № 729 «Об определении случаев, в которых доступ к содержащимся в едином государственном реестре юридических лиц сведениям (документам, содержащим сведения) о юридическом лице может быть ограничен» // СЗ РФ. 2019. № 24. Ст. 3089.

²³ Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 586 «О некоторых особенностях раскрытия и (или) предоставления информации в соответствии с отдельными законодательными актами Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 2504.

²⁴ Постановление Правительства РФ от 16.09.2022 № 1625 «Об определении случаев, в которых доступ к информации (сведениям), содержащейся в государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности и Едином государственном реестре юридических лиц, может быть ограничен, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 06.06.2019 № 729 и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6607.

чего был запущен новый проект — Business Ready²⁵. Мы можем также вспомнить дорожную карту «Совершенствование корпоративного управления» (2016 г.), реализация которой декларировалась как повышение позиции России в рейтинге Doing Business. Другим примером служит Кодекс корпоративного управления Банка России (2014 г.)²⁶, принятие которого для публичного акционерного общества рассматривалось в качестве добросовестной практики корпоративного управления, содержащей требования о наличии независимых директоров.

В настоящее время в условиях геополитической ситуации в мире не представляется целесообразным придерживаться идеи об обязательном присутствии независимых директоров в органах акционерных обществ ОПК. Во-первых, возможность продажи акций рассматриваемых эмитентов на фондовом рынке сейчас ограничена территорией России, в том числе ввиду принятия ограничительных мер в отношении большинства отечественных предприятий ОПК. Кроме того, отсутствует в целом потребность в листинге и выходе на зарубежные фондовые рынки рассматриваемых предприятий ОПК, корпоративный контроль над которыми должен сохраняться за Российской Федерацией и государственными корпорациями. Во-вторых, практически полностью была свернута программа депозитарных расписок и конвертации их в акции российских эмитентов (Федеральный закон от 16.04.2022 № 114-ФЗ; информация Банка России от 15.08.2022 «Автоматическая конвертация депозитарных расписок начинается 15 августа»). Таким образом, рассматриваемые «высокие» стандарты корпоративного управления для публичных обществ фактически утратили актуальность в отношении российских акционерных обществ ОПК.

Для предприятий ОПК введение в состав их органов независимых директоров является скорее неоправданным риском, поскольку отсут-

ствует объективное доверие к их кандидатурам со стороны основных либо мажоритарных акционеров (государства, госкорпорации). Мы должны также учитывать, что оборонные предприятия всегда работают с информацией с грифом «секретно», составляющей государственную тайну. Соответственно, одобряя крупные сделки (включая существенные и основные условия договора), все члены совета директоров имеют доступ к информации, произвольное разглашение которой нарушает публичные интересы Российской Федерации в области обороны и безопасности страны. При этом мы говорим не о том, что остальные члены совета директоров не должны обладать достаточным профессионализмом и опытом для принятия эффективных решений, а лишь о том, что нецелесообразно включать в состав органов управления предприятий ОПК «посторонних» лиц, какими бы профессионалами своего дела они ни были. Таким образом, отказ от зарубежных образцов корпоративной практики становится оправданным для рассматриваемой сферы отечественной промышленности.

3. Директива как воля государства по вопросу управления предприятиями ОПК

Пониманию юридического значения директивы способствует раскрытие сфер ее применения. Как правило, директива воспринимается как документ к действию, который оформляется исключительно в письменной форме либо в приравненной к ней форме в виде электронного документа, который впоследствии передается представителю. Действиями представителя реализуется волеизъявление. То есть сама воля формулируется не представителем, а государством (например, Правительством РФ или Росимуществом²⁷).

Директивы практически всегда носят императивный характер. Встречаются директивы, которые охватывают неограниченное количе-

²⁵ URL: <https://tass.ru/ekonomika/17653989> (дата обращения: 22.12.2024).

²⁶ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

²⁷ Например, см.: Перечень актуальных директив Правительства РФ и Росимущества на 6 марта 2023 года // URL: <https://rosim.gov.ru/documents/235013> (дата обращения: 01.01.2025).

ство предприятий (конкретно не поименованных), обязательны для акционерных обществ с государственным участием, а также рекомендованы для их дочерних обществ (в частности, директивы о формировании федерального кадрового резерва организаций ОПК)²⁸. В целях обеспечения национального суверенитета Правительством утверждены разработанные Минцифры России директивы о внедрении российских цифровых решений и стимулировании импортозамещения²⁹.

Директивы могут касаться вопросов экономико-правового характера, в частности о неприменении штрафных санкций при нарушении исполнителями (поставщиками) договоров из-за введения ограничительных мер в отношении России со стороны недружественных государств (включая возможность изменения условий заключенных договоров)³⁰. При этом следует учитывать особую природу неустойки за неисполнение контрактов в области военной промышленности³¹.

Директивы, касающиеся назначения на должность генерального директора, председателя правления либо председателя совета директоров акционерного общества, носят индивидуальный, разовый характер, поскольку применяются к конкретному юридическому лицу³².

Многочисленные труды правоведов, анализирующих природу корпоративной директивы и последствия ее соблюдения (либо нарушения), свидетельствуют об отсутствии единообразия в подходах³³. Это объясняется рядом фактов. С одной стороны, представитель публично-правового образования не может поступить иначе, нежели исполнить директиву в строгом соответствии с ее содержанием. С другой стороны, действуют общие нормы о разумном и осмотрительном поведении представителей при участии в работе коллегиальных органов хозяйственных обществ (п. 3 ст. 53 ГК РФ, п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62). До настоящего времени отсутствуют тематические обзоры либо постановления Пле-

²⁸ Директивы Правительства РФ от 28.08.2020 № 7887п-П7 представителям интересов Российской Федерации для участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ с государственным участием // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ URL: <http://government.ru/news/42005/> (дата обращения: 01.01.2025).

³⁰ Директивы Правительства РФ от 06.03.2022 № 2182п-П13 представителям интересов Российской Федерации для участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ с государственным участием, включенных в специальный перечень, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 23.01.2003 № 91-п // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/03/main/Direktiv_Pravitelstva_RF_ot_06.03.2022_N_2182P-P13KS.pdf (дата обращения: 01.01.2025).

³¹ Подробнее см.: *Габов А. В., Лаптев В. А.* Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 75–83. DOI: 10.31857/S102694520022202-3; *Карапетов А. Г.* Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2006.

³² Директивы Правительства РФ от 23.12.2020 № 12418п-П13 представителям интересов Российской Федерации для участия в заседании совета директоров ОАО «Российские железные дороги» // URL: <http://static.government.ru/media/files/tgnOjKV3ioAHtsgASFMeAfBkiGSnEBcv.pdf> (дата обращения: 01.01.2025); Директивы Правительства РФ от 02.12.2020 № 11453п-П13 представителям интересов Российской Федерации для голосования на заседании совета директоров акционерного общества «Роснано» // URL: <http://static.government.ru/media/files/KAi4WGnsQQ5aJYzAsx0aYwUHnXY2AqW9.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).

³³ Например, см.: *Жестеров П. В.* Ответственность членов совета директоров: от уголовной репрессии и административной дисквалификации к гражданско-правовому формату разрешения конфликтов // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2016. № 6. С. 294–299; *Кабанова И. Е.* Ответственность публичных субъектов за действия представителя публичных интересов в органах управления корпорацией // *Гражданское право*. 2017. № 1. С. 12–14.

нума Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу. Скорее всего, это связано с отсутствием устойчивой судебной практики.

Особого внимания заслуживает норма о субсидиарной ответственности головной организации интегрированных структур³⁴ за выполнение государственного оборонного заказа (п. 2 ст. 22 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации»). Само по себе введение данной ответственности не является чем-то новым для российского правопорядка. Субсидиарная ответственность всегда наступает в установленных нормативными правовыми актами и условиями обязательств случаях (ст. 399 ГК РФ). В рассматриваемой ситуации структура договорных связей в рамках интегрированной структуры свидетельствует о том, что фактически субсидиарно обязанным лицом становится головная организация (по обязательствам организаций, входящим в состав интегрированной структуры) в силу того, что основными должниками при выполнении гособоронзаказа, как правило, выступают ее дочерние общества либо связанные с ней организации.

Возникает резонный вопрос, можно ли в системе корпоративного управления отделить волю от волеизъявления? С точки зрения обычной юридической логики — нельзя! Выдача директивы — единый процесс формирования воли публично-правовым образованием и ее внешнего выражения посредством волеизъявления представителем. Вместе с тем суды в большинстве случаев идут по иному пути, в том числе поддерживают освобождение от ответственности лица, голосовавшего по директиве.

Мы также не увидим судебную практику о привлечении публично-правового образования к субсидиарной ответственности по обязательствам акционерного общества — должника, банкротство которого стало следствием неудач-

ного менеджмента, в том числе ввиду исполнения представителями выданных им директив.

Получается, что в основу привлечения к ответственности заложены не традиционный принцип виновного поведения обязанного лица, а комплекс взаимосвязанных юридически значимых фактов, влияющих на выдачу директивы (анализируемые документы, экономическая ситуация в стране и на рынке, потребности сферы промышленности и т.д.), принятие решения по конкретному вопросу (в ходе обсуждения вопроса повестки дня и голосования) либо уклонение от его принятия (по субъективным либо очевидным ситуативным причинам), а также его реализация (исполнение решения). Для привлечения к ответственности лица (представителя публично-правового образования, самого публично-правового образования) требуется проанализировать причинную связь между указанными действиями и последствиями, поскольку не каждая директива, пусть и, на первый взгляд, негативно влияющая на экономические показатели (которые, кстати, могут быть временными), повлекла за собой банкротство. Юридическая практика свидетельствует, что банкротство производственного предприятия не является следствием какой-либо одной сделки (в том числе совершенной в рамках исполнения соответствующей директивы).

В последние годы возросла роль прокуратуры в сфере ОПК. Действующая система прокурорского надзора за законностью включает в себя вопросы исполнения гособоронзаказа, распоряжения акционерными обществами ОПК имуществом, диверсификации производств ОПК и др.³⁵ Для исполнения своих полномочий прокуратура ведет собственный перечень головных исполнителей гособоронзаказа, фактически наряду с Минпромторгом, поскольку оба указанных реестра носят закрытый характер.

³⁴ Интегрированная структура оборонно-промышленного комплекса — объединение ведущих совместную деятельность юридических лиц, которое не является юридическим лицом, создается в соответствии с решениями Президента РФ или Правительства РФ и в котором одно юридическое лицо имеет возможность определять решения, принимаемые остальными юридическими лицами.

³⁵ Приказ Генпрокуратуры России от 02.11.2018 № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» // Законность. 2019. № 1.

Выводы

Приведенный анализ демонстрирует многогранность правового режима, регламентирующего директивную модель управления хозяйственными обществами ОПК на современном этапе. Видится, что впоследствии элементы исследуемых норм права будут привычной составной частью российской правовой системы.

Гибридный правовой режим позволяет достичь поставленных при его формировании целей, в частности, директивная модель управления корпорациями ОПК обеспечивает интересы государства в области обороны и безопасности страны. Развитие корпоративного законодательства будет следовать по пути внедрения большего количества публичных норм права, в то время как ныне действующие частноправовые начала регулирования рассматриваемой сферы экономики постепенно утратят свою популярность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Габов А. В., Лаптев В. А.* Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества // Государство и право. — 2022. — № 9. — С. 75–83. — DOI: 10.31857/S102694520022202-3.
2. *Габов А. В., Лаптев В. А.* Решения правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации в системе источников регулирования экономических отношений // Труды Института государства и права РАН. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 32–70. — DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-gabov-laptev.
3. *Даниелян А. С.* Феномен смешанных // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1–2. — С. 157–163.
4. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / Т. Д. Айткулов, О. А. Беляева, А. В. Вялков [и др.]. — М. : Статут, 2021. — 414 с.
5. *Жестеров П. В.* Ответственность членов совета директоров: от уголовной репрессии и административной дисквалификации к гражданско-правовому формату разрешения конфликтов // Проблемы экономики и юридической практики. — 2016. — № 6. — 2016. — С. 294–299.
6. *Кабанова И. Е.* Ответственность публичных субъектов за действия представителя публичных интересов в органах управления корпорацией // Гражданское право. — 2017. — № 1. — С. 12–14.
7. *Карпетов А. Г.* Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. — М., 2006. — 286 с.
8. *Трикоз Е. Н.* Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 4 (32). — С. 91–97. — DOI: 10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097.
9. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Л. В. Андреева, Д. А. Гаврин, П. Е. Егоров [и др.]. — М. : Проспект, 2020. — 488 с. — DOI: 10.31085/9785392328604-2020-488.
10. *Чуча С. Ю.* Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 44–52. — DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52.
11. *Laptev V., Fedin V.* Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. — 2020. — Vol. 8. — No. 1. — P. 138–157. — DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gabov A. V., Laptev V. A. Pravovaya priroda i predely primeneniya neustoyki v komissionnykh pravootnosheniakh v oblasti voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 9. — S. 75–83. — DOI: 10.31857/S102694520022202-3.
2. Gabov A. V., Laptev V. A. Resheniya pravitelstvennoy komissii po kontrolyu za osushchestvleniem inostrannykh investitsiy v Rossiyskoy Federatsii v sisteme istochnikov regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2024. — T. 19. — № 3. — S. 32–70. — DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-gabov-laptev.
3. Danielyan A. S. Fenomen smeshannykh // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2016. — № 1–2. — S. 157–163.
4. Dvadsat pyat let rossiyskomu aktsionernomu zakonu: problemy, zadachi, perspektivy razvitiya / T. D. Aitkulov, O. A. Belyaeva, A. V. Vyalkov [i dr.]. — M.: Statut, 2021. — 414 s.
5. Zhesterov P. V. Otvetstvennost chlenov soveta direktorov: ot ugolovnoy repressii i administrativnoy diskvalifikatsii k grazhdansko-pravovomu formatu razresheniya konfliktov // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2016. — № 6. — 2016. — S. 294–299.
6. Kabanova I. E. Otvetstvennost publichnykh subektov za deystviya predstavitelya publichnykh interesov v organakh upravleniya korporatsiy // Grazhdanskoe pravo. — 2017. — № 1. — S. 12–14.
7. Karapetov A. G. Neustoyka kak sredstvo zashchity prav kreditora v rossiyskom i zarubezhnom prave. — M., 2006. — 286 s.
8. Trikoz E. N. Gibridnye pravovye sistemy i ikh mesto v smeshannom pravovom semeystve // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2017. — № 4 (32). — S. 91–97. — DOI: 10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097.
9. Tsifrovaya ekonomika: kontseptualnye osnovy pravovogo regulirovaniya biznesa v Rossii / L. V. Andreeva, D. A. Gavrin, P. E. Egorov [i dr.]. — M.: Prospekt, 2020. — 488 s. — DOI: 10.31085/9785392328604-2020-488.
10. Chucha S. Yu. Zanyatost, trud i sotsialnaya zashchita v rezhime gibridnogo pravoprimeneniya // Pravo-primenenie. — 2024. — T. 8. — № 3. — S. 44–52. — DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52.
11. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. — 2020. — Vol. 8. — No. 1. — P. 138–157. — DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.

Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз»

Аннотация. В статье автором осуществлен комплексный аналитический разбор оферт двух крупнейших маркетплейсов на российском рынке — «Озона» и «Вайлдберриз». Актуальность проблематики обусловлена следующими факторами. В настоящее время маркетплейсы выступают своего рода драйвером, локомотивом развития отечественной экономики, создавая рабочие места, давая возможность развиваться огромному количеству малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем, несмотря на широкое распространение и активное взаимодействие с маркетплейсами десятков миллионов граждан России, их деятельность остается по большому счету за рамками комплексного правового регулирования и во многом не входит в сферу внимания российского правопорядка. Взаимодействие площадок с гражданами и продавцами осуществляется прежде всего на основании собственных договоров площадок — оферт, которые зачастую предоставляют маркетплейсам широкий простор для злоупотреблений правами и содержат ряд небесспорных положений. В статье рассматриваются ключевые условия договоров площадок «Озон» и «Вайлдберриз» с продавцами, а также осуществляется их оценка с учетом положений российского законодательства, релевантной судебной практики и доктрины.

Ключевые слова: оферта; договор; маркетплейс; электронная площадка; штраф; отчет продавца; гражданско-правовая ответственность; злоупотребление правом; баланс интересов; дистанционная торговля.

Для цитирования: Зубарев Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 86–96. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.086-096.

© Зубарев Н. С., 2025

* Зубарев Никита Сергеевич, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), консультант ООО «Айнекс Эдженси»

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2021904@edu.msal.ru

An Offer as a Legal Regulatory Instrument for Entrepreneurial Activity with the Use of Marketplaces: The Case Study of «Ozon» and «Wildberries»

Nikita S. Zubarev, Postgraduate Student, Department of Business and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Legal Advisor at OOO «Aineks Agency», Moscow,
Russian Federation
s2021904@edu.msal.ru

Abstract. The author carried out a comprehensive analysis of offers made by the two largest marketplaces on the Russian market, namely, «Ozon» and «Wildberries». The relevance of the problem is due to the following factors. Currently, marketplaces act as a kind of a driver, locomotive of the development of the domestic economy, creating jobs, giving a huge number of small, medium-sized and individual enterprises an opportunity to develop. At the same time, despite a widespread and active interaction with marketplaces of tens of millions of Russian citizens, their activities remain, by and large, beyond the framework of comprehensive legal regulation, and they largely do not fall under the close attention of the Russian law and order. Interaction of sites with citizens and sellers is carried out primarily on the basis of their own agreements — offers that often provide marketplaces with a wide scope for abuse of rights and contain a number of controversial provisions. The paper discusses the key terms and conditions of contracts of «Ozon» and «Wildberries» with vendors and sellers, and evaluates them taking into account the provisions of Russian law, relevant judicial practice and the doctrine.

Keywords: offer; contract; marketplace; e-platform; penalty; seller's report; civil liability; abuse of the right; balance of interests; remote trading.

Cite as: Zubarev NS. An Offer as a Legal Regulatory Instrument for Entrepreneurial Activity with the Use of Marketplaces: The Case Study of «Ozon» and «Wildberries». *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):86-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.086-096.

Введение

По данным последних исследований, объем рынка онлайн-продаж в январе — октябре 2024 г. достиг 7 трлн руб., что на 43 % больше показателя аналогичного периода 2023 г. При этом за полный 2024 г. российский рынок электронной коммерции преодолел планку в 9 трлн руб., что более чем на 40 % выше аналогичного показателя 2023 г.¹

Однако, несмотря на очевидное удобство и широкую распространенность данного инструмента электронной торговли, в основном регулирование рассматриваемых отношений носит точечный характер, их субъекты взаимо-

действуют в рамках правил, определенных каждой площадкой в отдельности.

В отсутствие комплексного и предметного законодательного регулирования деятельности маркетплейсов основную роль в регламентации такого рода правоотношений играют положения, содержащиеся в офертах, договорах и иных документах каждой конкретной площадки. Как справедливо отмечает Н. В. Козинец, специфической особенностью маркетплейсов является их ориентированность на самостоятельную регламентацию механизмов работы². Кроме того, трудно не согласиться с утверждением А. И. Коваленко о том, что «власть маркетплейса обеспечивается правами площадки по

¹ Объем онлайн-продаж в России в 2025 году достигнет 9–11 трлн руб. // URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/kрупnyy_plan/articles/2024/12/24/1083312-obem-onlain-prodazh-dostignet (дата обращения: 08.01.2025).

² Козинец Н. В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. 2023. № 1. С. 29–31.

определению правил взаимодействия, создания и распределения ценности, а также подбору (сопоставлению, сочетанию) участников такого взаимодействия»³.

В соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Это предложение должно содержать существенные условия, предусмотренные для такого рода договоров⁴.

В настоящей публикации детально рассмотрен порядок взаимодействия с потребителями и продавцами товаров площадок «Вайлдберриз» и «Озон» — двух крупнейших маркетплейсов, по данным Федеральной антимонопольной службы. Так, в конце января 2024 г. глава ФАС РФ Максим Шаскольский указывал на то, что вышеуказанные площадки занимают 80 % всего рынка маркетплейсов в Российской Федерации, что говорит об их доминирующем положении⁵.

«Вайлдберриз»

На агрегаторе «Вайлдберриз» взаимодействие с продавцами выстраивается на основе Оферты о реализации товара на сайте «Вайлдберриз»⁶ — 61-страничного документа, состоящего из самой оферты (9 страниц, 8 разделов) и приложений:

- Правила использования портала;
- Правила упаковки и маркировки;
- Правила приемки и возврата;
- Правила расчета вознаграждения;
- Правила оказания услуг;
- Правила выкупа товара;

— Правила оказания услуг по продвижению товаров на сайте;

— Форма заявки на оказание услуг ВБ.Медиа;

— Соглашение продавцов о реализации товаров;

— Соглашение об обработке персональных данных;

— Удержание товаров;

— Правила продажи транспортных средств;

— Перечень штрафов;

— Перечень запрещенных товаров.

«Вайлдберриз» заключает договор с продавцом по следующей процедуре:

1. Продавец знакомится с условиями оферты и проходит регистрацию на портале, указывая в полях формы данные, необходимые для заключения договора.

2. «Вайлдберриз» проверяет предоставленные данные и в случае принятия положительного решения о заключении договора с продавцом высылает ему реквизиты для уплаты гарантийного взноса (при этом в п. 2.2 оферты содержится указание на то, что направление продавцу реквизитов для уплаты гарантийного взноса является предложением продавцу о заключении договора на условиях оферты).

3. С момента уплаты продавцом гарантийного взноса договор считается заключенным. При этом «Вайлдберриз», в соответствии с п. 2.4 оферты, может направить продавцу запрос, при получении которого продавец обязуется направить в адрес «Вайлдберриз» дополнительное подтверждение заключения договора (например, подписанные продавцом письмо о намерении заключить договор или текст оферты).

Договор, подлежащий заключению между продавцом и площадкой, с нашей точки зрения, по своей правовой природе является агентским,

³ Коваленко А. И. Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. 2020. № 1 (77).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32.

⁵ ФАС признала Ozon и Wildberries коллективными монополистами // URL: <https://www.rbc.ru/business/24/01/2024/65b0f87b9a794746623673d9> (дата обращения: 08.01.2025).

⁶ Оферта о реализации товара на сайте Wildberries // URL: <https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/latest.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

поскольку в его предмет входит осуществление от имени и за счет продавца следующих как юридических, так и фактических действий:

- действий, направленных на заключение и исполнение сделок купли-продажи товаров с покупателями;

- действий, направленных на прием оплаты за товары от покупателей и передачи товаров (при этом «Вайлдберриз» принимает денежные средства у покупателей за товар и формирует и выдает покупателю кассовый чек, который содержит информацию о продавце (его наименование и ИНН) в соответствии с требованиями Федерального закона от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»)⁷.

Представляется справедливым упомянуть, что вопрос о юридической природе соглашения, заключаемого в рамках рассматриваемой модели (при продаже дистанционным способом с привлечением электронной торговой площадки), в целом является дискуссионным. Одни авторы придерживаются точки зрения о том, при заключении договора на электронной торговой площадке имеет место договор возмездного оказания услуг; другие рассматривают заключаемый договор в качестве агентского или смешанного⁸.

Следует отметить, что в судебной практике, несмотря на преобладающую позицию о квалификации упомянутого договора в качестве агентского, встречается позиция, в соответствии с которой договор между «Вайлдберриз» и продавцом представляет собой договор комиссии (например, см.: постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2023 № 10АП-11457/2023 по делу № А41-88217/2022)⁹.

Кроме того, согласно п. 3.3 договора при исполнении поручения продавца «Вайлдберриз» может оказывать продавцу услуги (а продавец обязуется их оплатить), предусмотренные пунктом 6.4 договора. Под таковыми понимаются действия:

- по организации доставки товара покупателям и доставки товара от покупателя на склад «Вайлдберриз» в случае отказа покупателя от товара;

- хранению и складской обработке товара на складе «Вайлдберриз»;

- утилизации товара;

- предоставлению дополнительного функционала на портале;

- продвижению товаров на сайте.

Таким образом, «Вайлдберриз» изначально существенно расширяет рамки предмета договора и обуславливает получение «основных» услуг продавцом приобретением целого комплекса «сопутствующих» услуг, от которого продавец при сотрудничестве с «Вайлдберриз» не может отказаться. При этом в п. 6.5 договора отдельно отмечается, что задание продавца на оказание услуг, предусмотренных пунктом 6.4, действует с момента заключения договора. То есть, по сути, продавец, подписывая договор, изначально дает согласие на получение полного спектра услуг, оказываемых платформой.

В этом же разделе оферты указан и порядок передачи товара от продавца на сторону платформы (когда продажа товара на площадке «Вайлдберриз» осуществляется способами, подразумевающими такую передачу). Можно сказать, что продавец обязуется передавать товары «Вайлдберриз» на условиях, указанных в договоре и в зависимости от модели сотрудничества. В случае если продавец в обусловленные договором сроки не исполнит обязанность

⁷ Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» // СЗ РФ. 2003. № 21.

⁸ LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2023. С. 148–149.

⁹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2023 № 10АП-11457/2023 по делу № А41-88217/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2025).

по передаче товара, то, согласно положениям рассматриваемого раздела, он обязуется уплатить штраф и своими силами доставить товар до покупателя.

Важно отметить, что площадка принимает товар в соответствии с Правилами приемки и возврата товара (являются приложением к договору). Существенным положением договора, на наш взгляд, является то, что при передаче товара от продавца площадке применяется так называемый коэффициент проблемного товара. В пункте 4.11 договора закреплено правило о том, что, если коэффициент проблемного товара составляет более 5 %, право продавца на использование способов продажи товара, предоставляемых площадкой, существенным образом ограничивается. (У продавца при этом остается право использования только двух из всех вышеперечисленных способов продажи товара. Ограничение действует до дня, следующего за днем, в котором коэффициент проблемного товара вернулся в свое нормальное значение.) Маркетплейс в случае превышения соответствующего коэффициента вправе выставить продавцу требование о необходимости забрать товары, хранящиеся на складах «Вайлдберриз», и не принимать от продавца на хранение вновь поступающие товары до тех пор, пока коэффициент проблемного товара не вернется в норму.

Не меньший интерес для исследования представляют положения оферты «Вайлдберриз», касающиеся порядка формирования цены, по которой происходит отчуждение товаров, и порядка взаиморасчетов сторон.

В соответствии с п. 5.1 договора продавец имеет право самостоятельно определять цену продажи товара, а также устанавливать собственные скидки на товар. Кроме того, скидки, установленные площадкой «Вайлдберриз» по согласованию с продавцом, также признаются скидками, установленными продавцом.

При этом у «Вайлдберриз», как следует из п. 5.3 договора, есть право предоставлять покупателям возможность покупки товара с собственной скидкой маркетплейса без предварительного согласования с продавцом, а продавец, в свою очередь, не может с этим не согласиться. Кроме того, маркетплейс вправе менять

как в большую, так и в меньшую сторону цену товара, сформированную продавцом (при этом «Вайлдберриз» делает это за свой счет и тратит на предоставление скидок (в случае уменьшения цены) собственные средства, продавец же получает денежные средства в объеме изначально сформированной цены).

По итогам каждой недели продавец в личном кабинете на платформе получает отчет о продажах товаров с полной детализацией. В отчете в числе прочего указывается информация о комиссии маркетплейса за продажу товаров и о штрафах (если они в течение отчетного периода были выставлены продавцу). Важно отметить, что комиссия маркетплейса и штрафы удерживаются из итоговой выручки продавца автоматически, в безакцептном порядке. Кроме того, из итоговой суммы, подлежащей выплате продавцу по итогам отчетного периода, удерживаются затраты площадки, понесенные в связи с исполнением поручения продавца (при этом в оферте не конкретизируется, что именно понимается под таковыми, а маркетплейс не обязан предоставлять продавцу документацию, подтверждающую несение им соответствующих расходов и их стоимостное выражение). Продавец в течение 5 дней со дня получения отчета может заявить в отношении него мотивированные возражения посредством функционала личного кабинета портала.

В контексте анализа порядка направления возражений посредством личного кабинета следует отметить, что зачастую при рассмотрении споров касательно факта направления того или иного юридически значимого сообщения маркетплейсом продавцу посредством личного кабинета суды исходят именно из наличия у продавца обязанности по регулярной проверке личного кабинета на платформе. Так, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Московской области, индивидуальному предпринимателю было отказано в оспаривании штрафа, выставленного ему ООО «Вайлдберриз», ввиду несвоевременного направления предпринимателем претензии. Суд установил, что ИП направил возражения относительно штрафа лишь спустя 2 месяца после выставления площадкой штрафа, при этом отдельно суд

отметил, что «доказательств, подтверждающих невозможность направления истцом возражений на отчет по обстоятельствам, не зависящим от него, равно как и подтверждающих отсутствие доступа в личный кабинет, продавец не предоставил»¹⁰.

Интересным представляется также положение указанного раздела оферты о том, что если «Вайлдберриз» усматривает в поведении продавца признаки возможной недобросовестности, при которой продавцом нарушаются условия договора или законодательство Российской Федерации, то маркетплейс имеет право приостановить выплаты продавцу на период проведения в отношении него проверки (но не больше чем на 21 день) с уведомлением о такой приостановке.

Выше нами уже было отмечено, что вознаграждение площадки, так же как и штрафы, наложенные площадкой на продавца, удерживаются из его выручки и отражаются в еженедельном отчете.

Здесь невозможно не упомянуть ту существенную часть оферты маркетплейса «Вайлдберриз», которая касается ответственности продавца и штрафов, подлежащих применению в случае нарушения условий договора.

С точки зрения юридической техники положения договора между продавцом и «Вайлдберриз», содержащие информацию о штрафах, расположены не в основном тексте договора, а в приложении № 1 — в правилах использования портала. Думается, что это сделано площадкой специально, чтобы усыпить бдительность продавца. Ведь не всякий продавец, присоединяющийся к оферте «Вайлдберриз» (тем более среднестатистический предприниматель, у которого может и не быть юриста в штате), будет тщательно анализировать оферту, пробираясь через ее витиеватые формулировки. Так или иначе, пункт 9.8.1 приложения № 1 к оферте содержит отсылку к отдельному приложению — «Перечень штрафов». В нем в табличном виде

представлены разновидности нарушений договора, за которые предусмотрена ответственность.

Даже при беглом взгляде на данный перечень штрафов возникает понимание несоразмерности многих из них последствиям допущенного продавцом нарушения, их хаотичности, несистемности. Нетипичный для стандартных условий и правил гражданского оборота размер штрафов позволяет площадке существенно приращивать свои доходы. Так, по данным отчета по российским стандартам бухучета головного юридического лица площадки ООО «Вайлдберриз», сумма, полученная компанией от штрафов, пеней и неустоек по договорам, за 2023 г. выросла в 37,5 раз — до 4,96 млрд руб. по сравнению с 132 млн руб. в 2022 г.¹¹

«Вайлдберриз», будучи, по сути, сильной стороной в гражданском обороте и одним из немногих источников сбыта товара, стартовой площадкой для небольших домохозяйств и предпринимателей, навязывает условия договора, на которые продавец не может повлиять.

При этом маркетплейс уполномочен на осуществление соответствующих действий. Так, в п. 7.1 рассматриваемой оферты указано, что «Вайлдберриз» имеет право менять оферту и любые ее части в одностороннем порядке. Маркетплейс сообщает об этом продавцу, направив уведомление в личный кабинет. Однако направление уведомления в личный кабинет не является обязанностью «Вайлдберриз». Несмотря на то что маркетплейс делает это, продавец обязан самостоятельно отслеживать актуальные версии оферты на сайте. Кроме того, как следует из п. 7.3 договора, уведомление о внесении изменений публикуется в виде новости с указанием на содержание изменений, текстом изменений или текстом договора. Если маркетплейс опубликовал изменения, считается, что он выполнил свои обязанности по информированию.

Продавец может принять или не принять изменения к оферте. Если не принял — изменен-

¹⁰ Решение Арбитражного суда Московской области от 15.09.2023 по делу № А41-60370/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.01.2025).

¹¹ Wildberries вложит более €100 млрд в строительство складов // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/04/2024/660d796d9a794749ddb7496d (дата обращения: 08.01.2025).

ные и добавленные пункты на него не распространяются. Однако существует оговорка о том, что данное правило действует лишь до момента первой после внесенных изменений к оферте осуществленной продавцом поставки на склад «Вайлдберриз». То есть, как только продавец первый раз после внесения в договор изменений поставит товар на склад маркетплейса, такие изменения считаются принятыми им в полном объеме (даже если ранее были отвергнуты).

«Озон»

Взаимодействие продавцов и площадки «Озон» также опосредуется договором. Однако, в отличие от платформы «Вайлдберриз», положения договора для продавцов товаров на платформе «Озон» сформулированы более четко и структурированно, а ресурс, на котором размещен договор, содержит пояснения к каждому пункту¹². Продавцу разъясняется смысл юридических формулировок и поясняется цель внедрения того или иного пункта, что делает чтение договора понятным для неюриста.

В предмет договора, заключаемого платформой «Озон» с продавцами, входят как действия, непосредственно связанные с реализацией товаров продавца на платформе, так и сопутствующие действия (услуги).

Например, в соответствии с п. 1.1 договора «Озон» обязуется:

- за вознаграждение совершать за счет продавца сделки, связанные с реализацией товаров продавца через платформу;
- за вознаграждение совершать за счет продавца сделки с третьими лицами, привлекаемыми для исполнения отдельных обязательств, связанных с реализацией товаров продавца через платформу;
- оказывать продавцу услуги в соответствии с приложениями к договору (а продавец обязуется оплачивать их).

При этом ко второй группе действий, входящих в предмет договора, относятся:

— предоставление продавцу возможности размещать предложения товаров на платформе, передача информации о заказах товаров продавца и информационное обслуживание клиентов;

— разработка, техническое обслуживание и администрирование личного кабинета продавца.

Отдельно оговаривается, что продавец поручает «Озону» заключать от имени «Озона» и за счет продавца договоры с третьими лицами на оказание услуги по организации приема платежей от клиентов (эквайринг).

Стоит отметить, что, в отличие от договора с продавцами товаров на площадке «Вайлдберриз», договор «Озона» содержит отдельный блок положений, касающийся его юридической квалификации. Так, в п. 1.2 договора указано: «К правоотношениям между Ozon и продавцом применяются положения ГК РФ о возмездном оказании услуг (гл. 39), об агентировании (гл. 52), о комиссии (гл. 51) — в случаях, предусмотренных в условиях продажи товаров и услуг юридическим лицам и в договоре, и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними. Договор является рамочным договором (ст. 429.1). Договор не является публичным (ст. 426)».

Договор с продавцом заключается путем направления «Озоном» текста договора (оферты) с уведомлением об активации и любыми последовавшими действиями продавца в личном кабинете по выполнению условий договора (акцепт) в течение 365 дней с даты активации (срок для акцепта). При этом важно, что если продавец пользуется личным кабинетом, но не активировал свою учетную запись, то он не считается акцептовавшим оферту. Договор между площадкой и продавцом признается заключенным в момент направления уведомления об активации. Договор считается заключенным на неопределенный срок — до направления одной из сторон уведомления о его расторжении.

Поскольку договор не является публичным, площадка вправе отказать продавцу в активации

¹² Договор для продавцов товаров на платформе Ozon // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon> (дата обращения: 08.01.2025).

его личного кабинета (то есть в заключении договора) ввиду наличия ошибки в предоставленных продавцом данных или непрохождения последним проверки службой безопасности площадки.

«Озон» оставляет за собой право в одностороннем порядке вносить изменения в договор. Каналами уведомления об изменениях являются личный кабинет продавца и электронная почта, указанная при регистрации на платформе. «Озон» обязан заранее, в установленные договором сроки, сообщать обо всех изменениях.

Так, за 7 календарных дней площадка обязуется сообщить об изменениях, касающихся уменьшения тарифов или обновления регламентов договора, а за 14 рабочих дней — обо всех других изменениях. При этом «Озон» оставляет за собой право за 1 календарный день сообщать об изменениях в списке запрещенных товаров (если это необходимо для защиты покупателей), об уменьшении размеров вознаграждения, об изменениях в услугах и технических возможностях «Озона» (если такие изменения не накладывают на продавцов дополнительных обязательств и не ведут к увеличению их расходов), а также о любых других изменениях, вызванных изменениями законодательства Российской Федерации.

На продавца возлагается обязательство регулярно проверять личный кабинет и электронную почту на предмет наличия уведомлений об изменениях. При этом продавец может в течение 7 календарных дней выразить свое несогласие с введенными «Озоном» новыми правилами и направить площадке уведомление о расторжении договора. Если такого уведомления не поступает, изменения считаются принятыми обеими сторонами и подлежат применению в правоотношениях между ними.

Что касается порядка расторжения договора между продавцом и «Озоном», то любая из сторон договора может расторгнуть его во внесудебном порядке путем направления соответствующего уведомления. При этом в зависимости от основания, по которому расторгается договор, выделяются следующие даты, с которых договор считается прекращенным:

1) при несогласии продавца с изменениями в договоре — день получения маркетплейсом

уведомления о расторжении договора от продавца;

2) при расторжении договора ввиду нарушений продавца — день направления «Озоном» уведомления продавцу;

3) в иных случаях — последний календарный день отчетного периода, следующего за отчетным периодом, в котором было направлено уведомление.

При этом договор предусматривает механизм защиты прав продавца в случае, если «Озон» несправедливо приостанавливает с ним отношения. Так, продавец вправе оспорить отказ маркетплейса от исполнения договора, предоставив доказательства отсутствия нарушений либо достоверности и полноты заверений и гарантий, а маркетплейс, в свою очередь, обязан рассмотреть такое заявление в течение 7 календарных дней. При этом во избежание злоупотребления продавцом права на оспаривание в случае, если маркетплейс предоставил мотивированный отказ в отношении заявления об оспаривании, маркетплейс вправе не рассматривать последующие заявления, поданные по тем же основаниям при отсутствии дополнительных доказательств и информации.

Вводная часть договора регламентирует также порядок привлечения третьих лиц к выполнению «Озоном» обязательств по договору, закрепляет пределы гражданско-правовой ответственности третьих лиц перед продавцами, момент перехода права собственности на товары, запрет на уступку продавцом прав и обязанностей по договору с «Озоном» и т.д.

Второй раздел договора охватывает вопросы продажи товара продавцом на «Озоне». Наиболее важные положения, содержащиеся в нем, следующие:

1. Продажа товаров на маркетплейсе осуществляется через личный кабинет продавца. Продавец обязан самостоятельно заполнять карточки товаров, а продаваемый товар должен соответствовать предъявляемым маркетплейсом требованиям (каждый товар проходит проверку модераторами и в случае несоответствия не будет допущен к продаже). Кроме того, не допускаются к продаже товары, ограниченные в обороте, изъятые из оборота или

не подпадающие под соответствующий пакет услуг.

2. Продавец вправе самостоятельно определять цену продажи своего товара и устанавливать те или иные акции, скидки в отношении него. Маркетплейс также может выступать инициатором скидок и акций, снижая стоимость, установленную продавцом.

3. Маркетплейс предоставляет продавцам возможность продавать продукцию на условиях беспроцентной рассрочки.

4. Единственным официальным каналом связи продавца с покупателями является личный кабинет продавца. С представителями «Озона» продавец может общаться посредством личного кабинета или с использованием электронной почты, указанной при заключении договора.

5. При изменении реквизитов юридического лица оба участника договора обязаны сообщить об этом в течение суток.

6. «Озон» оставляет за собой право отправлять клиентам рекламные буклеты с товарами иных продавцов-партнеров, в том числе других брендов и продавцов.

Следующий раздел договора посвящен порядку предоставления отчетности, перечисления денежных средств продавцу, выплаты вознаграждения продавцом маркетплейсу. Ключевыми его положениями являются следующие:

1. Продавец выплачивает интернет-площадке установленный процент от стоимости проданного товара, а также с него взимается плата за упаковку, маркировку, доставку и хранение товара (обязательный перечень услуг, предоставляемый маркетплейсом, от которого продавец по условиям договора не вправе отказаться и которые обязан оплачивать). Остальные платные услуги продавец оплачивает на основании отдельно выставленного счета.

2. К отчетным документам, оформляемым маркетплейсом, относятся: отчет о реализации товара, УПД 1 (универсальный передаточный документ 1) к отчету и УПД 1 на все услуги, кроме реализации. Они отправляются продавцу ежемесячно в течение 5 календарных дней с момента окончания отчетного периода).

3. Полученные документы продавец обязан подписать в течение 5 дней. Если это не произо-

шло, отчетная документация считается автоматически подписанной.

4. Денежные средства поступают на счет продавца два раза в месяц. До 25-го числа каждого месяца — то, что начислено согласно промежуточному отчету о продажах, спустя 10 дней — разница между суммами в промежуточном и основном отчетах.

5. Акт сверки взаиморасчетов за истекший квартал продавец получает ежемесячно, до 15-го числа месяца, следующего за кварталом. На его проверку и подписание продавцу дается 15 дней.

В части ответственности сторон по договору можно отметить следующие положения:

1. Если продавец понес расходы по вине маркетплейса, для возмещения потерь он должен подтвердить данные факты документально. Для этого в кратчайшие сроки оформляется претензия. Компенсация выплачивается при условии, что претензия отправлена в течение 30 дней. Кроме того, «Озон» сохраняет за собой право принимать участие в разборе ситуаций с материальными потерями продавцов по вине маркетплейса.

2. Если товар теряется, продавцу начисляется компенсация за него. При этом в случае, когда этот товар находится уже после выплаты продавцу компенсации, маркетплейс имеет право продавать его как собственный.

3. Договором устанавливается обязательный досудебный порядок урегулирования споров. Так, все споры в отношениях сторон решаются ими в течение 30 дней путем переговоров. Если урегулировать их не удастся, спор подлежит разрешению в Арбитражном суде города Москвы.

Выводы

Как следует из сравнения оферт двух крупнейших маркетплейсов, в целом во многом схемы их взаимодействия с продавцом и правовая регламентация такого взаимодействия сходны.

В целях начала продаж и на «Озоне», и на «Вайлдберриз» необходимо предоставить запрашиваемые маркетплейсом данные о юридическом лице — продавце, включая сканы учре-

дительных документов. Кроме того, и там и там от продавца потребуются сертификаты качества на товары, а также документация, разрешающая продавать продукцию с зарегистрированной торговой маркой.

И «Озон», и «Вайлдберриз» работают с ООО, ИП или АО. При этом «Вайлдберриз» работает также с самозанятыми. То есть физическое лицо без специального правового статуса (ИП или самозанятого) осуществлять деятельность по продаже товаров на маркетплейсах не сможет. В этой связи нельзя не вспомнить про справедливое утверждение А. В. Левушкина, который отмечал, что «индивидуальные предприниматели, самозанятые граждане и юридические лица обладают равными правами и являются одинаковыми участниками коммерческой деятельности в сфере онлайн-торговли»¹³.

На «Озоне» денежные средства выплачиваются продавцу 2 раза в месяц: 15-го и 25-го числа. Это не всегда удобно и может тормозить развитие бизнеса на маркетплейсе. На «Вайлдберриз» кассовый разрыв для продавца остается минимальным: выплаты денежных средств продавцу осуществляются каждый понедельник.

Таким образом, положения проанализированных в статье оферт крупнейших маркетплейсов — «Вайлдберриз» и «Озон» — не представляются однозначными. В целом это довольно содержательная, многоаспектная регламентация порядка взаимодействия продавца и площадки. При этом, однако, многие разделы содержат явный дисбаланс в пользу электронных площадок, что едва ли можно назвать справедливым по отношению к продавцам. Как обосновательно указывают в своем комплексном исследовании А. В. Савоськин и И. И. Фликов,

«на сегодняшний день законодательство Российской Федерации в части правового статуса владельцев агрегаторов не способствует здоровому развитию экономических отношений между субъектами предпринимательской деятельности, а по объему возможной ответственности отдает предпочтения новым участникам цифрового рынка, обладающим большей экономической мощью перед своими партнерами-продавцами»¹⁴.

В этой связи следует признать, что оферта не может служить универсальным способом регулирования взаимодействия между субъектами электронной торговли и что законодателью предстоит точечная, кропотливая работа по выработке взвешенного инструментария правового регулирования этой молодой отрасли российской экономики. Обоснованным видится предложение В. А. Аксенова и С. В. Одинцова, которые отмечают, что видят целесообразным принятие отдельного комплексного федерального закона, формулирование универсальных определений правовых явлений в рамках рассматриваемых правоотношений и максимальный уход от использования точечного регулирования в разрозненных нормативных актах¹⁵.

Представляется разумным обеспечить баланс публичных и частных интересов в сфере дистанционной торговли путем более детальной регламентации прав и обязанностей ее участников в законодательстве и подзаконных актах, четкого определения правового статуса интернет-магазинов, агрегаторов, маркетплейсов, урегулирования спорных вопросов взаимодействия потребителей, продавцов и посредников, совершенствования электронных механизмов защиты прав и разрешения споров.

¹³ Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1(8). С. 158–165.

¹⁴ Савоськин А. В., Фликов И. И. Ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителем по договору купли-продажи на маркетплейсе // Территория новых возможностей. 2023. № 3 (67).

¹⁵ Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2024. № 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». — 2024. — № 1. — С. 5–21.
2. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 17 (8). — С. 68–82.
3. Коваленко А. И. Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. — 2020. — Т. 14. — № 1 (77). — С. 18–36.
4. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 1 (8). — С. 158–165.
5. Савоськин А. В., Фликов И. И. Ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителем по договору купли-продажи на маркетплейсе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. — 2023. — Т. 15. — № 3. — С. 60–71.
6. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. — М. : Проспект, 2023.

Материал поступил в редакцию 8 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aksenov V. A., Odintsov S. V. Pravovaya priroda marketpleysov // Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki». — 2024. — № 1. — S. 5–21.
2. Belov V. A. Tsifrovoye posrednichestvo i potrebitelskie otnosheniya: pravovaya priroda i otvetstvennost // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 17 (8). — S. 68–82.
3. Kovalenko A. I. Setevoy effekt kak priznak dominiruyushchego polozheniya tsifrovyykh platform // Sovremennaya konkurentsia. — 2020. — T. 14. — № 1 (77). — S. 18–36.
4. Levushkin A. N. Obespechenie balansa interesov uchastnikov tsifrovogo trgovogo oborota // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2024. — № 1 (8). — S. 158–165.
5. Savoskin A. V., Flikov I. I. Otvetstvennost vladeltsa agregatora i prodavtsa pered potrebitelem po dogovoru kupli-prodazhi na marketpleyse // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2023. — T. 15. — № 3. — S. 60–71.
6. LegalTech v sfere predprinimatelskoy deyatel'nosti: monografiya / otv. red. I. V. Ershova, O. V. Sushkova. — M.: Prospekt, 2023.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110

Р. М. Кантемиров*

Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта

Аннотация. Генеративный искусственный интеллект (ИИ) продолжает развиваться и качественно, и количественно, открывая новые возможности для создания различных произведений, литературных текстов, изображений, музыкальных композиций и даже видеороликов. Предоставление доступа к этим творческим инструментам рождает новые правовые проблемы, связанные с авторско-правовой защитой произведений, созданных генеративным ИИ. Вопросы вызывает и распределение авторских прав между лицами, так или иначе причастными к созданию таких произведений, то есть в ситуациях соавторства. Необходимо четкое осмысление понятия «творчество» применительно к произведениям, созданным генеративным ИИ, а также анализ критериев соавторства пользователя и создателя нейросетей. В статье исследованы доктринальные и законодательные подходы к понятию «творчество»; обоснована позиция по поводу того, в каких случаях должна предоставляться авторско-правовая защита произведениям, созданным генеративным ИИ; рассмотрены варианты предоставления авторско-правовой защиты таким произведениям в зависимости от обстоятельств их создания; предпринята попытка определить, чем является именно генеративный ИИ в противовес общему, широкому понятию ИИ; приведены аргументы против признания ИИ автором произведения.

Ключевые слова: гражданское право; авторское право; интеллектуальное право; нейросети; генеративный ИИ; творчество; авторские парадигмы; соавторство; программы для ЭВМ; правосубъектность ИИ; ИИ-автор; соавторство с ИИ; частично генерирующие машины; критерии соавторства; развитие понятия «творчество»; ChatGPT.

Для цитирования: Кантемиров Р. М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 97–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110.

© Кантемиров Р. М., 2025

* Кантемиров Руслан Маратович, аспирант кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), юристконсульт ООО «Русэнергосбыт» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
kantemirov.ruslan99@gmail.com

Criteria for the Emergence of Co-Authorship in the Creation of Works Using Generative Artificial Intelligence

Ruslan M. Kantemirov, Postgraduate Student, Department of Intellectual Property Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Legal Counsel, Rusenergoby LLC, Moscow,
Russian Federation
kantemirov.ruslan99@gmail.com

Abstract. Generative artificial intelligence (AI) is developing both qualitatively and quantitatively, offering new opportunities for creating various works, literary texts, images, musical compositions and even videos. Providing access to these creative tools raises new legal issues related to copyright protection of works generated by AI. Questions also arise regarding the distribution of copyright between individuals who are one way or another involved in the creation of such works, that is, in situations of co-authorship. A clear understanding of the concept of «creativity» in relation to AI-generated works is necessary, along with an analysis of the criteria for co-authorship between users and AI developers. The paper examines doctrinal and legislative approaches to the concept of «creativity» and attempts to justify the circumstances under which copyright protection should be granted to AI-generated works. The author explores different scenarios for granting copyright protection depending on the circumstances of a work's creation. The author seeks to define what constitutes generative AI as opposed to the broader concept of artificial intelligence. In addressing this issue, the author also presents arguments against recognizing AI as an author of a work.

Keywords: civil law; copyright; intellectual property law; neural networks; generative AI; creativity; author's paradigms; co-authorship; computer programs; AI legal personality; AI author; co-authorship with AI; partially generative machines; co-authorship criteria; evolution of the concept of «creativity»; ChatGPT.

Cite as: Kantemirov RM. Criteria for the Emergence of Co-Authorship in the Creation of Works Using Generative Artificial Intelligence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):097-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110.

Введение

Искусственный интеллект (далее — ИИ) как концепция, как практическая область компьютерных наук и как вызов правовым нормам — явление далеко не новое. Появление его в различных областях жизни общества бросило вызов многим устоявшимся нормам, в том числе и нормам права.

Вместе с тем возникает множество вопросов, касающихся статуса результатов деятельности ИИ, и прежде всего систем генеративного ИИ. Особый интерес представляет распределение авторских прав сразу между несколькими лицами, то есть ситуация соавторства.

В данной статье мы постараемся разобрать ряд проблемных вопросов. Во-первых, укажем общие признаки генеративных нейросетей. Во-вторых, обсудим статус ИИ как автора произведения и его легальный статус в целом. Далее

применим основные элементы юридического состава соавторства к созданию произведений с использованием генеративного ИИ.

1. Генеративный искусственный интеллект и его авторство

1.1. Определение генеративного искусственного интеллекта

Важно отметить, что основным предметом рассмотрения в статье является именно генеративный ИИ. Искусственный интеллект в целом — понятие более широкое, к тому же не имеющее однозначного определения ни легального порядка, ни иного (в других дисциплинах). Так, согласно пп. 2 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий

для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹ ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». Американский законодатель в National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 определил ИИ как «компьютерную систему, которая может для достижения заданного набора целей, определенных человеком, делать прогнозы, рекомендации или принимать решения, влияющие на реальную или виртуальную среду»². Но в рамках статьи объектом нашего исследования будет именно генеративный ИИ. Его мы определяем по следующим признакам:

- 1) является программным кодом;
- 2) генерирует тексты, видео, музыку, программный код и иную информацию;
- 3) использует генеративные модели;
- 4) для своей работы требует от пользователя более сложных команд, чем просто команда включения/выключения, но пользователь не обладает полным контролем за действиями программы.

Признаки 1, 2 и 4 не нуждаются в глубоком разборе, однако признак 3 требует некоторых пояснений.

Генеративный ИИ базируется на т.н. генеративной модели, основной принцип ее работы — самообучение и создание контента (текста,

музыки, изображения) в ответ на запрос пользователя³. Генеративная модель представляет собой, по сути, формулу, по которой производится отбор, подбор и воспроизведение данных в ответ на запрос пользователя.

Генеративный ИИ не обладает сознанием, чувствами, эмоциями, мнением или иными атрибутами человека, это огромная и сложная сортировальная машина для обработки информации и предоставления того, что с наибольшей вероятностью хочет получить от нее пользователь.

1.2. Искусственный интеллект как автор произведения

Вопрос об авторстве ИИ (возможности ИИ обладать правами автора, интеллектуальными правами в целом) уже некоторое время обсуждается на страницах юридической научной литературы. П. М. Морхат написал докторскую диссертацию, посвященную этой теме⁴. В ней он представил несколько вариантов распределения интеллектуальных прав на произведения, созданные с помощью ИИ: машиноцентричный концепт (ИИ полностью будет носителем интеллектуальных прав на произведения, что в целом говорит о правоспособности ИИ при таком концепте), концепт гибридного авторства (соавторство ИИ и человека), антропоцентричный концепт (ИИ лишь инструмент в руках человека и не обладает правосубъектностью) и некоторые иные. Подобный концепт вариантов распределения авторских прав предлагает и В. С. Витко⁵, тем не менее ограничиваясь лишь тремя: авторство человека, авторство ИИ и отсутствие автора в принципе.

В опубликованных в последние годы трудах изложены весьма разнообразные позиции. По

¹ СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

² National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 // URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text#toc-H41B3DA72782B491EA6B81C74BB00E5C0> (дата обращения: 01.09.2024).

³ What is generative AI? // IBM. 22 March 2024. URL: <https://www.ibm.com/topics/generative-ai> 8 (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2018.

⁵ Витко В. С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–20.

нашим наблюдениям, превалирующий подход к вопросу потенциального авторства ИИ — отрицание наличия у него каких бы то ни было авторских прав.

Н. М. Голованов утверждает, что ИИ лишен чувств и эмоций, что не позволяет ему творить, а значит, и быть автором⁶. М. Н. Комашко указывает на то, что объект авторского права появляется именно путем признания автором факта создания произведения, субъективного восприятия автора, что невозможно в случае ИИ⁷.

В ходе изучения работ по этой теме нам стала видна некоторая проблема с линией аргументации многих авторов. Высказываясь об ИИ как об авторе, некоторые ученые, во-первых, излишне обобщают понятие ИИ (не давая определения тому, какие именно машины-программы они считают ИИ, или не уточняя характеристики того типа ИИ, который занимается созданием различных произведений), а во-вторых, рассуждают в основном об общей правосубъектности ИИ (признают общую возможность ИИ иметь права и обязанности, но не говорят или мало говорят об ИИ именно как об авторе, о возможности признания его автором с точки зрения классических постулатов авторского права).

Мы не будем углубляться в дискуссию об авторских правах ИИ, так как настоящее исследование имеет другой предмет. Всё же нельзя не отметить, что мы полностью согласны с тезисом об отсутствии у генеративных ИИ любых авторских прав. Во-первых, как у ИИ в целом, так и у генеративных ИИ в частности отсутствует правосубъектность. По крайней мере в российском правовом порядке. Соответственно, никаких прав, включая авторские, он иметь не может, а значит, не может и быть автором (в конечном итоге статус автора произведения можно свести к ряду определенных прав автора). Во-вторых,

работу генеративного ИИ нельзя охарактеризовать как творческую. Существуют различные критерии творчества, но все они проистекают из того, что творческую деятельность может осуществлять только человек. В-третьих, наделение генеративного ИИ авторскими правами не отвечает моральным основаниям авторского права. Сама идея защиты творчества различных лиц, наделения их авторскими привилегиями базируется на утверждении, что творчество автора-человека нуждается в защите от своевольного копирования и что труд автора-человека должен быть материально вознагражден. Наделение ИИ статусом автора не соответствует этой идее, следовательно, может подорвать уважение общества к авторскому праву в целом. Всё вышесказанное, по нашему мнению, делает нецелесообразным дальнейшее обсуждение авторских прав генеративного ИИ и позволяет обратиться к дискуссии в другое русло — к вопросу наличия (или отсутствия) авторских прав у пользователя программы, ее создателя или даже ситуации их соавторства.

2. Соавторство при использовании генеративного искусственного интеллекта

2.1. Критерии соавторства

Согласно ст. 1258 ГК РФ граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение.

Ученые-цивилисты выделяют⁸ четыре элемента, необходимых для возникновения соавторства:

- 1) создание единого произведения;

⁶ Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 9 (21). С. 26.

⁷ Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3. С. 106.

⁸ Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право : монография. М. : Юридическая литература, 1957. С. 66 ; Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. М., 2003. С. 173–175 ; Гришаев С. П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности // СПС «КонсультантПлюс», 2011 (дата обращения: 01.08.2024).

- 2) совместный творческий труд соавторов;
- 3) творческий характер труда;
- 4) соглашение о соавторстве.

Мы рассмотрим каждый из этих элементов соавторства, кроме соглашения о соавторстве, поскольку полагаем, что оно имеет малую релевантность по отношению к проблематике «генеративного» соавторства.

В ходе совместной работы должно быть создано единое творческое произведение. Единое произведение должно быть создано и при делимом, и при неделимом соавторстве. Под неделимым соавторством Гражданский кодекс РФ понимает ситуации, когда получившееся произведение нельзя разделить на части, имеющие самостоятельное значение, а также своего отдельного автора (п. 2 ст. 1258). С этой точки зрения любой результат интеллектуальной деятельности (РИД), созданный с помощью генеративной нейросети, является неделимым, а значит, образующим неделимое соавторство (при условии соблюдения остальных критериев). В качестве причины этого можно указать, в частности, невозможность выделения конкретного автора у слов и музыки отдельно в какой-либо песне, созданной генеративным ИИ. Аналогичная ситуация складывается при создании любых других произведений.

Второй критерий возникновения соавторства — совместность творческого процесса. Под совместностью понимается в первую очередь общность труда в смысле единой поставленной цели. Не требуется, чтобы соавторы работали над произведением одновременно или находясь в одном месте. Подобные критерии отмечал С. П. Гришаев⁹. Об отсутствии необходимости осуществления работы в одно время писал еще В. И. Серебровский¹⁰.

Использование генеративных нейросетей ставит перед российским авторским правом непростую задачу. Создатель машины и ее пользователь могут не знать друг о друге. Говорить о *совместности* творческого труда создателя и пользователя в таком случае можно лишь весьма условно. Это не отменяет возможности

возникновения соавторства. Речь идет лишь о пересмотре нашего классического представления о том, что соавторы в ходе осуществления совместной творческой деятельности обычно знают друг друга и имеют представление о том, что каждый из них делает в процессе творчества. Тем более такая проблема отсутствует, когда создатель машины и пользователь всё же могут в каких-то случаях знать друг о друге (например, если программа, которая помогает создавать творческий объект, пишется под конкретный заказ).

Наиболее важный элемент соавторства — творческий характер труда каждого из соавторов. Причина такой важности заключается в том, что именно творческий характер труда позволяет отделить просто какой-либо вклад лица в произведение от именно творческого вклада и тем самым ответить на вопрос, может ли лицо, которое внесло какой-либо вклад в произведение, на основе этого претендовать на статус соавтора. Мы подошли к основному вопросу соавторства: в каком случае лицо, сделавшее что-либо для создания произведения, может иметь правовой статус соавтора?

Эти критерии творчества, а вернее основные правила определения элемента творчества в процессе создания РИД, условно можно назвать авторскими парадигмами.

Следует поставить три вопроса:

- 1) Какие авторские парадигмы вообще существуют?
- 2) Какая авторская парадигма является главенствующей в России?
- 3) Какая авторская парадигма лучше всего отвечает на вопрос о возникновении соавторства при использовании нейросетей?

2.2. Типы авторских парадигм

Первоначально законодатель ограничивался лишь простым перечислением типов произведений (литературы, музыки, изобразительных искусств) в качестве объектов авторско-правовой защиты и не утруждал себя теоретической разработкой понятий более абстрактного харак-

⁹ Гришаев С. П. Указ. соч.

¹⁰ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права : монография. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 66.

тера (например, «произведение»), так как оно казалось интуитивно понятным и не требующим дальнейшего уточнения, что дает возможность называть эту парадигму парадигмой *простого перечисления*¹¹. Для нее характерна обратная причинная связь: произведение защищалось не потому, что оно было творческим, а потому, что его защита предписывалась законом¹².

Рудименты этой парадигмы остались и в настоящее время. Так, статья 1259 ГК РФ содержит перечень объектов авторских прав («произведения науки, литературы и искусства») и их конкретные примеры.

С развитием доктрины авторского права появилась парадигма охраняемой *формы* и неохраняемого *содержания*.

Впервые данную идею выдвинул И. Фихте, немецкий философ¹³. В дальнейшем парадигма *формы* и *содержания* была развита немецким ученым Й. Колером, который выделил дополнительно так называемые внешнюю и внутреннюю формы произведения: под внешней формой он понимал совокупность звуков, букв, образов и т.п. (например, то, как читатель видит книгу), а под внутренней — совокупность образов, ритмов, образное содержание произведения¹⁴. Это была попытка отделить ситуации копирования непосредственно текста произведения (иного внешнего выражения произведения) от ситуаций копирования более образных и абстрактных его элементов (сюжетных ходов, общей композиции).

Следующим этапом развития авторских парадигм стало появление парадигм *субъективного* и *объективного* творчества.

Согласно субъективной теории творчества, поскольку общая необходимость предоставления авторско-правовой охраны происходит из необходимости охраны личности автора, правопорядок должен определять наличие или отсутствие творчества исходя из наличия индивидуальности в нем¹⁵. Зачастую субъективный критерий творчества определялся через понятие «оригинальность»¹⁶, а критерием наличия творческого вклада служило «отражение личности автора»¹⁷ в произведении.

Объективный подход к творчеству строится на сравнении РИД, претендующего на авторско-правовую охрану, с другими аналогичными произведениями. Главный критерий при таком подходе — новизна произведения, его непохожесть на уже существующие. Данный подход встретил критику. В частности, говорилось о риске защиты интеллектуального результата, хотя и объективно нового, но созданного механически, или же смешения принципов защиты объектов авторского права и патентного¹⁸.

Дальнейшие научные изыскания привели к созданию единой теории *уникальной неповторимости*, которая была попыткой вобрать в себя лучшие элементы всех предыдущих концепций¹⁹.

Уникальная неповторимость произведения означает невозможность его независимого повторения в пределах какой-либо сферы деятельности. Этот критерий, с одной стороны, подразумевает выражение личности автора, его стиля, но, с другой стороны, требует сравнения с иными произведениями. По сути, как указывает А. В. Кашанин²⁰, это некоторая доработка

¹¹ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 83.

¹² Rigamonti C. P. Geistiges Eigentum als Begriff und Theorie des Urheberrechts. Baden-Baden, 2001. S. 12 ff.

¹³ Привод. по: Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения...

¹⁴ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 84.

¹⁵ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 96.

¹⁶ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 97.

¹⁷ Привод. по: Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 96.

¹⁸ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 98.

¹⁹ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 113.

²⁰ Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения... С. 113–115.

парадигмы субъективного и объективного творчества, но в рамках одного единого критерия.

Важно отметить, что парадигмы *субъективного творчества*, *объективного творчества* и тем более *уникальной неповторимости* друг другу не противоречат. Они лишь предлагают разную перспективу в решении вопроса о том, на что именно стоит обращать внимание при оценке наличия *творчества*: на автора, на само произведение или на то и другое. В большинстве случаев вывод о наличии или отсутствии элемента творчества будет совпадать при применении любой из вышеперечисленных парадигм.

Рассмотрев несколько возможных вариантов определения категории «творчество» в контексте авторских парадигм, мы можем обратиться к тому, как этот вопрос освещается в цивилистической доктрине.

В. С. Витко констатирует, что в российской доктрине существует два понятия оригинальности: объективная и субъективная²¹. Объективная оригинальность относится к результату творчества, субъективная же — к самому процессу создания произведения.

В. А. Дозорцев считал творчество выражением личности автора²². На основании этого мы можем говорить, что он склонялся к субъективной парадигме творчества.

Согласно В. Я. Ионасу, «правовым критерием для отграничения авторской деятельности в литературе, науке, искусстве и технике от смежных видов интеллектуальной работы является аналитико-синтетический характер умственной деятельности, имеющий своим результа-

том создание новых идей, образов, понятий, суждений, силлогизмов или новой комбинации известных идей, образов, понятий»²³. Новизна может выступать безусловным критерием произведения, причем ученый, рассуждая о ней, отделяет ее от общего понятия творчества²⁴. Мы не утверждаем, но можем предположить, что В. Я. Ионас занимал комбинированную субъективно-объективную позицию в вопросе определения понятия «творчество».

А. Ю. Копылов указывает²⁵ на необходимость придерживаться комплексного (объективно-субъективного) подхода к определению творчества.

Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц делали акцент на разнице между элементами формы и содержания произведения, рассуждая о том, чему нужно давать авторско-правовую защиту²⁶. Из этого следует, что они придерживались парадигмы формы и содержания.

О. В. Исаева считает, что критерием творчества в авторском праве должна служить оригинальность, которую она определяет как характеристику произведения, достигнутую за счет проявления автором своих способностей и отражающую личность автора в произведении²⁷.

В. И. Серебровский прямо не формулировал критерии творчества, но косвенно указывал на важность учета и субъективных, и объективных факторов, что позволяет нам отнести его к сторонникам парадигмы объективно-субъективного творчества: «Вместе с тем не следует забывать, что творчество автора всегда в той или иной мере связано с идеями и трудами его предшественников. Но в одних случаях автор

²¹ Витко В. С. О признаках произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 12. С. 12–25.

²² Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003. С. 283.

²³ Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике : монография / М. : Юридическая литература, 1963. С. 20.

²⁴ Ионас В. Я. Указ. соч. С. 99–100.

²⁵ Копылов А. Ю. Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторского права // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10. С. 110.

²⁶ Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 85.

²⁷ Исаева В. О. Оригинальность произведения как критерий охраноспособности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 44. № 1. С. 65.

проявляет в своем творчестве значительную индивидуальность, своеобразие, в связи с чем даже в случае заимствования им темы или сюжета результат его труда приобретает характер вполне самостоятельного оригинального произведения»²⁸.

А. В. Кашанин, по нашему мнению, является сторонником комплексного субъективно-объективного подхода к определению авторства. Он пишет²⁹ о том, что, по сути, определение творчества в произведении может осуществляться по «отрицательному критерию», с помощью ряда вспомогательных юридических теорий. Так, согласно теории объема возможностей автора по созданию произведения в индивидуальной (оригинальной) форме, существуют факторы, исключающие возможность автора проявить свою индивидуальность в произведении, например крайне детализированное служебное задание или отсутствие возможности изменять элементы произведения в рамках компьютерной программы.

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что в российской доктрине отсутствует какой-либо консенсус по вопросу о том, какую авторскую парадигму необходимо использовать для определения понятия «творчество». Авторы зачастую либо фактически применяют несколько парадигм одновременно, либо излагают свое понимание творчества таким образом, что их нельзя определенно отнести ни к одной. Понятия «оригинальность», «новизна», «уникальность», «творчество» не имеют однозначного определения.

2.3. Авторские парадигмы в нормах позитивного права и практике российских судов

Легального определения понятий «творчество» или «произведение» российский Гражданский кодекс не содержит. Однако есть нормы, позволяющие косвенно воспроизвести содержание этих понятий.

В статье 1257 говорится, что автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Стоит отметить, что указание на процесс создания произведения, на характеристику труда автора (который должен быть творческим), а не на свойства самого произведения несколько сближает легальные формулировки Кодекса с субъективной парадигмой авторства.

Согласно ст. 1259 объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. Здесь также довольно ярко видны намеки на субъективную концепцию авторства, потому что *достоинства* любого произведения невозможно оценивать в вакууме, а только в сравнении с аналогичными произведениями.

В п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁰ высказываются важные позиции по вопросу критериев творчества.

Во-первых, говорится, что перечень объектов авторского права, содержащийся в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, не является исчерпывающим. Это в любом случае следует из данной статьи, в которой помимо прямо перечисленных произведений есть и «другие произведения», но Верховный Суд хотел еще раз подчеркнуть этот аспект. Это исключает приверженность российского порядка парадигме простого перечисления, хотя и не полностью, поскольку всё же некоторые виды произведений в п. 1 ст. 1259 поименованы.

Во-вторых, устанавливается презумпция того, что РИД презюмируется созданным творческим трудом.

В-третьих, высказывается крайне важное соображение, исходя из которого само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности РИД не может свидетельствовать

²⁸ Серебровский В. И. Указ. соч. С. 35.

²⁹ Кашанин А. В. Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 2. С. 68–138.

³⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права. Традиционно слово «новизна» употребляется в контексте объективного критерия творчества, из чего вытекает, что Суд, вероятно, полагал что данный критерий неприменим к авторскому праву. В отношении уникальности также сложно установить, что именно имел в виду Верховный Суд. Мы можем лишь предположить, что под уникальностью подразумевалась существенная отличимость произведения от других. Сложнее всего разобраться в том, что в постановлении понимается под оригинальностью. Тот же В. С. Витко выделяет два вида оригинальности: субъективную и объективную. По мнению С. В. Михайлова³¹, «оригинальность» и «творчество» — это синонимы. Говорить о какой-либо определенности в содержании любого из упомянутых в п. 80 понятий не приходится, по крайней мере в доктрине.

Возможным объяснением может быть желание Верховного Суда исключить проверку судами критериев творчества вообще, фактически принуждая суды использовать парадигму простого перечисления. Как видим, абстрактные разъяснения Верховного Суда не дают уверенного

ответа на вопрос, как определяются критерии творчества согласно российскому праву.

Судебная практика не так часто сталкивается с проблемой определения критериев творчества, хотя некоторые дела могут пролить свет на то, как суды решают вопрос наделения РИД статусом произведения. Вместе с тем отмечалось³², что, с одной стороны, судебная практика не применяла абстрактно-теоретическую аргументацию в вопросе критериев творчества, но, с другой стороны, столкнувшись с практическими проблемами, была вынуждена формировать взвешенные позиции по ряду вопросов. Нижеприведенная практика во многом подобрана А. В. Кашаниным³³, за что мы выражаем ему благодарность.

Господствующей парадигмой в судебной практике может выступить парадигма простого перечисления. Суды просто со ссылкой на ст. 1259 ГК РФ говорят³⁴, что конкретный РИД является объектом авторского права, так как содержится в этой статье.

Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП) достаточно последовательно отстаивает³⁵ воззрение о том, что новизна, оригинальность и уникальность не могут быть критериями творчества³⁶.

³¹ Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 10. С. 11.

³² Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 7. С. 74–83.

³³ Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике. С. 74–83.

³⁴ Определение ВАС РФ от 14.09.2012 № ВАС-8654/12 по делу № А32-29617/2011 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2016 № С01-1255/2015 по делу № А63-1829/2015; постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.12.2015 № С01-1076/2015 по делу № А51-5983/2015; постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.01.2016 № С01-1122/2015 по делу № А19-18151/2014.

³⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.08.2015 № С01-239/2014 по делу № А40-15537/2012; постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2016 № С01-1286/2014 по делу № А40-169281/2013.

³⁶ Положение об этом впервые появилось не в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», а в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ от 26.03.2009 № 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», которое слово в слово копирует более новое.

Это приводит к существенному снижению минимальных требований к творчеству в произведениях. А. В. Кашанин отмечал³⁷: «Таким образом, анализ практики СИП позволяет сделать вывод об использовании модели, максимально приближенной к теории презентации (по нашему мнению, здесь А. В. Кашанин имеет в виду парадигму простого перечисления. — Р. К.). Фактически признается охраноспособность практически любого результата, относящегося к перечисленным в ч. 1 ст. 1259 ГК РФ видам охраноспособных произведений, впервые выпущенного в свет под именем определенного автора, независимо от предшествующей известности таких объектов и использования в них неуникальных и доступных для независимого создания элементов».

В сложившейся ситуации СИП иногда был вынужден отступать от правил, установленных постановлением Пленума, о неприятии оригинальности, уникальности и новизны как критериев творчества. Например, в одном из постановлений СИП³⁸ мы можем встретить следующее утверждение: «...Чтобы получить правовую охрану, созданное произведение должно быть творческим, то есть оригинальным (уникальным)». В ином деле СИП указал³⁹, что «основной критерий, отличающий творчество от изготовления (производства), — уникальность его результата».

Можно резюмировать, что, во-первых, в некоторых случаях даже СИП вынужден отступать от положений Пленума о недопустимости оценки произведений с точки зрения оригинальности, а во-вторых, российская судебная практика не придерживается какой-либо определенной авторской парадигмы.

2.4. Авторские парадигмы в вопросах соавторства при использовании генеративного искусственного интеллекта

Приступая к рассмотрению авторских парадигм при соавторстве с использованием генеративного ИИ, выделим два главных вопроса:

- 1) Какая авторская парадигма лучше всего отвечает на вопрос о существовании или несуществовании *произведения* (объекта авторских прав) в целом при использовании нейросетей?
- 2) Какая авторская парадигма лучше всего отвечает на вопрос о возникновении соавторства при использовании нейросетей?

Считаем, что постановка этих вопросов *de lege ferenda* позволительна, так как нами было выяснено выше, что российский правовой порядок (выраженный в том числе в практике судов) не следует четко какой-либо из парадигм, а использует разные в разных ситуациях.

В контексте проблемы существования произведений, созданных ИИ, как объектов авторского права абсолютно неподходящей выглядит парадигма простого перечисления. Парадигма простого перечисления никак не оценивает главную порочность созданного нейросетью РИД, заключенную в машинном процессе создания РИД и сомнительном количестве творческих сил, вложенных лицом (пользователем или создателем машины) в создание конкретного РИД.

По этой же причине парадигма формы и содержания не является подходящей, потому что не позволяет оценить главные проблемные точки, связанные с процессом создания такого РИД.

Одним из наиболее перспективных решений этого вопроса будет использование парадигмы субъективного творчества, объективного творчества или уникальной неповторимости по следующей причине. Существенный вызов для авторско-правовой охраны произведений в России — «затопление» списка охраняемых объек-

³⁷ Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике. С. 78.

³⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.11.2013 № С01-162/2013 по делу № А73-14263/2012.

³⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.08.2014 № С01-543/2014 по делу № А12-18806/2013.

тов произведениями с невысокой творческой составляющей (с обыденной точки зрения), что может случиться при массовом использовании генеративных нейросетей. В немецкой доктрине эта проблема получила название проблемы *мелкой монеты*⁴⁰ (*kleine Münze*). В начале XX в. впервые этот термин употребил⁴¹ А. Эльстер, говоря о произведениях, творческий уровень которых едва превышает минимальный порог охраны.

При всей неоднозначности и спекулятивности понятий «творческий уровень» или «минимальный порог охраны» нельзя не отметить, что эта концепция подсвечивает важную проблему, а именно проблему предоставления авторско-правовой охраны большому количеству типичных и похожих друг на друга произведений. Это способно вызывать проблемы, связанные не только с моральным обоснованием авторского права (защита труда автора, его талантов), но и с монополизацией общедоступных паттернов для создания РИД.

Ввиду вышесказанного правовому порядку (судебной практике) следует использовать парадигмы, которые позволяют либо оценить непосредственно действия пользователя/создателя машины для создания конкретного РИД (субъективный критерий творчества), либо сравнить получившийся результат генерации нейросети, РИД, созданный машиной, с другими, уже существующими произведениями или с другими РИД, созданными этой же машиной (объективный критерий творчества). То есть вышеназванные парадигмы. Это позволит эффективно определять произведения с минимальным творческим вкладом (а значит, существенную часть РИД, созданных ИИ) и не предоставлять им защиту.

В вопросе о наилучшей парадигме для определения соавторства при использовании генеративных нейросетей единственной альтернативой может выступить субъективная парадигма (или же парадигма уникальной неповторимости). Ни одна из других вышеупомянутых пара-

дигм не учитывает отдельно именно непосредственный труд соавторов, не дает оценки этому труду. Правовому порядку (судебной практике) придется на основе выработанных им критериев определить, является ли труд пользователя или создателя машины достаточно *творческим*, чтобы предоставить им статус соавторов или даже статус самостоятельных авторов получившегося произведения.

Таким образом, необходимо измерять индивидуальный творческий вклад пользователя генеративного ИИ и ее создателя при создании каждого отдельного РИД нейросетью. Со стороны пользователя критериями оценки могут быть степень контроля пользователя за генеративным ИИ, количество настроек под его контролем, возможность пользователя влиять на результат. В современных генеративных ИИ это достигается обеспечением возможности дать текстовую команду машине или же использованием более конкретных настроек (кнопок), определяющих характеристики будущего РИД. Такая степень контроля также является отражением теории *обстоятельств, исключающих творчество*, как части парадигмы уникальной неповторимости.

Сложнее решается проблема определения индивидуального вклада создателя машины. Его возможность заранее задавать и устанавливать характеристики будущего РИД ставит под вопрос такую возможность пользователя машины. Для признания творческого вклада в создание конкретного РИД достаточным необходимо, чтобы создатель машины имел некоторое представление о том, что именно сгенерирует машина, и мог контролировать характеристики будущего РИД. Но чем больше контроля за характеристиками произведения у создателя машины, тем меньше его будет у пользователя. В этой связи ситуации соавторства между ними будут достаточно уникальными и требующими определенного баланса контроля между пользователем и создателем машины.

⁴⁰ Это эвфемизм, который обозначает, что под защитой закона должны быть в том числе и произведения с самыми минимальным творческим вкладом, ценность которого не выше мелкой монеты (иначе говоря, копейки).

⁴¹ Elster A. Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. Berlin, 1921.

Заключение

1. Генеративные нейросети — логические алгоритмы, целью которых выступает предоставление информации, которая с наибольшей вероятностью нужна пользователю. Рассмотрение проблематики распределения авторских прав при использовании генеративных сетей через общее понятие «ИИ» нежелательно, поскольку это понятие не до конца определенное и слишком общее.

2. Нейросети (ИИ) не могут быть признаны авторами произведений. Это невозможно по причине того, что ИИ неправосубъектен, а значит, не может обладать никакими правами автора. Он не в состоянии осуществлять творческие действия, а признание его автором подрывает моральные основания авторского права.

3. Соавторство может быть установлено не во всех случаях использования генеративных нейросетей и возможно только между пользователем и создателем таких нейросетей.

4. Для ответа на вопрос о том, был ли создан при использовании генеративных ИИ охраняемый объект авторских прав, следует придерживаться авторской парадигмы уникальной неповторимости. Эта парадигма не позволит предоставлять авторско-правовую охрану типичным произведениям, защитит правопорядок от возможной монополизации устоявшихся элементов других произведений и предотвратит «затопление» списка охраняемых объектов огромным количеством произведений, похожих друг на друга.

5. При исследовании вопроса о возникновении соавторства между создателем ИИ и пользователем целесообразно обратиться к парадигме субъективных критериев творчества или уникальной неповторимости. Только эти парадигмы предполагают оценку труда потенциальных соавторов (меру приложенных ими усилий для создания конкретного произведения с помощью генеративной нейросети) и определение степени контроля потенциальных соавторов за характеристиками будущего произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право : монография. — М. : Юридическая литература, 1957. — 278 с.
2. Витко В. С. О признаках произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 12. — С. 12–25.
3. Витко В. С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–20.
4. Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 1. — № 9 (21). — С. 23–29.
5. Гордон М. В. Советское авторское право. — М. : Госюриздат, 1955. — 232 с.
6. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М. : Статут, 2003. — 225 с.
7. Исаева В. О. Оригинальность произведения как критерий охраноспособности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2023. — Т. 44. — № 1. — С. 61–67.
8. Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 7. — С. 74–83.
9. Кашанин А. В. Развитие учения о форме и содержании произведения в доктрине авторского права. Проблема охраноспособности содержания научных произведений // Вестник гражданского права. — 2010. — Т. 10. — № 2. — С. 68–138.
10. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — С. 75–119.

11. *Комашко М. Н.* Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 42. — № 3. — С. 98–107.
12. *Копылов А. Ю.* Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторского права // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. — № 10. — С. 106–112.
13. *Ионас В. Я.* Критерий творчества в авторском праве и судебной практике : монография. — М. : Юридическая литература, 1963. — 138 с.
14. *Михайлов С. В.* Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 10. — С. 9–25.
15. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.
16. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. — М., 2003. — 752 с.
17. *Серебровский В. И.* Вопросы советского авторского права : монография. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — 283 с.
18. *Bettinger T.* Der Werkbegriff im spanischen und deutschen Urheberrecht. — München, 2001.
19. *Elster A.* Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. — Berlin, 1921.
20. *Fichte J.* Beweis der Unrechtmäßigkeit des Buchernachdrucks (1791) // Berliner Monatsschrift 21 (1793). — S. 443–483.
21. *Ginsburg J. C., Budiardjo L. A.* Authors and Machines // Columbia Public Law Research Paper No. 14-597 ; Berkeley Technology Law Journal. — 2019. — Vol. 34. — No. 2. — P. 343–448.
22. *Rigamonti C. P.* Geistiges Eigentum als Begriff und Theorie des Urheberrechts. — Baden-Baden, 2001.
23. *Ulmer E.* Urheber- und Verlagsrecht. — Berlin ; Gottingen ; Heidelberg, 1960.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antimonov B. S., Fleyshits E. A. Avtorskoe pravo: monografiya. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1957. — 278 s.
2. Vitko V. S. O priznakakh proizvedeniya // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2016. — № 12. — S. 12–25.
3. Vitko V. C. Analiz nauchnykh predstavleniy ob avtore i pravakh na rezultaty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 2. — S. 5–20.
4. Golovanov N. M. Problemy pravosubektnosti iskusstvennogo intellekta // Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnosheniy. — 2022. — Т. 1. — № 9 (21). — S. 23–29.
5. Gordon M. V. Sovetskoe avtorskoe pravo. — M.: Gosyurizdat, 1955. — 232 s.
6. Dozortsev V. A. Intellektualnye prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sbornik statey. — M.: Statut, 2003. — 225 s.
7. Isaeva V. O. Originalnost proizvedeniya kak kriteriy okhranosposobnosti // Trudy po intellektualnoy sobstvennosti (Works on Intellectual Property). — 2023. — Т. 44. — № 1. — S. 61–67.
8. Kashanin A. V. Aktualnye trebovaniya k tvorcheskomu kharakteru proizvedeniy v rossiyskoy doktrine i sudebnoy praktike // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 7. — S. 74–83.
9. Kashanin A. V. Razvitie ucheniya o forme i soderzhanii proizvedeniya v doktrine avtorskogo prava. Problema okhranosposobnosti soderzhaniya nauchnykh proizvedeniy // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2010. — Т. 10. — № 2. — S. 68–138.
10. Kashanin A. V. Tvorcheskoy kharakter kak uslovie okhranosposobnosti proizvedeniya v rossiyskom i inostrannom avtorskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2007. — № 2. — S. 75–119.

11. Komashko M. N. Institut avtorstva i iskusstvennyy intellekt // Trudy po intellektualnoy sobstvennosti. — 2022. — T. 42. — № 3. — S. 98–107.
12. Kopylov A. Yu. Osnovnye kvalifikatsionnye priznaki proizvedeniya kak obekta avtorskogo prava // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2019. — T. 9. — № 10. — S. 106–112.
13. Ionas V. Ya. Kriteriy tvorchestva v avtorskom prave i sudebnoy praktike: monografiya. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1963. — 138 s.
14. Mikhaylov S. V. Prezumpsiya tvorcheskogo kharaktera (originalnosti) obektov avtorskikh prav // Lex russica. — 2021. — T. 74. — № 10. — S. 9–25.
15. Morkhat P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2018. — 420 s.
16. Sergeev A. P. Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — M., 2003. — 752 s.
17. Serebrovskiy V. I. Voprosy sovetskogo avtorskogo prava: monografiya. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. — 283 s.
18. Bettinger T. Der Werkbegriff im spanischen und deutschen Urheberrecht. — Munchen, 2001.
19. Elster A. Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. — Berlin, 1921.
20. Fichte J. Beweis der Unrechtmabigkeit des Buchernachdrucks (1791) // Berliner Monatsschrift 21 (1793). — S. 443–483.
21. Ginsburg J. C., Budiardjo L. A. Authors and Machines // Columbia Public Law Research Paper No. 14-597; Berkeley Technology Law Journal. — 2019. — Vol. 34. — No. 2. — P. 343–448.
22. Rigamonti C. P. Geistiges Eigentum als Begriff und Theorie des Urheberrechts. — Baden-Baden, 2001.
23. Ulmer E. Urheber- und Verlagsrecht. — Berlin; Gottingen; Heidelberg, 1960.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.111-118

А. В. Менкенов*

Пределы хозяйской власти работодателя в условиях цифровизации: мониторинг исполнения работниками трудовых обязанностей

Аннотация. Хозяйская власть, принадлежащая в силу правовой природы трудового правоотношения работодателю, предполагает, что работодатель вправе контролировать исполнение работниками их трудовых обязанностей. Цифровизация предоставляет работодателям новые технологии для мониторинга исполнения работниками трудовых обязанностей в режиме реального времени (камеры, GPS-трекеры, биометрическое сканирование и др.). Эти технологии могут приводить к нарушению права на неприкосновенность частной жизни. Российское законодательство не содержит критериев законности применяемых работодателем средств и способов мониторинга. Анализ практики ЕСПЧ, правоприменительной практики и законодательств государств Европейского Союза позволяет выделить как минимум следующие критерии, которые могут быть использованы при решении вопроса о правомерности применяемых работодателем средств и способов мониторинга: 1) законность цели мониторинга; 2) способность достижения целей мониторинга благодаря выбранным средствам; 3) использование наименее интрузивных (навязчивых) для работника средств контроля; 4) уведомление работников о целях, способах и средствах контроля. Этими критериями можно руководствоваться в правоприменительной практике и при дальнейшем совершенствовании российского трудового законодательства.

Ключевые слова: хозяйская власть; работодатель; права работников; права работодателей; право на неприкосновенность частной жизни; ограничение прав; тест на пропорциональность; мониторинг исполнения работниками трудовых обязанностей; трудовые правоотношения; персональные данные.

Для цитирования: Менкенов А. В. Пределы хозяйской власти работодателя в условиях цифровизации: мониторинг исполнения работниками трудовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 111–118. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.111-118.

© Менкенов А. В., 2025

* Менкенов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация, 119571
menkenov@ranepa.ru

The Limits of Employer Authority in the Digital Age: Monitoring Employee's Duties Performance

Alexey V. Menkenov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Support for Market Economy, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Moscow, Russian Federation
menkenov@ranepa.ru

Abstract. By virtue of the legal nature of the employment relationship, the employer possesses managerial authority, which includes the right to monitor employees' performance of their job duties. Digitalization provides employers with new technologies for real-time monitoring (cameras, GPS trackers, biometric scanning, etc.). These technologies may lead to violations of privacy rights. Russian legislation lacks clear criteria for determining the legality of employer monitoring methods. An analysis of ECHR case law, enforcement practices and European Union legislation suggests at least the following criteria for assessing the legitimacy of employer monitoring: 1) legitimacy of the monitoring purpose; 2) suitability of the chosen means to achieve the monitoring objectives; 3) use of the least intrusive monitoring methods; 4) employee notification regarding the purposes, methods, and means of monitoring. These criteria can be applied in enforcement practice and further improvements to Russian labor legislation.

Keywords: employer's managerial authority; employer; workers' rights; employers' rights; right to privacy; restriction of rights; proportionality test; monitoring of employees' performance; labor relations; personal data.

Cite as: Menkenov AV. The Limits of Employer Authority in the Digital Age: Monitoring Employee's Duties Performance. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):111-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.111-118.

Введение

Наемный труд является трудом несамостоятельным. Это означает, что рабочей силой наемного работника распоряжается не он лично, а работодатель (собственник или его представители, например должностные лица, наделенные для этого специальными полномочиями)¹. Работник должен подчиняться *хозяйской власти* работодателя.

Рассматривая выделенные Ф. Лотмаром и Л. С. Талем особенности хозяйской власти работодателя, Т. Ю. Коршунова и А. Ф. Нуртдинова отмечают: «Власть работодателя над работником находит свое воплощение в трех аспектах: нормативном, директивном и дисциплинарном... Директивная (власть — А. М.) позволяет

распоряжаться и управлять рабочей силой, в том числе осуществлять прием на работу, переводы, увольнения, определять организацию производства и труда, численность и структуру персонала, порядок работы, контролировать выполнение работниками их трудовых обязанностей»².

Итак, директивная власть подразумевает право работодателя контролировать исполнение работниками трудовых обязанностей. Но хозяйская власть работодателя имеет свои пределы. Л. С. Таль подчеркивал: «Хозяйская власть — институт частного права. Поэтому подчинение ей возможно только в тех пределах, в которых вообще допустимо стеснение свободы и самоопределения личности вследствие принадлежности к частноправовому союзу или общению.

¹ Куренной А. М. Трудовая дисциплина и пределы хозяйской власти работодателя // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 89.

² Коршунова Т. Ю., Нуртдинова А. Ф. Трудовой договор в современных условиях // Государство и право. 1994. № 2. С. 30–41.

Подчинение рабочего хозяйской власти никогда не может принимать характера отчуждения его личности или его рабочей силы. Оно обязательно для него лишь до тех пор, пока требования хозяина не нарушают его неотъемлемых прав и их исполнение не угрожает неотчуждаемым благам личности»³. Следовательно, работодатель не вправе нарушать личные неимущественные права работника (право на уважение личной и семейной жизни, тайна переписки, тайна личной и семейной жизни и др.). Природа хозяйской власти предполагает ее ограничение во времени и в пространстве.

Однако в российском трудовом законодательстве отсутствуют четкие критерии оценки законности выбранных работодателем средств мониторинга исполнения работниками трудовых обязанностей.

1. Критерии правомерности мониторинга в практике Европейского Суда по правам человека

1.1. Статьей 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.)⁴ гарантировано право каждого на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность жилища, тайну переписки и запрет вмешательства со стороны государственных органов в пользование этим правом, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Указанная статья Конвенции СНГ практи-

чески дословно воспроизводит положения ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.)⁵. В этой связи интересной представляется практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в части оценки правомерности осуществляемого работодателем мониторинга исполнения работниками трудовых обязанностей.

1.2. Практика Европейского Суда по правам человека позволяет выделить три требования, очерчивающих пределы мониторинга: пригодность, необходимость и соразмерность (в узком смысле).

Требования пригодности и необходимости означают, что работодатель для реализации своего законного интереса в контроле за деятельностью работников должен принимать наиболее подходящие и наименее навязчивые меры. Иными словами, если вмешательство в какое-либо право оказывается неподходящим или излишним потому, что преследуемые цели не могут быть достигнуты с его помощью, либо потому, что были доступны менее агрессивные средства, то нужны веские причины для признания вмешательства необходимым.

Требование соразмерности (в узком смысле) предполагает, что суд должен оценить, достигнут ли разумный баланс между интересами, которым служит конкретная мера, и интересами, которым она наносит ущерб. Применительно к мониторингу оценивается соразмерность вмешательства в частную жизнь работника и права работодателя управлять своей экономической деятельностью, поддерживать ее⁶.

Раскрытые выше требования пригодности, необходимости и соразмерности (в узком смыс-

³ Таль Л. С. Очерки промышленного права. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 22.

⁴ Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 04.11.1995 № 163-ФЗ «О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» // СЗ РФ. 1995. № 45. Ст. 4239.

⁵ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁶ Ponce Del Castillo A., Molè M. Worker monitoring vs worker surveillance: the need for a legal differentiation // Artificial intelligence, labour and society. Brussels : European Trade Union Institute, 2024. P. 159. URL: https://www.etui.org/sites/default/files/2024-03/Artificial%20intelligence%2C%20labour%20and%20society_2024.pdf (дата обращения: 30.09.2024).

ле) являются элементами классического теста на пропорциональность⁷. Этот тест призван обеспечить прозрачную, понятную и поддающуюся проверке систему аргументации при рассмотрении вопроса об ограничении основных прав. При правильном применении критерий соразмерности позволяет принимать приемлемые, обоснованные и законные решения об ограничении основных прав⁸.

1.3. Более подробно элементы теста на пропорциональность были разъяснены ЕСПЧ в деле «Флориндо против Португалии» (2023)⁹. Суд указал, что национальным органам при определении баланса интересов работника и работодателя важно учитывать следующие факторы:

- 1) информированность работника о возможности принятия работодателем мер по надзору, а также о введении таких мер;
- 2) масштабы надзора, осуществляемого работодателем, и степень вмешательства в частную жизнь работника;
- 3) наличие у работодателя законных оснований для применения надзора и его масштабы;
- 4) возможность создания системы мониторинга, основанной на менее интрузивных средствах и мерах;
- 5) последствия наблюдения для работника, который стал объектом наблюдения;
- 6) адекватность предоставленных работнику гарантий, особенно в тех случаях, когда меры надзора работодателя носили навязчивый характер.

1.4. Европейский Суд неоднократно применял тест на пропорциональность и необходимость при рассмотрении вопросов о том, соответствует ли Европейской конвенции мониторинг с помощью видеонаблюдения.

Конкретно по вопросу о видеонаблюдении на рабочем месте ЕСПЧ ранее признавал, что негласное видеонаблюдение за преподавателями в университете во время лекций в совокупности с хранением этих записей в течение месяца и право декана просматривать их — это вмешательство в право заявителей на уважение их частной жизни (постановление ЕСПЧ по делу «Антовиц и Миркович против Черногории», § 44–45¹⁰).

Однако в деле «Лопес Рибальда и другие против Испании» (§ 92 и 123)¹¹ ЕСПЧ установил отсутствие нарушений Конвенции, так как место работы заявителец, а именно супермаркет, являлось общественным местом и ведение видеонаблюдения за тем, как осуществляется прием платежей от покупателей за приобретенные товары, не имело ни интимного, ни частного характера. Таким образом, возможные ожидания заявителец относительно защиты их частной жизни были неизбежно ограничены. При этом наблюдение преследовало законную цель предотвращения краж, о которых стало известно работодателю.

1.5. Тем не менее пока у ЕСПЧ не сложилось единого подхода к оценке вмешательства работодателя в личную сферу работника. Так, в

⁷ Janneke G. How to improve the necessity test of the European Court of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. 2013. № 11 (2). P. 469. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mot004> (дата обращения: 30.09.2024); Möller K. Proportionality: Challenging the critics // International Journal of Constitutional Law. 2013. № 10 (3). P. 711. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mos024> (дата обращения: 30.09.2024).

⁸ Pozsár-Szentmiklósy Z. The Role of the Principle of Proportionality in Identifying Legal Capacity to Fundamental Rights // Studia Iuridica Lublinensia. 2023. Vol. 32. № 5. P. 353. DOI: <http://dx.doi.org/10.17951/sil.2023.32.5.333-358> (дата обращения: 30.09.2024).

⁹ Florindo de Almeida Vasconcelos Gramaxo v. Portugal — 26968/16 Judgment 13.12.2022 (Section IV). The European Court of Human Rights // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-221474> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁰ Antović and Mirković v. Montenegro — 70838/13 Judgment 28.11.2017 (Section II). The European Court of Human Rights // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=002-11757> (дата обращения: 30.09.2024).

¹¹ López Ribalda and Others v. Spain (Applications nos. 1874/13 and 8567/13) Judgment 17 October 2019. The European Court of Human Rights // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-197098> (дата обращения: 30.09.2024).

упомянутом выше решении по делу «Флориндо против Португалии» ЕСПЧ большинством голов постановил, что установка GPS-трекера на служебный автомобиль, который работник мог использовать как в служебных, так и в личных целях, не нарушала ст. 8 Европейской конвенции. Более взвешенным представляется особое мнение судей, оставшихся в меньшинстве.

В особом мнении судьи Моток, Пастор Виланова и Герра Мартинс (§ 7 и 10)¹² отметили, что работникам компании не разрешалось отключать систему геолокации, она была активна круглосуточно, а работодатель обладал властью контролировать работника 24 часа в сутки и, следовательно, превышал полномочия во все периоды, когда последний не работал. В данном конкретном случае работник находился под постоянным наблюдением в течение трех лет, что явно превышает минимальный порог серьезности, требуемый в соответствии с практикой суда. Полагаем, что работодатель был не вправе собирать сведения о геолокации за пределами установленной для работника продолжительности рабочего дня.

2. Критерии правомерности мониторинга в правоприменительной практике и законодательстве стран Европейского Союза

2.1. Национальная комиссия Франции по информационным технологиям и свободам (CNIL) прямо указывает на недопустимость сбора данных о местоположении водителя вне рабочего времени (например, поездки между его домом и местом работы, перерывы). Комиссией установлен ограниченный перечень данных, которые может обрабатывать работодатель:

— идентификационные данные работника: фамилия, имя, профессиональные контактные данные, внутренний номер, номерной знак транспортного средства;

— сведения, касающиеся поездок сотрудников: данные о местоположении, полученные с помощью устройства геолокации, история совершенных поездок;

— дополнительные данные, связанные с использованием транспортного средства: скорость движения транспортного средства, количество пройденных километров, продолжительность использования транспортного средства, время вождения, количество остановок;

— дата и время активации и деактивации устройства геолокации в рабочее время¹³.

2.2. В Польше ограничения мониторинга закреплены в трудовом законодательстве. Трудовым кодексом Польши (ст. 22.2 и 22.3)¹⁴ установлено, что за помещением рабочего места или территорией вокруг рабочего места работодатель вправе ввести специальный надзор в виде технических мероприятий, осуществляющих запись изображения (мониторинг), в целях обеспечения безопасности работников или охраны имущества, контроля за производством или сохранения конфиденциальной информации, разглашение которой может причинить вред работодателю.

Польский законодатель запрещает видеомониторинг в помещениях, предоставленных профсоюзной организации, а также, с некоторыми исключениями, в санитарных помещениях, раздевалках, столовых и курительных комнатах. Установлен максимально допустимый срок хранения записей изображений — три месяца с момента записи (этот срок может быть продлен до завершения досудебного производства или

¹² Opinion dissidente commune AUX Juges Motoc, Pastor Vilanova et Guerra Martins — Florindo de Almeida Vasconcelos Gramaxo v. Portugal — 26968/16 Judgment 13.12.2022 (Section IV). The European Court of Human Rights // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-221474> (дата обращения: 30.09.2024).

¹³ Délibération No. 2015-165 du 4 juin 2015 portant adoption d'une norme simplifiée concernant les traitements automatisés de données à caractère personnel mis en œuvre par les organismes publics ou privés destinés à géolocaliser les véhicules utilisés par leurs employés (norme simplifiée No. 51). Legifrance // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000030741771> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁴ Kodeks pracy Ustawa z dnia 26 czerwca 1974 r. Stan prawny aktualny na dzień: 25.09.2024. Lex Lege // URL: <https://lexlege.pl/kp/rozdzial-i-przepisy-ogolne/5700/> (дата обращения: 30.09.2024).

судебного процесса в случае, если видеозаписи являются доказательствами по делу).

Цели, объем и способ применения контроля должны быть указаны в коллективном договоре или правилах внутреннего распорядка либо в уведомлении, если работодатель не подпадает под действие коллективного трудового договора или не обязан устанавливать правила труда. Работодатель должен информировать работников о введении мониторинга не позднее чем за две недели до его начала. Эти положения применяются и для мониторинга рабочей электронной почты работника.

2.3. В Италии установлен закрытый перечень допустимых средств дистанционного контроля за деятельностью работников (организационно-производственные нужды, обеспечение безопасности труда и защита активов предприятия). Использование устройств дистанционного управления должно регулироваться коллективными договорами (при отсутствии коллективного договора — локальным актом работодателя при наличии разрешения территориального органа Национальной инспекции труда). Работникам должна предоставляться адекватная информация о средствах контроля¹⁵.

2.4. Трудовой кодекс Люксембурга¹⁶ содержит прямые отсылки к Общему регламенту ЕС 2016/679 по защите персональных данных (GDPR). Статья 261-1 Трудового кодекса Люксембурга (введена Законом от 01.08.2018¹⁷) разрешает обработку персональных данных в целях контроля за работниками исключительно при наличии одного из условий, перечисленных в

п. а–f ст. 6.1 GDPR. О введении системы мониторинга на рабочем месте необходимо проинформировать представительный орган работников. Эта информация должна содержать:

- подробное описание цели предусмотренной обработки;
- подробное описание методов реализации системы наблюдения;
- где это применимо, продолжительность или критерии хранения данных, а также официальное обязательство работодателя не использовать собранные данные для целей, отличных от тех, которые явно предусмотрены в предварительной информации.

Представительный орган работников (а в случае отсутствия такого органа — затронутые работники) может в течение 15 дней после получения предварительной информации, упомянутой выше, подать запрос для получения заключения о соответствии проекта установленным требованиям в Национальную комиссию Люксембурга по защите данных, которая должна принять решение в течение одного месяца с момента его направления. Введение системы мониторинга приостанавливается на период рассмотрения обращения работников.

2.5. Во Франции 27 декабря 2023 г. Национальная комиссия по информационным технологиям и свободам (CNIL) установила факты нарушения Регламента (ЕС) 2016/679 от 27.04.2016 о защите персональных данных и оштрафовала компанию Amazon France Logistique на 32 млн евро в связи с чрезмерным мониторингом работников. В частности, компания при помощи

¹⁵ Legge 20 maggio 1970, n. 300. Norme sulla tutela della libertà e dignità dei lavoratori, della libertà sindacale e dell'attività sindacale, nei luoghi di lavoro e norme sul collocamento (Ultimo aggiornamento all'atto pubblicato il 25.05.2022) // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1970-05-20;300~art4> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁶ Code du Travail (Mise en place par la loi du 31 juillet 2006) // Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg. URL: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/code/travail/20240227#title_1 (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁷ Loi du 1er août 2018 portant organisation de la Commission nationale pour la protection des données et mise en oeuvre du règlement (UE) 2016/679 du Parlement européen et du Conseil du 27 avril 2016 relatif à la protection des personnes physiques à l'égard du traitement des données à caractère personnel et à la libre circulation de ces données, et abrogeant la directive 95/46/CE (règlement général sur la protection des données), portant modification du Code du travail et de la loi modifiée du 25 mars 2015 fixant le régime des traitements et les conditions et modalités d'avancement des fonctionnaires de l'État // Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/08/01/a686/jo> (дата обращения: 30.09.2024).

сканеров фиксировала любое время остановки работы сканера, превышающее 10 минут, и время остановки работы менее 10 минут в так называемые критические моменты дня, т.е. в начале и конце рабочего дня, а также до и после перерывов.

Комиссия пришла к выводу, что используемая компанией система мониторинга деятельности и производительности сотрудников является чрезмерной, не соответствует целям обработки персональных данных и в значительной степени имеет навязчивый характер¹⁸.

2.6. В 2020 г. уполномоченный Гамбурга по защите данных и свободе информации наложил штраф в размере 35,3 млн евро за нарушения защиты данных на интернет-магазин H&M Hennes & Mauritz Online Shop AB & Co KG. Уполномоченным было установлено, что по крайней мере с 2014 г. компания осуществляла сбор личных данных работников. После отсутствия работников на рабочем месте, в том числе по причине отпуска или временной нетрудоспособности, руководители проводили с ними так называемые приветственные беседы. Соответствующие заметки постоянно хранились на сетевом диске. После этих бесед во многих случаях фиксировались не только конкретные впечатления сотрудников от отпуска, но и симптомы заболеваний и диагнозы. Записи иногда делались с высоким уровнем детализации, и в течение длительных периодов времени документировалось развитие этих проблем. Собранные данные использовались не только для тщательной оценки индивидуальной производительности труда, но и для формирования подробного профиля сотрудника с целью принятия мер и решений относительно его занятости. Часть этой инфор-

мации записывалась, хранилась в цифровом виде, и частично с ней могло ознакомиться до 50 других менеджеров компании¹⁹.

Заключение

Таким образом, мониторинг исполнения работниками трудовых обязанностей может легко превратиться в постоянную слежку. Изложенное выше подтверждает актуальность предложений о необходимости закрепления в российском трудовом законодательстве права работника на неприкосновенность частной жизни и корреспондирующей ему обязанности работодателя уважать это право²⁰.

Отсутствие в российском трудовом законодательстве четких критериев, которыми нужно руководствоваться при выборе средств и способов мониторинга исполнения работниками трудовых обязанностей, создает угрозу нарушения баланса интересов сторон трудового правоотношения. Анализ практики ЕСПЧ, правоприменительной практики и законодательств государств Европейского Союза позволяет выделить как минимум следующие критерии правомерности средств и способов, используемых работодателем при мониторинге: 1) законность цели мониторинга; 2) способность достижения целей мониторинга благодаря выбранным средствам мониторинга; 3) применение наименее интрузивных (навязчивых) для работника средств контроля; 4) уведомление работников о целях, способах и средствах контроля. Эти критерии могут быть использованы в правоприменительной практике и при дальнейшем совершенствовании российского трудового законодательства.

¹⁸ Délibération de la formation restreinte n° SAN-2023-021 du 27 décembre 2023 concernant la société Amazon France Logistique // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/cnil/id/CNILTEXT000048989272> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁹ Hamburg Commissioner Fines H&M 35.3 Million Euro for Data Protection Violations in Service Centre European Data Protection Board // URL: https://www.edpb.europa.eu/news/national-news/2020/hamburg-commissioner-fines-hm-353-million-euro-data-protection-violations_en (дата обращения: 30.09.2024).

²⁰ *Шуралева С. В.* Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 546.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Коршунова Т. Ю., Нуртдинова А. Ф. Трудовой договор в современных условиях // Государство и право. — 1994. — № 2. — С. 30–41.
2. Куренной А. М. Трудовая дисциплина и пределы хозяйской власти работодателя // Ежегодник трудового права. — 2021. — № 11. — С. 89–100.
3. Таль Л. С. Очерки промышленного права. — М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. — 127 с.
4. Шуралева С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — Вып. 57. — С. 527–551.
5. Janneke G. How to improve the necessity test of the European Court of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. — 2013. — № 11 (2). — DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mot004> (дата обращения: 30.09.2024).
6. Möller K. Proportionality: Challenging the critics // International Journal of Constitutional Law. — 2013. — № 10 (3). — DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mos024> (дата обращения: 30.09.2024).
7. Ponce Del Castillo A., Molè M. Worker monitoring vs worker surveillance: the need for a legal differentiation // Artificial intelligence, labour and society. — Brussels: European Trade Union Institute, 2024. — URL: https://www.etui.org/sites/default/files/2024-03/Artificial%20intelligence%2C%20labour%20and%20society_2024.pdf.
8. Pozsár-Szentmiklósy Z. The Role of the Principle of Proportionality in Identifying Legal Capacity to Fundamental Rights // Studia Iuridica Lublinensia. — 2023. — Vol. 32. — № 5. — DOI: <http://dx.doi.org/10.17951/sil.2023.32.5.333-358> (дата обращения: 30.09.2024).

Материал поступил в редакцию 4 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Korshunova T. Yu., Nurtidinova A. F. Trudovoy dogovor v sovremennykh usloviyakh // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — № 2. — S. 30–41.
2. Kurennoy A. M. Trudovaya distsiplina i predely khozyayskoy vlasti rabotodatelya // Ezhegodnik trudovogo prava. — 2021. — № 11. — S. 89–100.
3. Tal L. S. Ocherki promyshlennogo prava. — M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1916. — 127 s.
4. Shuraleva S. V. Pravo na neprikosnovennost chastnoy zhizni v trudovom pravootnoshenii: teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2022. — Vyp. 57. — S. 527–551.
5. Janneke G. How to improve the necessity test of the European Court of Human Rights // International Journal of Constitutional Law. — 2013. — № 11 (2). — DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mot004> (data obrashcheniya: 30.09.2024).
6. Möller K. Proportionality: Challenging the critics // International Journal of Constitutional Law. — 2013. — № 10 (3). — DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/icon/mos024> (data obrashcheniya: 30.09.2024).
7. Ponce Del Castillo A., Molè M. Worker monitoring vs worker surveillance: the need for a legal differentiation // Artificial intelligence, labour and society. — Brussels: European Trade Union Institute, 2024. — URL: https://www.etui.org/sites/default/files/2024-03/Artificial%20intelligence%2C%20labour%20and%20society_2024.pdf.
8. Pozsár-Szentmiklósy Z. The Role of the Principle of Proportionality in Identifying Legal Capacity to Fundamental Rights // Studia Iuridica Lublinensia. — 2023. — Vol. 32. — № 5. — DOI: <http://dx.doi.org/10.17951/sil.2023.32.5.333-358> (data obrashcheniya: 30.09.2024).

Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя?

Аннотация. Анализируются судебно-следственная практика применения ст. 174.1, которая в первоначальной редакции УК РФ отсутствовала, а также ее перспективы. К обстоятельствам, делающим сомнительной такую перспективу, автор относит саму процедуру введения ст. 174.1 в УК РФ, в которой не нашлось места для обоснования ее необходимости, в дополнение к ст. 174 УК РФ, предусматривающей ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Мотивы авторов федерального закона, дополнившего в 2001 г. УК РФ анализируемой статьей, оказались неясны, как, собственно, и цели дополнения.

К вышеуказанным обстоятельствам следует отнести необъяснимое удаление из первой редакции диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ (после 12 лет ее практического применения) исчерпывающего перечня преступлений, совершение которых не рассматривалось как предикатное преступление. Итогом экспериментов с введением и затем неоднократным редактированием ст. 174.1 УК РФ стали случаи спорного или безосновательного ее применения.

Несмотря на неоднократные решения вышестоящих судов, отменявших незаконные приговоры нижестоящих судов, статья 174.1 УК РФ остается своеобразной «дубиной» в руках следственных органов и прокуратуры, от использования которой не застраховано ни одно лицо, совершившее корыстное или имущественное преступление. Иллюстрацией данного вывода является анализ материалов двух уголовных дел, по которым автор давал научно-консультационные заключения в качестве специалиста.

В статье резюмируется, что для обеспечения верховенства закона, исключения необоснованного уголовного преследования, в том числе предпринимателей, принятия спорных процессуальных решений правоохранительными и судебными органами необходимо признать ст. 174.1 УК РФ утратившей силу. Альтернативой такому решению может быть восстановление редакции данной статьи, действовавшей до 2013 г.

Ключевые слова: легализация (отмывание) имущества, приобретенного в результате совершения преступления; статья 174.1 УК РФ; статья 174 УК РФ; уклонение от уплаты налогов; мошенничество; предикатное преступление; принцип справедливости; хищение имущества; обвинительное заключение.

© Кочои С. М., 2025

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
sam.kochoi@bk.ru

Для цитирования: Кочои С. М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 119–129. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.

Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Russian Criminal Code): A Tool in the Fight Against Crime or a «Club» in the Hands of Law Enforcement?

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The paper analyzes the judicial and investigative practice of applying Article 174.1, which was absent from the original version of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as its prospects. Among the circumstances casting doubt on such prospects, the author highlights the very procedure of introducing Article 174.1 into the Criminal Code, which lacked any justification for its necessity in addition to Article 174, which establishes liability for the legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons through criminal means. The motives of the federal law drafters that supplemented the Criminal Code in 2001 with the analyzed article remain unclear, as do the goals of this addition.

The above-mentioned circumstances should include the inexplicable removal, after 12 years of practical application, of the exhaustive list of crimes from the original wording of Part 1 of Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which were not considered predicate offenses. The result of these experiments — first introducing and then repeatedly amending Article 174.1 — has been its controversial or unjustified application.

Despite multiple rulings by higher courts overturning unlawful verdicts of lower courts, Article 174.1 of the Criminal Code remains a kind of «club» in the hands of investigative bodies and prosecutors, and no individual who has committed a profit-driven or property-related crime is immune from its use. This conclusion is illustrated by an analysis of materials from two criminal cases for which the author provided expert opinions as a specialist.

The author concludes that to ensure the rule of law, to prevent unjustified criminal prosecution, including of entrepreneurs, and to eliminate controversial procedural decisions by law enforcement and judicial bodies, Article 174.1 of the Criminal Code should be repealed. An alternative solution could be restoring the version of the article that was in force before 2013.

Keywords: legalization (laundering) of property; property acquired as a result of committing a crime; Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation; tax evasion; fraud; predicate crime; principle of justice; theft of property; indictment.

Cite as: Kochoi SM. Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Russian Criminal Code): A Tool in the Fight Against Crime or a «Club» in the Hands of Law Enforcement? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):119-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.

Введение

На момент вступления в силу 1 января 1997 г. Уголовный кодекс РФ не содержал ответственности за легализацию имущества, приобретенного лицом в результате совершения

им преступления. В принципе, такое положение соответствует международно-правовым документам о противодействии легализации имущества, из которых прямо не следует, что ее субъектом может быть, кроме лица, совершившего сделки с имуществом, приобре-

тенным преступным путем *другими лицами*, также лицо, *само* совершившее преступление, в результате которого данное имущество приобретено. Так, например, согласно Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005), национальный законодатель сам решает, относить то или иное деяние с имуществом, приобретенным в результате совершения преступления, к «преступлениям, связанным с отмыванием», или нет. Главное, чтобы, совершая такое деяние, «преступник: а) подозревал, что имущество является доходом; б) должен был предполагать, что имущество является доходом» (п. 3 ст. 9)¹.

Поэтому через четыре года после принятия УК РФ появление в нем ст. 174.1 было столь же неожиданным, сколь и нелогичным². 21 апреля 2001 г. Правительство РФ приняло распоряжение № 567-р, которым внесло в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекты федеральных законов «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”». Через два дня в ГД РФ вместе с указанными законопроектами была отправлена Пояснительная записка Правительства РФ, где не было ни одного слова о дополнении УК РФ

новыми нормами. 24 мая 2001 г. законопроект в таком виде был принят в первом чтении.

13 июля 2001 г. Государственная Дума РФ приняла этот законопроект во втором чтении, а 14 июля — в окончательной редакции, но уже включавшей ст. 174.1. Законом данный документ стал 8 августа 2001 г., когда был подписан Президентом РФ³.

Таким образом, мотив законодателя (не автора законопроекта, потому что на момент его внесения, подчеркнем еще раз, тот не предлагал ни изменений, ни дополнений УК РФ), установившего ответственность лица за легализацию имущества, полученного в результате совершения преступления им самим, остался непонятным.

Основное исследование

Первый же вопрос, который возник в связи с принятием данного Закона, заключался в том, что следует понимать под словами «в результате совершения им преступления». Иначе говоря, при отсутствии обвинительного приговора, признавшего лицо виновным, например, в краже, можно ли считать полученное в результате ее совершения имущество предметом легализации (отмывания) такого имущества? Поиск ответа осложнялся отсутствием соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Правда, остроту вопроса в целом смягчало то обстоятельство, что законодатель, дополнив

¹ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г.) (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

Согласно этому документу понятие «доход» означает «любую экономическую выгоду, полученную или извлеченную прямо или косвенно в результате совершения преступлений».

² Правда, через несколько лет история эта уже не будет никого удивлять, поскольку процедура, в ней предусмотренная, станет обычной, даже в какой-то мере характерной для современного законодательства, преследующего цель криминализации новых деяний. См. об этом: Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 96–105.

³ Паспорт проекта федерального закона № 84717-3 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”» (внесен Правительством РФ, подписан Президентом РФ).

УК РФ статьей 174.1, к предикатным преступлениям («основным преступлениям»⁴) не стал относить все без исключения преступления, специально оговорив, что к ним не относятся: невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194), уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды (ст. 198) и уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации (ст. 199)⁵. В 2010 г. к этим преступлениям добавились неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1) и сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2). Тогда же в диспозиции анализируемой нормы (ч. 1 ст. 174.1) появилась специальная цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом⁶.

Следует признать, что, несмотря на сомнительную необходимость в целом в дополнении УК РФ статьей 174.1, предусмотренное ею исключение для налоговых преступлений и ссылка на специальную цель, установление которой в деянии лица стало обязательным для его обвинения

в легализации, имели международно-правовую основу. Дело в том, что Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990) оговаривает право национального законодателя предусматривать, что деяния, подпадающие под определение «преступления, связанные с отмыванием средств», «не применяются к лицам, совершившим основное преступление» (п. 1 ст. 6). Подобное положение содержат и другие международно-правовые документы о противодействии отмыванию имущества, добытого преступным путем: Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999) (ст. 13), Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005) (п. 2 ст. 9), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000) (ст. 6) и др.

Однако в 2013 г. произошло поистине революционное изменение редакции ст. 174.1 УК РФ: из нее удалили упоминание о преступлениях, совершение которых до этого на протяжении 12 лет не рассматривалось как основное (предикатное) преступление⁷. Какого-либо обоснования этого изменения Пояснительная записка автора законопроекта — Правительства РФ — не содержала⁸.

Чтобы предупредить и пресечь практику, в которой решили, что теперь будто бы любое

⁴ Согласно международно-правовым документам, понятие «основное преступление» означает «любое преступление, в результате которого были получены доходы, которые могут стать» предметом легализации (отмыкания). См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) ; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г.) (с изм. от 16.05.2005).

⁵ Федеральный закон от 07.08.2001 № 121-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”».

⁶ Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 января 2018 г.).

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

преступление может быть признано предикатным, Пленум Верховного Суда РФ через два года дал разъяснение, раскрывшее основания признания преступления таковым. Согласно данному разъяснению, вывод суда «о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться:

- на обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части УК РФ (об основном преступлении);

- постановлении органа предварительного расследования или суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных пунктом 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным статьей 25.1 или статьей 28.1 УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования или судом дана им соответствующая оценка;

- постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с неустановлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка»⁹.

В действительности практика применения приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, как нам представляется, оказалась не просто противоречивой, а прямо противоположной идее, заложенной в нем. Особенно это заметно по делам об уклонении от уплаты налогов. Иллюстрацией сказанного может служить дело Б., материалы которого (обвинительное заключение) стали предметом исследования в рамках подготовки научно-консультационного заключения специалиста, которым выступал автор настоящей статьи.

Б. обвинялась в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере, предусмотренном частью 2 ст. 198 УК РФ. По версии следствия, она, зарегистрированная в качестве индивидуального предпринимателя, в отношении которого применялся специальный режим налогообложения (упрощенная система налогообложения), совершила указанное преступление «в целях так называемого дробления бизнеса и сокрытия части доходов». По ее распоряжению денежные средства перечислялись со счетов одних созданных ею и подконтрольных ей организаций на счета других таких же организаций.

Вменив уклонение от уплаты налогов, следствие на этом не остановилось. Оно усмотрело в распоряжениях Б. о перечислении (переводе) денежных средств (со счетов одних организаций на счета других), уже ставших предметом одного преступления (ст. 198 УК РФ), признаки еще одного преступления — совершения финансовых операций, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ.

Очевидно, основанием для такой квалификации послужили разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что «преступления, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ, совершенные путем финансовых операций, следует считать оконченными с момента, когда лицо, действуя с указанной в данных статьях целью, непосредственно использовало преступно полученные денежные средства для расчетов за товары или размена либо *предъявило (пере-*

⁹ П. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

дало) банку распоряжение о переводе денежных средств (курсив наш. — С. К.) и т.п.»; цель отмыwania (легализации) может проявляться, в частности, «в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа»¹⁰.

Между тем обвинение в легализации (отмывании) вызывает сомнения по следующим основаниям. Во-первых, если денежные средства или иное имущество приобретены в результате преступления, но не были введены в легальный оборот, то говорить о легализации, предусмотренной статьей 174.1 (или ст. 174) УК РФ, нельзя¹¹. В судебной практике можно встретить немало решений, в которых введение имущества «в легальный экономический оборот» прямо называется обязательным признаком состава рассматриваемого преступления¹². Соответственно, если указанные денежные средства или иное имущество не покидают нелегальный оборот, не выводятся из него, то легализации, предусмотренной статьей 174.1, не будет. Показательным можно считать следующее решение, в котором суд пришел к выводу о том, что «не образуют оконченного состава преступлений, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ, финансовые операции или иные сделки, результатом которых стало “перемещение” имущества между банковскими счетами, подконтрольными лицу, совершившему предикатное преступление, а равно финансовые операции или иные сделки, направленные на перемещение денежных средств или иного имущества между цепочкой юридических лиц, специально созданных либо используемых для совершения преступлений (курсив наш. — С. К.)»¹³.

В деле Б. следствие признавало, что организации, со счетов которых и на счета которых переводились деньги, специально создавались

или были приисканы обвиняемой для совершения основного преступления (уклонения от уплаты налогов). Данное обстоятельство делало несостоятельным обвинение Б. в легализации (отмывании) денежных средств, приобретенных в результате совершения ею указанного преступления.

Во-вторых, вывод о том, что денежные средства или иное имущество приобретены лицом в результате совершения преступления, как уже было показано, может основываться на обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части УК РФ (об основном преступлении), либо постановлении органа предварительного расследования или суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия по основаниям, предусмотренным УПК РФ (если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования или судом дана им соответствующая оценка)¹⁴.

Как следовало из текста обвинительного заключения, вышеперечисленные процессуальные решения (суда или органа предварительного расследования) по делу Б. отсутствовали. Однако это не помешало следствию в качестве основания для собственной версии квалификации (по ст. 174.1 УК РФ) просто процитировать вышеприведенное разъяснение постановления Пленума Верховного Суда РФ и ст. 28.1 УПК РФ, категорически заключив следующее: «Таким образом, законодатель однозначно устанавливает факт того, что денежные средства, полученные в результате уклонения от уплаты налогов, то

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

¹¹ Даже факт введения в легальный оборот преступно нажитого имущества не всегда свидетельствует о его легализации. См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

¹² См., например: апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 13.09.2018 по делу № 127-АПУ18-8 ; постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 14.06.2018 № 44-у-70/2018 ; постановление Президиума Приморского краевого суда от 28.05.2018 № 44У-114/2018.

¹³ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.04.2022 по делу № 22-351/2022.

¹⁴ П. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

есть совершения преступления, предусмотренного статьей 198 УК РФ, являются денежными средствами, приобретенными преступным путем».

В-третьих, для наличия состава легализации (отмывания) необходимы «не просто финансовые операции и сделки с имуществом, полученным преступным путем, а действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, имущества, выполнение работ, оказание услуг). Именно этим легализация отличается от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения доходов»¹⁵. Но из обвинительного заключения нельзя было понять, какие именно гражданские права и обязанности Б. хотела установить, изменить или прекратить.

В-четвертых, факт наличия предикатного преступления обязывает правоприменительные органы четко обозначить границы между ним и действиями, образующими легализацию, предусмотренную указанной статьей. Как обоснованно утверждается в литературе, в предъявленном обвинении «должен быть четко отграничен момент окончания предикатного преступления от последующих действий по перечислению денежных средств, которые входят в объективную сторону состава легализации»¹⁶.

При этом анализ текста обвинительного заключения по делу Б. подтверждал отсутствие такого отграничения составов инкриминируемых ей преступлений. Приведенные следствием в подтверждение собственной версии квалификации обстоятельства (например, связанные с «дроблением» Б. своего бизнеса) неоднократно встречались при описании и других преступлений, в совершении которых она обвинялась. Повторы и дублирования одних и тех обстоятельств не позволяли определять, где заканчиваются признаки одного состава преступления и начинаются признаки другого состава¹⁷.

В-пятых, субъективная сторона инкриминируемого Б. преступления включает вину и специальную цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, совершение финансовых операций (или сделок) «само по себе не может предreshать выводы суда о виновности лица в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления). В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом»¹⁸. Между тем в обвинительном заключении отсутствовали объективные обстоятельства, свидетельствовавшие об

¹⁵ Апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 127-АПУ18-8.

¹⁶ Бажутов С. А. Проблемы правоприменения по делам о легализации преступных доходов: анализ судебной практики и вопросы толкования // Законность. 2020. № 12. С. 3–8.

¹⁷ Неудивительно, что деяния Б. следствием квалифицированы были также по ч. 1 ст. 187 УК РФ как «приобретение и хранение в целях использования электронных средств, предназначенных для неправомерного осуществления перевода денежных средств». Однако «создание ряда подконтрольных организаций в целях так называемого дробления бизнеса и уклонения от уплаты налогов» (что, по утверждению следствия, им было установлено) предполагает совершение финансовых операций (осуществление денежных переводов) между указанными организациями с использованием электронных средств платежа. Иначе говоря, то, что, по признанию органа предварительного расследования, представляет собой уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ), не может в то же время признаваться неправомерным использованием (хранением) электронного средства платежа (ст. 187 УК РФ).

¹⁸ П. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

осознании Б. своих действий как легализации денежных средств, приобретенных в результате совершения ею преступления. Кроме того, отсутствовали обстоятельства, свидетельствовавшие о ее желании совершить финансовые операции, подпадающие под действие уголовного закона (ст. 174.1 УК РФ). Примечательно, что о волевом элементе вины, о фактических обстоятельствах, подтверждающих его установление, в обвинительном заключении не было сказано ничего¹⁹.

Под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательном признаке составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ понимает «сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него». Тем не менее в обвинительном заключении не было названо *ни одно обстоятельство*, которое объективно подтверждало бы наличие данной цели у обвиняемой. Все финансовые операции совершались исключительно с целью распоряжения собственными денежными средствами. Как показывает анализ судебной практики, установление такой цели является основанием для вынесения решения не в пользу стороны обвинения. Так, например, в одном из дел суд, обратив внимание на отсутствие цели придания правомерного вида владению деньгами, полученными в результате совершения преступления, пришел к выводу «о том, что в данном случае в действиях Ц. усматривается

исключительно распоряжение денежными средствами, полученными от деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, а не их легализация»²⁰. В другом деле суд апелляционной инстанции, отменяя приговор в части осуждения по ст. 174.1 УК РФ и прекращая уголовное дело в соответствующей части, указал: «К подобным действиям нельзя отнести осуществляемые осужденными действия по приобретению автомашин на имя М., которыми они пользовались, и приобретение долларов США. Таким образом, проводимые осужденными финансовые операции и сделки были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Между тем подобные действия также не свидетельствуют о цели отмыывания денежных средств, не имели цели придания правомерности владения деньгами, полученными в результате совершения преступления»²¹.

В уголовно-правовой литературе обращают внимание на то, что «цепь прозрачных банковских операций — перечисление с одного счета виновного на другой его счет с целью, например, обналичивания “грязных” денег и без намерения такого сокрытия — о легализации не свидетельствует»²².

Вышеизложенное в совокупности позволяет утверждать, что объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, в обвинительном заключении по делу Б. были описаны *неконкретно и неполно*. Неконкретность обвинения, расплывчатое, нечеткое изложение в постановлении его формулировки нарушает право обвиняемого на защиту. Несоблюдение

¹⁹ Один из основных международно-правовых документов в области противодействия легализации имущества — Конвенция Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005 г.) — достаточно точно раскрывает данное положение: только «на основании объективных фактических обстоятельств можно сделать вывод об осведомленности, умысле или мотиве в качестве элементов преступления» (связанного с отмыыванием).

²⁰ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 № 77-1143/2024.

²¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2018 по делу № 10-13238/2018.

²² Бажутов С. А. Указ. соч. С. 3–8.

данного требования *относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона* (см.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.09.2006 № 14-о06-32, определение Верховного Суда РФ от 31.01.2008 № 5-007-214)²³.

Определенное сходство с приведенным делом имеет дело Ш., которому в 2023 г. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. По мнению следствия, Ш. «совершил финансовые операции в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению похищенными денежными средствами», которые, согласно вступившему в законную силу приговору, «в период с 1 августа 2015 г. по 14 августа 2021 г. похищены и зачислены на подконтрольный ему банковский счет ООО «М-ло»». Затем (в период с 26 августа 2015 г. по 31 декабря 2015 г.) с этого счета деньги перечислялись на карты и счета знакомых и родственников Ш. «на основании договора займа», а также самого Ш.

Как отмечается в судебной практике, «само по себе использование банковских операций по переводу денег с электронных счетов на банковские карты для возможности последующего распоряжения ими по своему усмотрению *не может свидетельствовать о легализации денежных средств* (курсив наш. — С. К.)»²⁴. По одному из дел суд более чем определенно указал следующее: «Изложенные судом действия осужденного свидетельствуют *лишь о распоряжении им деньгами* (курсив наш. — С. К.) в

сумме 6 300 руб., полученными в результате совершенного Г. преступления путем перечисления их... на банковскую карту своей супруги... При таких обстоятельствах с учетом положений ст. 14 УПК РФ судебная коллегия приходит к выводу о том, что состав преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, в установленных судом действиях осужденного Г. отсутствует»²⁵. Иначе говоря, признаки состава преступления в действиях Ш. *отсутствуют*, поскольку финансовые операции им были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться похищенными денежными средствами»²⁶.

Вывод, сделанный органом предварительного расследования в 2023 г., о том, что в 2015 г. именно те денежные средства, которые были похищены, стали предметом преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, вызывает серьезные сомнения. Деньги, как известно, не обладают индивидуально определенными свойствами. Судебная практика подтверждает, что внесенные на счет денежные средства являются обезличенной денежной суммой, не подлежат раздельному учету в зависимости от источника поступления²⁷. Соответственно, утверждать, что перечисленные на разные счета денежные средства — это именно те, которые были похищены, не представляется возможным ни фактически, ни юридически.

Наконец, не выдерживает критики квалификация одних и тех же действий как хищения имущества (мошенничество) и его легализации. По одному из таких дел суд указал следующее: «...Судом установлено, что действия по перечис-

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция «Российской газеты», 2015.

²⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 01.12.2021 по делу № 22-1902/2021.

²⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2020 № 77-1677/2020.

²⁶ См. об этом: кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2022 № 77-2698/2022.

²⁷ Путеводитель по судебной практике. Банковский счет // СПС «КонсультантПлюс» ; Подборка судебных решений за 2013 г. : статья 845 «Договор банковского счета» ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.05.2015 № Ф07-141/2014 по делу № А21-6962/2014. См. также: *Зинченко П. И.* Защита прав владельцев банковских счетов в рамках уголовного судопроизводства: отдельные вопросы теории и практики // Банковское право. 2019. № 6. С. 23–28.

лению бюджетных денежных средств на счета фирм и физических лиц совершены с целью хищения денежных средств. То есть указанные действия являются частью объективной стороны совершаемого мошенничества и состава преступления, предусмотренного подпунктами “а”, “б” ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, не образуют»²⁸. Иначе говоря, деяния, образующие объективную сторону хищения чужого имущества, не могут в то же время образовать объективную сторону легализации (отмывания) этого имущества.

Однако, вопреки приведенным нормам закона и решениям вышестоящих судов, в конце 2024 г. районный суд полностью согласился со стороной обвинения и осудил Ш. за легализацию имущества, которая, следует отметить, была совершена в то же время, что и мошенничество, но оставалась «незамеченной» на протяжении девяти лет. По удивительному стечению обстоятельств Ш. осудили за легализацию тогда, когда уже истек срок лишения свободы, назначенного ему за мошенничество.

Заключение

Таким образом, новая редакция ч. 1 ст. 174.1 УК РФ не просто расширила сферу действия этой статьи²⁹. Она, с нашей точки зрения, превратилась в своеобразную «дубину» в руках обвине-

ния (следствия и прокуратуры), а также солидарных с ним судов, получивших возможность одно и то же деяние, образующее объективную сторону предикатного преступления (уклонение от уплаты налогов, мошенничества), вопреки требованиям ч. 2 ст. 6 УК РФ, вменять два (как в деле Ш.), а то и три (как в деле Б.) раза.

Несмотря на отдельные решения судов, которые отменяют незаконные приговоры нижестоящих судов и тем самым умеряют аппетиты органов предварительного расследования, иницирующих спорное, возможно даже избирательное, уголовное преследование за легализацию (отмывание) имущества³⁰, представляется, что необходимость ст. 174.1 в УК РФ находится под большим вопросом. Норма, в ней содержащаяся, в отличие от нормы в ст. 174 УК РФ, не имеет какого-либо криминологического обоснования³¹. Неясны цели ее введения, как и цели исключения из нее преступлений, признание которых в качестве предикатных теперь презюмируется. Как итог, статья 174.1 УК РФ стала источником спорных, нередко противоречащих закону и правовой позиции Верховного Суда РФ процессуальных решений следственных органов и прокуратуры, а также приговоров судов. Изложенное позволяет внести предложение о необходимости признания указанной статьи УК РФ утратившей силу. Такое решение, полагаем, способно реально обеспечить принцип спра-

²⁸ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2020 № 77-456/2020.

²⁹ В частности, из опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статистики за 2023 г. следует, что осужденных по ст. 174.1 УК РФ (23 чел.) многократно больше, чем осужденных по ст. 174 УК РФ (2 чел.), причем больше половины из них (13 из 23) осуждено к реальному лишению свободы (см.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823> (дата обращения: 12.03.2025)). Отметим, что в целом такое же соотношение (в пользу ст. 174.1 УК РФ) показывает судебная статистика за предыдущие годы.

³⁰ Косвенным подтверждением данного положения может быть статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, согласно которой в 2023 г. за уклонение от уплаты налогов (ст. 198–199.2 УК РФ) осуждено 344 человека, тогда как по ст. 174.1 УК РФ, как уже было показано, — 23 человека.

³¹ В литературе ранее высказывались предложения «рассмотреть возможность возвращения к первоначальной редакции состава легализации в рамках ст. 174 УК РФ» (Жадяева М. А., Янина И. Ю. Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. 2022. № 7. С. 35–38). См. также: Разиньков Д. В. Некоторые проблемные вопросы регламентации ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Modern Science. 2021. № 2-1. С. 182–186.

ведливости, исключаящий практику уголовного преследования лиц, виновных в корыстных или имущественных преступлениях, также по ст. 174.1 УК РФ³². Альтернативой такому решению, на наш взгляд, может стать восстановление ее редакции, действовавшей до 2013 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажутов С. А. Проблемы правоприменения по делам о легализации преступных доходов: анализ судебной практики и вопросы толкования // Законность. — 2020. — № 12. — С. 3–8.
2. Жадяева М. А., Янина И. Ю. Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. — 2022. — № 7. — С. 35–38.
3. Зинченко П. И. Защита прав владельцев банковских счетов в рамках уголовного судопроизводства: отдельные вопросы теории и практики // Банковское право. — 2019. — № 6. — С. 23–28.
4. Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 11. — С. 96–105.
5. Разиньков Д. В. Некоторые проблемные вопросы регламентации ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Modern Science. — 2021. — № 2-1. — С. 182–186.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. — М. : Редакция «Российской газеты», 2015. — 912 с.
7. Хомич О. В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 24 с.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bazhutov S. A. Problemy pravoprimeneniya po delam o legalizatsii prestupnykh dokhodov: analiz sudebnoy praktiki i voprosy tolkovaniya // Zakonnost. — 2020. — № 12. — S. 3–8.
2. Zhadyaeva M. A., Yanina I. Yu. Sovremennoe sostoyanie sostava legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv, poluchennykh prestupnym putem // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 7. — S. 35–38.
3. Zinchenko P. I. Zashchita prav vladeltsev bankovskikh schetov v ramkakh ugovnogo sudoproizvodstva: otdelnye voprosy teorii i praktiki // Bankovskoe pravo. — 2019. — № 6. — S. 23–28.
4. Kochoi S. M. Ugolovnyy kodeks RF: novyy etap pospeshnykh izmeneniy // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 11. — S. 96–105.
5. Razinkov D. V. Nekotorye problemnye voprosy reglamentatsii otvetstvennosti za legalizatsiyu denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennykh prestupnym putem // Modern Science. — 2021. — № 2-1. — S. 182–186.
6. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Glavy 1–32.1: postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy / E. K. Antonovich, E. A. Artamonova, D. P. Velikiy [i dr.]; отв. ред. Л. А. Voskobitova. — М.: Redaktsiya «Rossiyskoy gazety», 2015. — 912 s.
7. Khomich O. V. Legalizatsiya (otmyvanie) prestupnykh dokhodov: ugovno-pravovoe i sravnitelno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2019. — 24 s.

³² По справедливому замечанию О. В. Хомича, «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, является продолжением преступного умысла, связанного с совершением предикатного преступления». «Как следствие, — продолжает он, — привлечением к ответственности лица за данное преступление нарушается принцип non bis in idem». См.: Хомич О. В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12.

Обеспечение полноты представляемых суду материалов в уголовном процессе в условиях конкуренции гласности, тайны следствия и состязательности

Аннотация. В статье анализируются проблемы обеспечения полноты материалов, представляемых суду органами расследования в уголовном судопроизводстве, с точки зрения принципов состязательности и гласности, а также тайны следствия в их взаимосвязи и противоречии (конкуренции). На примере судебных precedентов раскрываются проблемные ситуации, вызванные несовершенством законодательства. Предлагаются конкретные решения выявленных проблем, а именно закрепление на законодательном уровне обязанности стороны обвинения (прокурора и (или) органа расследования) представить доказательства (материалы) суду именно в судебном заседании. Орган расследования может представлять суду некоторые материалы в режиме ограниченного доступа, т.е. без предоставления доступа всем участникам процесса, в том числе в электронном виде (через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) — для личного ознакомления только судом), что вписывается в развитие концепции электронного уголовного дела, которая уже давно обсуждается учеными. С одной стороны, это, возможно, ограничит реализацию принципов гласности и состязательности сторон, но с другой — позволит суду, принимающему решение по материалу, убедиться в обоснованности ходатайства, что обеспечит не только тайну следствия, но и законность, а также обоснованность принимаемого по рассматриваемому ходатайству судом решения, так как представленные негласно материалы наверняка удачно дополнят те, которые поданы в открытом виде. Кроме того, для изучения ряда вопросов, в частности об имущественном положении участника уголовного судопроизводства, весьма полезным будет использование судом доступных ему программных средств, например ГАС «Правосудие» (ПИ СДП, Модуль ДО), с помощью которых можно запросить и получить значимую для рассмотрения дела информацию.

Ключевые слова: обеспечение уголовного процесса; гласность; состязательность сторон; электронное уголовное дело; система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); электронная информация; уголовный процесс; меры пресечения; заключение под стражу; личность участника уголовного процесса.

Для цитирования: Сафронов А. Ю. Обеспечение полноты представляемых суду материалов в уголовном процессе в условиях конкуренции гласности, тайны следствия и состязательности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 130–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.130-136.

© Сафронов А. Ю., 2025

* Сафронов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, судья Змеиногорского городского суда Алтайского края

Ленина ул., д. 41, г. Змеиногорск, Алтайский край, Российская Федерация, 658481
safronov.au@gmail.com

Ensuring the Completeness of Materials Submitted to the Court in Criminal Proceedings amid the Tension between Publicity, Investigative Secrecy, and Adversarial Principles

Alexey Yu. Safronov, Cand. Sci. (Law), Judge of the Zmeinogorsk City Court of the Altai Territory,
Zmeinogorsk, Altai Territory, Russian Federation
safronov.au@gmail.com

Abstract. The paper examines the challenges of ensuring the completeness of materials submitted to the court by investigative bodies in criminal proceedings, considering the competing principles of adversarial proceedings on one hand and publicity alongside investigative secrecy on the other. Problematic situations caused by imperfect legislation are revealed using examples of judicial precedents. Specific solutions to the identified problems are proposed, namely, the establishment at the legislative level of the obligation of the prosecution (the prosecutor and/or the investigative body) to provide evidence (materials) to the court specifically at the court hearing. The investigative body may provide the court with some materials in a restricted access mode, i.e., without granting access to all trial participants, including in the electronic form (via the Interdepartmental Electronic Interaction System (SIEI) for the judge's exclusive review). This approach aligns with the evolving concept of the «electronic criminal case», long debated in legal scholarship. While this might initially appear to restrict the principles of publicity and adversarial proceedings, it would allow the court making a decision to properly assess the merits of motions, ensuring not only investigative secrecy but also the legality and validity of judicial decisions. Materials submitted confidentially could effectively supplement those presented openly. In addition, in order to study a number of issues, in particular the financial status of a participant in criminal proceedings, it would be very useful for the court to use software tools available to it, such as the software tools of the State Automated System «Justice» (PI SDP). Additionally, for certain matters, such as assessing the financial status of a trial participant, the court could leverage available digital tools, for example, State Automated System «Justice» (PI SDP), to request and obtain relevant case-related information.

Keywords: criminal procedure safeguards; publicity; adversarial proceedings; electronic criminal case; Interdepartmental Electronic Interaction System (IEIS); electronic evidence; criminal procedure; pretrial restrictions; detention; participant in criminal proceedings.

Cite as: Safronov AYu. Ensuring the Completeness of Materials Submitted to the Court in Criminal Proceedings amid the Tension between Publicity, Investigative Secrecy, and Adversarial Principles. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):130-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.130-136.

Отправление правосудия является важным, но вместе с тем одним из наиболее проблемных и дискуссионных вопросов юриспруденции, затрагивающих как все предыдущие (досудебные), так и последующие (после судебного следствия) стадии (в том числе исполнение судебных решений). Результативность данной деятельности напрямую зависит от оперативности действий лиц, ее осуществляющих, а также от полноты представленных материалов (с сохранением тайны следствия).

Обеспечению быстроты и полноты уголовного процесса на различных его стадиях в последнее время уделяется немало внимания в научных кругах (в диссертационных исследованиях)¹.

Однако существуют и противоречия, вызванные конкуренцией (соотношением) права на разумный срок и принципом разумного срока уголовного судопроизводства², что, безусловно, требует обсуждения.

Тесно переплетены с вышеуказанными проблемами и вопросы тайны следствия³.

¹ См., например: Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. EDN: ZCBWQR.

² Егорова Р. Е. К вопросу о соотношении права на разумный срок уголовного судопроизводства и принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство России: современное

В этом процессе, помимо рассмотрения непосредственно уголовных дел, важную роль играет и рассмотрение судом материалов (по ходатайствам органа расследования на стадии досудебного производства).

Качество рассмотрения представляемых суду материалов в контексте справедливости, объективности, конституционности, законности и т.п. принимаемых судом решений напрямую зависит от их полноты, под которой следует понимать не столько количество (объем), сколько ту степень отраженности значимых для разрешения того или иного вопроса данных (сведений), для которого они (материалы) и поданы.

Здесь возникает ряд сложностей и проблем, требующих обсуждения, проработки и разрешения.

Прежде всего, кто именно должен представлять в судебном заседании обозначенные материалы?

Статья 15 УПК РФ закрепляет состязательность сторон в уголовном процессе, но имеет место неопределенность в механизме ее реализации.

Нередко наблюдаются случаи (так часто, что можно говорить уже о сложившейся практике) непредставления суду материалов (не оглашения их в судебном заседании, а только лишь зачитывания следователем ходатайства). Законом это не урегулировано и, как следствие, не запрещено.

Примером проблемности и законодательной неопределенности анализируемых правоотношений в рамках уголовного судопроизводства может служить следующий судебный прецедент.

2 июня 2022 г. Змеиногорский городской суд Алтайского края рассмотрел материал (№ 3/1-4/2022) с ходатайством следователя об избрании Х., подозревавшейся в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 105 УК РФ, меры пресечения.

Помимо прочего, орган следствия указал, что свидетелями преступления являются знакомые подозреваемой, в связи с чем, по мнению органа следствия, Х. в случае нахождения на свободе будет иметь возможность воздействовать на свидетелей и тем самым воспрепятствовать установлению истины по делу.

Учитывая обстоятельства, следователь свое ходатайство поддержал в полном объеме, попросил его удовлетворить, отметив, что в ходатайстве неверно указаны номер дела (пропущено два нуля), Ф. И. О., дата рождения подозреваемой, и попросив устранить все неточности и исправить ошибки. Пояснил, что домашний арест не может быть избран, поскольку подозреваемой никто не сможет приносить продукты питания и предметы личной гигиены, а также что подозреваемая участвовала в проверке показаний на месте, в ходе которой подробно изложила обстоятельства произошедшего, а при задержании позвонила своей родственнице, которая находится в ином населенном пункте Алтайского края, что свидетельствует о возможности подозреваемой скрыться. Об этом, по его мнению, свидетельствует и то, что подозреваемая состоит на учете у врача-психиатра с определенным диагнозом, ввиду чего она может продолжить совершать противоправные деяния.

Прокурор посчитал ходатайство следователя не подлежащим удовлетворению, так как законных оснований для этого нет. Указал, что не представлено каких-либо доказательств и (или) материалов, свидетельствующих о том, что Х. может оказать противодействие следствию либо скрыться.

Подозреваемая и ее защитник просили в судебном заседании ходатайство не удовлетворять.

На предложение суда представить какие-либо материалы в обоснование заявленного ходатайства стороны их (материалов) не представили. Прокурор пояснил, что дело по существу не

состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конференции (г. Краснодар, 9–10 апреля 2020 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 134–138. EDN: PEDICQ.

³ Исакова Э. Ф. Принцип неразглашения тайны следствия и адвокатской тайны в рамках уголовного процесса // Правовая позиция. 2023. № 6 (42). С. 58–65. EDN: MDUWSX.

рассматривается, поэтому доказательств он не представляет. Следователь ограничился только оглашением ходатайства (с уточнениями).

Проанализировав ситуацию и сославшись на положения ст. 15 УПК РФ, в частности на то, что суд не вправе самостоятельно собирать доказательства и иные материалы для разрешения ходатайства, суд не нашел оснований для удовлетворения ходатайства, мотивировав свое решение следующим образом.

Учитывая, что уголовно-процессуальное законодательство осуществляется на основе принципов состязательности сторон, и то, что ни прокурором, ни следователем каких-либо материалов для изучения не заявлено, суд исходил из того, что материалы стороной обвинения не представлены.

Суд учел, что, согласно оглашенным анкетным данным, подозреваемая является гражданкой России. Доказательств намерения подозреваемой совершить указанные действия также не представлено.

Подозреваемой подана явка с повинной, следователь пояснил, что она участвовала при проверке показаний на месте, где подробно изложила обстоятельства произошедшего, что также не свидетельствует о ее намерении скрыться от органов следствия и суда, скрыть доказательства либо иным образом препятствовать расследованию.

Как видим, суд счел доводы органа следствия о том, что подозреваемая, находясь на свободе, может оказать воздействие на свидетелей и воспрепятствовать установлению истины по делу, бездоказательными.

Тот факт, что при задержании подозреваемая звонила родственнику, не говорит о ее намерении скрыться — это всего лишь реализация ее права (ч. 3 ст. 46 УПК РФ).

Угрозы и воспрепятствование следствию — не более чем предположения, и в представленных материалах они отсутствуют. При этом факт знакомства подозреваемой со свидетелями, по мнению суда, не мог означать оказания на них

давления и воспрепятствования следствию. Тем более что эти свидетели уже были допрошены (на момент рассмотрения судом ходатайства) и они не сообщали, что Х. пыталась оказывать либо оказывала на них какое-либо давление.

Кроме того, в ходатайстве были неверно указаны Ф. И. О. подозреваемой. Следователем в судебном заседании сделано соответствующее уточнение. При этом суд полагал, что ходатайство должно было быть изначально представлено на надлежащее лицо и вместе с материалами, его подтверждающими, чего сделано не было.

Судом учтены личность подозреваемой, наличие у нее малолетнего ребенка, не достигшего возраста одного года. Исходя из пояснений подозреваемой, что сторонами не опровергнуто, ребенок на момент рассмотрения ходатайства оставлен с малознакомым родственником.

В итоге суд первой инстанции указал на непредставление (неоглашение) доказательств (материалов), сославшись при этом на отсутствие оснований по существу ходатайства, а также на разъяснения, изложенные Верховным Судом РФ в постановлении Пленума от 19.12.2013 № 41⁴.

Доказательств для избрания испрашиваемой меры пресечения, как указано в постановлении суда, органом следствия в судебном заседании при рассмотрении материала не представлено (не заявлено и никем не оглашено).

Оснований для избрания другой меры пресечения суд не нашел, приведя следующие доводы.

Личное поручительство, залог и домашний арест нецелесообразны к применению в рассматриваемом случае, так как не позволят в должной мере контролировать подозреваемого. Оснований для избрания какой-либо меры пресечения, а равно материалов в ее обосновании стороны не представили.

Условий для возможности и целесообразности применения какой-либо меры пресечения сторонами не определено.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014 г. № 2.

То обстоятельство, что подозреваемая состоит на учете у врача с определенным диагнозом, не повлияло на решение суда.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства в полном объеме, поскольку не представлены (не оглашены) материалы, приложенные к постановлению о возбуждении ходатайства, суд не взял на себя функцию стороны обвинения и не стал зачитывать представленные копии материалов уголовного дела⁵.

Таким образом, суд отказал органу следствия в заявленном ходатайстве.

Постановление суда обжаловано. Апелляционная инстанция не согласилась с выводами Змеиногорского городского суда Алтайского края (постановление от 14.06.2022 по делу № 22-2765/2022).

Алтайский краевой суд указал на немотивированность постановления суда первой инстанции (ввиду того, что материалы не исследовались).

Как вытекает из дела, следователем к ходатайству приложены и в суд представлены материалы, содержащие, по мнению следственного органа, сведения, подтверждающие необходимость заключения Х. под стражу. Однако, согласно протоколу судебного заседания, письменные доказательства в судебном заседании не исследовались, хотя препятствий для этого у суда не имелось, даже при соблюдении положений ст. 15 УПК РФ (позиция суда апелляционной инстанции).

Притом, как подчеркнул Алтайский краевой суд, сославшись на п. 2 ПП ВС № 41, при рассмотрении данного вопроса суд первой инстанции должен был изучить все материалы и дать им оценку, иное существенно нарушило права участников и повлияло на выводы суда первой инстанции.

В соответствии с п. 5 указанного ПП ВС о том, что лицо может скрыться от предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обви-

нения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Алтайский краевой суд посчитал выводы суда первой инстанции преждевременными.

Несоблюдение судом первой инстанции процедуры судопроизводства, выразившееся в нарушении порядка рассмотрения данного вопроса (ст. 108 УПК РФ) и разъяснений п. 3 ПП ВС № 41, явилось существенным нарушением уголовно-процессуального закона, так как, по мнению суда апелляционной инстанции, нарушена процедура судебного разбирательства.

На основании изложенного Алтайский краевой суд счел нарушения существенными, постановление Змеиногорского городского суда Алтайского края отменил, материалы направил на новое рассмотрение (поскольку сам рассмотреть не смог в силу закона, учитывая, что вопрос сначала должен был быть рассмотрен судом первой инстанции), апелляционное представление прокурора удовлетворил⁶.

Из этого можно однозначно заключить, что обеспечение представления материалов в ходе уголовного судопроизводства имеет важное значение и требует процессуальной регламентации, которая в настоящее время отсутствует в силу того, что, согласно позиции суда первой инстанции, уголовно-процессуальное законодательство реализуется на основе состязательности и суд сам не вправе представлять доказательства (материалы) для изучения; с другой стороны, по мнению упомянутого выше суда апелляционной инстанции, если такие материалы стороной обвинения (прокурором либо органом расследования) не представлены, суд первой инстанции сам должен изучить (фактически представить) в судебном заседании приложенные к ходатайству материалы (доказательства).

Стоит отметить, что при новом рассмотрении указанного материала (ходатайства следователя) Змеиногорским городским судом Алтайского края 22 июня 2022 г. в удовлетворении ходатайства также отказано⁷.

⁵ См.: Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края (материал № 3/1-4/2022).

⁶ См.: Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края (материал № 3/1-4/2022).

⁷ См.: Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края (материал № 3/1-6/2022).

Налицо проблема и процессуальная неопределенность в вопросах представления суду материалов в рамках различного рода ходатайств, в том числе связанных с мерой пресечения.

Проблема эта со всей очевидностью вызвана конкуренцией гласности и состязательности в уголовном процессе.

Для решения подобных проблем и устранения неопределенностей целесообразно на законодательном уровне закрепить обязанность стороны обвинения (прокурора и (или) органа расследования) именно в судебном заседании представлять (путем оглашения, в частности) доказательства (материалы), в том числе приложенные к соответствующему постановлению о возбуждении перед судом ходатайства. В ином случае (при ситуации, которая имеет место в настоящее время, учитывая приведенную апелляционную судебную практику) должностные лица органа расследования могут просто доставить в суд ходатайство с материалами и наряду с прокурором быть слушателями судебного заседания (пока суд зачитывает, т.е., по сути, представляет сам себе доказательства), но не участниками, выполняющими функции стороны обвинения, представляющей суду доказательства в обоснование соответствующего ходатайства.

Проблемным и очень тесно связанным с вышеуказанным является вопрос обеспечения тайны следствия при представлении суду материалов, подтверждающих заявленное ходатайство.

Так, закон, положения о разумности и справедливости, а также описанные выше судебные прецеденты требуют от органа следствия надлежащим образом обосновывать ходатайство представленными суду материалами, в частности их содержанием, изучение части из которых может нанести ущерб тактике (тайне) расследования.

Вместе с тем, исходя из требований этого же закона, стороны, в том числе сторона обвинения, вправе знакомиться с представленными

суду материалами, что зачастую вызывает у органа расследования когнитивный диссонанс, ввиду того что от данного органа требуют полноты и убедительности представленной совокупности материалов и в то же время — сохранения тайны следствия, что противоречит друг другу (конкуренция полноты и тайны следствия).

Выходом из такой ситуации может стать компромиссный вариант: суду орган расследования представляет некоторые материалы в режиме ограниченного доступа, т.е. без предоставления доступа всем участникам процесса, в том числе в электронном виде (через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) — для личного ознакомления только судом). Данное предложение хорошо впишется в развитие концепции электронного уголовного дела, что уже давно обсуждается различными учеными⁸.

Это, возможно, ограничит реализацию принципов гласности и состязательности сторон, однако позволит суду, принимающему решение по материалу, убедиться в обоснованности ходатайства, что обеспечит не только тайну следствия, но и законность, а также обоснованность принимаемого по рассматриваемому ходатайству судом решения, поскольку представленные негласно материалы наверняка удачно дополнят те, которые представлены в открытом виде.

Кроме того, для изучения ряда вопросов, в частности об имущественном положении участников уголовного судопроизводства, весьма полезным будет использование судом доступных ему программных средств, например ГАС «Правосудие», которые (ПИ СДП, Модуль ДО в том числе) позволяют запросить и получить значимую для рассмотрения материалов информацию, а именно сведения:

- ЕГРН;
- ФНС (о банковских счетах (вкладах и депозитах), доходах, задолженности, ИНН и ЕГРЮЛ);
- Социального фонда России (СНИЛС с дополнительными данными);

⁸ Гарипов Т. И., Моругина Н. А. Анализ зарубежного опыта применения электронного уголовного дела в процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 585–594. DOI: 10.37973/KUI.2021.31.82.021. EDN: PGLLSN.

— МВД РФ (действительность паспорта, паспортное досье, регистрационное досье) и т.п.

Исходя из судебной практики, эти возможности используются крайне редко.

Применение указанных средств (электронных ресурсов) и внедрение предложенных алгоритмов, связанных с представлением суду

доказательств, значительно улучшит качество судебного производства не только по материалам, но и (в аспекте изучения имущественного положения участников уголовного судопроизводства с помощью электронных баз данных) при рассмотрении уголовных дел по существу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриенко Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2022. — 270 с. — EDN: ZCBWQR.
2. Гарипов Т. И., Моругина Н. А. Анализ зарубежного опыта применения электронного уголовного дела в процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 12. — № 4 (46). — С. 585–594. — DOI: 10.37973/KUI.2021.31.82.021. — EDN: PGLLSN.
3. Егорова Р. Е. К вопросу о соотношении права на разумный срок уголовного судопроизводства и принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 9–10 апреля 2020 г.) — Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. — С. 134–138. — EDN: PEDICQ.
4. Исакова Э. Ф. Принцип неразглашения тайны следствия и адвокатской тайны в рамках уголовного процесса // Правовая позиция. — 2023. — № 6 (42). — С. 58–65. — EDN: MDUWSX.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrienko Yu. A. Obespechenie sledovatelem bystryoty i polnoty predvaritelnogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2022. — 270 s. — EDN: ZCBWQR.
2. Garipov T. I., Morugina N. A. Analiz zarubezhnogo opyta primeneniya elektronnoy ugolovnoy dela v protsessualnoy deyatel'nosti organov predvaritelnogo rassledovaniya i suda // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — T. 12. — № 4 (46). — S. 585–594. — DOI: 10.37973/KUI.2021.31.82.021. — EDN: PGLLSN.
3. Egorova R. E. K voprosu o sootnoshenii prava na razumnyy srok ugolovnoy sudoproizvodstva i printsipa razumnogo sroka ugolovnoy sudoproizvodstva // Ugolovnoye sudoproizvodstvo Rossii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Krasnodar, 9–10 aprelya 2020 g.) — Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. — S. 134–138. — EDN: PEDICQ.
4. Isakova E. F. Printsip nerazglasheniya tayny sledstviya i advokatskoy tayny v ramkakh ugolovnoy protsessa // Pravovaya pozitsiya. — 2023. — № 6 (42). — S. 58–65. — EDN: MDUWSX.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.137-147

А. А. Хайдаров*

Ознакомление обвиняемого и его защитника с заключением эксперта в отечественном уголовном процессе: пробелы в праве и коллизии в практике

Аннотация. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает обязанности следователя знакомить подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с заключением эксперта непосредственно после его получения. Одновременно в УПК РФ отсутствует указание на возможность ограничения права стороны защиты на ознакомление с заключением эксперта. Сторона защиты и сторона обвинения могут злоупотреблять своими правами. Автор убежден, что право обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта может быть ограничено только по судебному решению в порядке ст. 125 УПК РФ, так же как и стороне защиты должно быть гарантировано право ознакомления с этим заключением в рамках предварительного расследования. В статье предлагаются пути решения данной проблемы путем дополнения ст. 206 УПК РФ частью 3, где предусматривалась бы возможность ограничения права обвиняемого и его защитника на ознакомление с заключением эксперта только на основании судебного решения, которым бы устанавливался определенный срок для ознакомления, причем только при наличии оснований для этого.

Ключевые слова: права обвиняемого; ограничение прав обвиняемого; судебный контроль; ознакомление с заключением эксперта; усмотрение следователя; право на защиту; заключение эксперта; пробел в праве; злоупотребления правом; сторона защиты.

Для цитирования: Хайдаров А. А. Ознакомление обвиняемого и его защитника с заключением эксперта в отечественном уголовном процессе: пробелы в праве и коллизии в практике // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 137–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.137-147.

Access to Expert Opinions for the Accused and Defense Counsel in Russian Criminal Proceedings: Gaps in Law and Judicial Practice Conflicts

Albert A. Khaidarov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute (Branch), Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation
skywriter_al@mail.ru

Abstract. Russian criminal procedure law does not explicitly require investigators to promptly disclose expert opinions to the suspect (accused) and their defense counsel upon receipt. At the same time, the Criminal Procedure

© Хайдаров А. А., 2025

* Хайдаров Альберт Анварович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета
Мира просп., д. 68/19 (1/18), г. Набережные Челны, Российская Федерация, 423810
skywriter_al@mail.ru

Code of the Russian Federation lacks provisions allowing restrictions on the defense's right to access such expert opinions. Both the defense and the prosecution may abuse their rights. The author argues that any restriction on the right of the accused to access an expert opinion should be permissible only by court order under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is also necessary to provide guarantees to the defense to become familiar with the expert's opinion as part of the preliminary investigation. The paper proposes amending Article 206 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by introducing a new Part 3, which would permit restricting the accused and his defense attorney's access to expert opinion solely by judicial authorization. The said court decision could set a specific timeframe for familiarization with the expert's opinion, provided justified grounds exist.

Keywords: rights of the accused; restriction of defendants' rights; judicial oversight; access to expert opinion; investigator's discretion; right to defense; expert opinion; legal gap; abuse of right; defense counsel.

Cite as: Khaidarov AA. Access to Expert Opinions for the Accused and Defense Counsel in Russian Criminal Proceedings: Gaps in Law and Judicial Practice Conflicts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):137-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.137-147.

Проблема защиты прав подозреваемого (обвиняемого) при ознакомлении с заключением эксперта не является новой для уголовного процесса. В частности, на нее обращали внимание А. Т. Анешева, В. В. Горский, М. В. Горский, Ж. А. Полянова¹. По вопросу об одновременном ознакомлении стороны защиты с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта высказывались И. Н. Чеботарева² и ряд других авторов³.

В отечественном уголовном судопроизводстве законодательно установлена обязанность следователя, дознавателя и суда не только разъяснять подозреваемому (обвиняемому) их права, обязанности и ответственность, но и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ст. 11 УПК РФ).

В соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый имеет право знакомиться с заключением эксперта. В статье 206 УПК РФ сказано, что заключение эксперта должно предъявляться следователем подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику. При этом следователь обязан разъяснить право этих участников ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы.

Однако уголовно-процессуальный закон не указывает, в какой срок следователь должен ознакомить с заключением обвиняемого, какой срок предоставляется обвиняемому для ознакомления с заключением эксперта, а также не устанавливает возможные ограничения этого права. Кроме этого, не урегулирован вопрос о том, в какой момент предварительного рас-

¹ Анешева А. Т. Правовое регулирование процедуры ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта нуждается в совершенствовании // Российский судья. 2020. № 8. С. 43–44; Горский В. В., Горский М. В. Проблемы применения адвокатом специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 8; Полянова Ж. А. Права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при производстве судебной экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 161–170.

² Чеботарева И. Н. Проблемы реализации защитником прав по участию в производстве судебной экспертизы // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 4.

³ Ершова Г. В., Парфенов Ю. А., Сапожников К. В. Судебно-медицинская экспертиза оценки тяжести вреда здоровью в современном уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 11. С. 26–30; Лазарева В., Лапузин А. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание признания заключения эксперта недопустимым доказательством // Уголовное право. 2009. № 1. С. 99–104; Белоковыльский М. С. Участие адвоката в проверке и оценке допустимости заключения эксперта в уголовном процессе: анализ соблюдения требований закона в стадии назначения судебной экспертизы // Адвокат. 2008. № 10. С. 44–50.

следования следователь должен ознакомить обвиняемого с заключением эксперта: 1) непосредственно после получения заключения; 2) в любой момент предварительного расследования; 3) допускается ознакомление в рамках ознакомления с материалами уголовного дела. В УПК РФ не определен порядок ознакомления обвиняемого с заключением эксперта, а имеется лишь указание на необходимость этого в ст. 47.

Приведем примеры из следственно-судебной практики для подтверждения тезиса о наличии проблемы в данной области уголовно-процессуальных правоотношений.

В первом примере военный следователь Следственного комитета не знакомил с уже полученным заключением эксперта обвиняемого и его защитника. Адвокат обратился с жалобой на действия следователя в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, но суд отказал ему в удовлетворении. При этом суд первой инстанции отметил, что следователь имеет процессуальную самостоятельность в производстве предварительного следствия, и подчеркнул, что возможность ознакомиться с заключением экспертов будет предоставлена подозреваемому и его защитнику при ознакомлении с материалами дела в порядке ст. 215–217 УПК РФ. Далее адвокат обжаловал решение суда первой инстанции. Суд апелляционной инстанции признал бездействие следователя незаконным и обязал устранить допущенные нарушения. Положения ст. 38 УПК РФ, по мнению суда апелляционной инстанции, не исключают необходимости выполнения следователем всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве⁴. Автор статьи убежден, что ознакомление с заключением эксперта на этапе ознакомления с материалами дела суще-

ственно ограничивает права обвиняемого и его защитника. В литературе описано много успешных кейсов адвокатов, когда им удавалось оспорить выводы заключения эксперта⁵. У адвоката должно быть время обратиться к специалисту за консультацией по поводу заключения эксперта и попросить его подготовить заключение по запросу адвоката с целью поставить под сомнение выводы экспертизы, выполненной по постановлению следователя, ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной экспертизы.

Изучение судебной практики показывает, что проблема позднего ознакомления с заключением эксперта актуальна и при рассмотрении уголовного дела по существу, подсудимые обращают на это внимание в своих жалобах на приговоры. Например, подсудимый А. в своей апелляционной жалобе указывал, что в нарушение требований УПК РФ следователь ознакомил его с заключением эксперта не сразу, а только при ознакомлении со всеми материалами уголовного дела, что лишило его возможности задать интересующие вопросы эксперту⁶.

Следователи в практической деятельности по своему усмотрению трактуют положения ст. 47 и 206 УПК РФ.

Следственную практику ознакомления обвиняемого с заключением эксперта только в рамках ст. 217 УПК РФ считаем незаконной⁷. На данную проблему обращали внимание процессуалисты. А. Т. Анешева пишет о том, что вопрос ознакомления с заключением эксперта не регламентирован надлежащим образом, а именно: в законе отсутствует указание на сроки выполнения следователем этого действия. В. В. Горский и М. В. Горский пишут, что в данном вопросе им «импонирует предложение О. Я. Баева и М. О. Баева о дополнении действующего УПК РФ положениями о наде-

⁴ Нагорная М. Адвокат добился ознакомления с заключением экспертизы по уголовному делу в отношении его доверителя // Адвокатская газета. 10.06.2010.

⁵ Кириленков Ю. В. Специалист помог защите опровергнуть тяжкий вред здоровью и добиться прекращения дела // Уголовный процесс. 2023. № 12. С. 79–81.

⁶ Апелляционное определение Тверского областного суда от 28.02.2023 по делу № 22-326/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Анешева А. Т. Указ. соч. С. 43–44.

лении следователя обязанностью знакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника с заключением эксперта или его сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта не позднее 10 дней до объявления обвиняемому об окончании предварительного расследования по уголовному делу»⁸. Следует поддержать этих авторов и рекомендовать внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон.

Если такие нарушения будут выявлены стороной защиты, мы рекомендуем их представителям обращаться в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом они могут подчеркнуть, что следователь не ознакомил обвиняемого и его защитника с заключением эксперта. В судебной практике выносятся решения, подтверждающие, что отказ следователя в ознакомлении с заключением экспертов подлежит обжалованию в порядке ст. 125, а сам отказ включен в предмет обжалования в порядке этой статьи⁹.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну проблему, которую пока подробно не рассмотрели ученые-процессуалисты. Как нам представляется, они, безусловно, связаны между собой. Проблема заключается в том, что в практической деятельности следователей имеются факты умышленного затягивания сроков предварительного следствия обвиняемыми, которые знакомятся в течение длительного времени с заключениями эксперта, а уголовно-процессуальное законодательство не позволяет следователю ограничивать это право по судебному решению. Иными словами, если уголовно-процессуальный закон не запрещает, то сторона защиты пользуется своими правами в полной мере. В следственно-судебной практике следователи, не желая мириться с подобной трактовкой УПК РФ, выносят от своего имени постановления об ограничении права обвиняемого

и вручают бумажную либо электронную копию заключения эксперта подозреваемому (обвиняемому). Хотя действующее уголовно-процессуальное законодательство не позволяет следователю ограничивать право обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта. Кроме этого, уголовно-процессуальным законом не предусмотрено и обращение следователя в суд с ходатайством об ограничении указанного права обвиняемого, как это принято делать, если сторона защиты злоупотребляет своим правом на ознакомление с материалами дела на заключительной фазе расследования.

Приведем практический пример для наглядной демонстрации выявленной нами проблемы. Так, по одному изученному уголовному делу следователем была назначена компьютерная техническая экспертиза. Объем экспертизы составил около 35 томов, более 8 тыс. листов. Следователем была предоставлена возможность ежедневного ознакомления с заключением эксперта, однако за полтора года обвиняемый ознакомился лишь с 18 томами дела. Следователь принял решение обратиться в суд для ограничения права обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта. Суд районного уровня отказал в принятии ходатайства об ограничении указанного права. Тогда следователь вынес постановление самостоятельно, вручив бумажные и электронные копии заключения эксперта. Адвокат обвиняемого обратился в районный суд с жалобой на действия следователя, настаивал на признании незаконным постановления следователя об ограничении и установлении ему срока для ознакомления с заключением экспертизы по уголовному делу. Судья районного суда оставил без удовлетворения жалобу адвоката¹⁰. Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменений¹¹.

⁸ Горский В. В., Горский М. В. Указ. соч. С. 8 ; Баев О. Я., Баев М. О. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних : учебное пособие. Воронеж, 2002.

⁹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20.10.2021 по делу № 10-21138/2021.

¹⁰ Постановление Октябрьского районного суда г. Саратова от 05.11.2015 № 3/10-31-244/2015 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 10.02.2024).

¹¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 30.12.2015 № 22К-4101/2015 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 10.02.2024).

Из этого следует, что в уголовно-процессуальном законе не полностью урегулирован порядок ознакомления обвиняемого и его защитника с заключением эксперта. В практической деятельности это может приводить к злоупотреблениям со стороны защиты (обвиняемый может затягивать срок ознакомления с заключением эксперта) и к незаконному ограничению прав обвиняемого и его защитника со стороны следователей (дознавателей), выражающемуся в непредоставлении разумного срока и необеспечении условий для ознакомления с заключением эксперта.

Проблема возникает потому, что заключения экспертов по уголовным делам имеют значительный объем. Можно отметить тенденцию к увеличению их объема, связанную с усложнением способов совершения отдельных видов преступления, с использованием преступниками автоматизированных систем по реализации товаров, запрещенных в гражданском обороте, с включением в оплату товаров криптовалюты и т.д.

Например, объем экспертных заключений по делам о незаконном обороте наркотиков может достигать нескольких десятков томов, прежде всего в силу того, что преступниками создаются так называемые боты в мобильных приложениях, на сайтах по продаже наркотиков, а также магазины по продаже наркотиков, которые работают в автономном режиме. При этом указанные боты (виртуальные магазины, приложения и т.д.) могут работать на территории отдельно взятого города, отдельно взятого субъекта Федерации, нескольких субъектов Федерации либо иметь международную сеть реализации товаров, запрещенных в гражданском обороте. Поэтому следователи при назначении экспертиз ставят много вопросов перед экспертами. Максимальное количество страниц

одного заключения эксперта, которое автору удалось обнаружить, составило почти 10 тыс. Аналогичная ситуация складывается с объемом заключений экспертов и по уголовным делам других категорий, например по экономическим составам преступлений. На проблему ознакомления с объемными заключениями экспертов по различным категориям дел обращается внимание в литературе¹².

Основной вопрос, который сразу возникает у читателя, — это возможность ограничения прав обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта при затягивании сроков расследования в рамках судебного контроля и наличии правового основания для этого. Мы этот вопрос адресовали практикам — следователям. А обращаются ли они в суд за судебным решением об ограничении сроков ознакомления с массивными заключениями экспертов?

Второй вопрос, который возник у автора и может возникнуть у читателя: насколько проблема актуальна и системна, достойна ли она описания и решения на страницах юридической печати?

Оказалось, что следователи ОВД, которых опросил автор в ходе исследования¹³, действительно сталкиваются с проблемой затягивания времени ознакомления обвиняемых с заключениями экспертов, а также с практикой отказа судов в удовлетворении ходатайства на том основании, что у суда нет подобных полномочий в УПК РФ. Ссылки следователей на урегулированность сходных правоотношений при затягивании процесса ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемым неубедительны для суда. Автором не было найдено ни одного решения, которым бы ограничивалось право обвиняемых на ознакомление с заключением экспертов по судебному решению. Приходим пока к промежуточному выводу о том, что проблема

¹² Лукьянов С. С. Проблемные вопросы определения компетенции суда по принятию процессуальных решений при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2024. № 5. С. 21; Шестак В. А. Поддержание военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // Российский следователь. 2017. № 16. С. 19–23.

¹³ Опрос проводился в 2023 г., опрашивались следователи МВД Приволжского федерального округа, количество респондентов составило 107 человек.

имеет место, она системна, она не решается по аналогии. Говоря об аналогии, автор имеет в виду судебное ограничение ознакомления стороны защиты с материалами уголовного дела.

Опрос следователей также показал, что, во-первых, во всех подобных случаях следователи самостоятельно ограничивали право на ознакомление с заключением эксперта; во-вторых, ограничение прав подозреваемого (обвиняемого) производилось следующими способами:

а) следователь выносит от своего имени постановление, в котором указывает, что в связи с затягиванием обвиняемым времени ознакомления с заключением эксперта проведение по делу процессуальных действий, направленных на окончание расследования, было невозможно. При этом он ссылается на длительный срок ознакомления (максимальный срок ознакомления с заключением эксперта, который удалось установить, составил 18 месяцев), объем заключения эксперта, предоставленные возможности для ознакомления. В заключение делается вывод о том, что обвиняемый умышленно затягивал время ознакомления и злоупотребил своим правом;

б) следователь изготавливает копию заключения эксперта в бумажном варианте либо записывает это заключение на электронный носитель (флешка, CD -диск и т.д.), в ходе очередного составления протокола ознакомления обвиняемого с заключением эксперта указывает, что обвиняемому была вручена копия заключения ввиду затягивания процесса ознакомления, и прекращает ознакомление. Некоторые следователи берут расписку о получении копии заключения эксперта. Далее следователь продолжает расследование и выполнение необходимых процессуальных действий по делу. Эти следователи считают, что в соответствии с ч. 1 ст. 206 УПК РФ они обязаны лишь *предъявить* заключение эксперта, но не ознакомить с ним. Диспозиция ч. 1 ст. 206 УПК РФ, по их мнению, выполнена с момента передачи копии заключения эксперта в бумажном либо электронном варианте. В этой связи хотелось бы заметить, что передача заключения эксперта на электронном носителе обвиняемому, который находится в следственном изоляторе, не позволит ему

полноценно ознакомиться с этим документом в указанных условиях. Он должен быть обеспечен компьютером, планшетом, устройством для чтения электронных книг, что не всегда возможно по объективным причинам;

в) в третьем варианте следователь дожидается окончания предварительного расследования и предъявляет заключение эксперта только при ознакомлении с уголовным делом, видимо, опасаясь затягивания сроков расследования в процессе ознакомления. А уже в рамках ознакомления с материалами уголовного дела следователь ограничивает права обвиняемого в порядке ст. 125 УПК РФ по необходимости. Стоит напомнить, что в данной ситуации не выполняются условия, предусмотренные частью 1 ст. 206 УПК РФ;

г) в отдельных случаях, когда обвиняемые затягивали ознакомление с заключением эксперта, объем которого незначителен, следователи оглашали текст заключения и делали об этом отметку в протоколе ознакомления. При планировании такого оглашения следователь приглашает двух понятых, читает при понятых заключение и вручает копию обвиняемому. Если обвиняемый отказывается подписывать протокол ознакомления с заключением эксперта, то следователь делает отметку «от подписи отказался», удостоверяя ее подписями понятых и адвоката.

Мнения опрошенных практических работников органов следствия и прокуратуры разделились. Ряд их считает, что следователь обязан *знакомить* с заключением эксперта обвиняемого, другие же полагают, что закон этого не требует, и руководствуются статьей 206 УПК РФ, где сказано, что следователь *предъявляет* заключение эксперта. Получается, что одни следователи на протяжении многих месяцев знакомят обвиняемых с заключением эксперта, другие же просто вручают им бумажные либо электронные копии, разъясняя права, предусмотренные статьей 206.

Об одном таком случае, когда следователь просто вручил копии заключений эксперта без вынесения постановления об ограничении права обвиняемого на ознакомление, нам стало известно при изучении решения Консти-

туционного Суда РФ от 05.02.2015 № 257-О¹⁴. Защитник обвиняемого Ш. обжаловал в порядке ст. 125 УПК РФ законность действий следователя, который, как указывалось в жалобе, ознакомил заявителя с постановлениями о назначении судебных экспертиз после их проведения, не составил при этом соответствующего протокола и вручил обвиняемому копии заключений эксперта. Постановлением судьи районного суда данная жалоба была оставлена без удовлетворения: суд пришел к выводу, что следователь не совершил незаконных или необоснованных действий и права обвиняемого не нарушил. С таким выводом согласился и Московский городской суд, указав в апелляционном постановлении, что при ознакомлении обвиняемого и его защитника с постановлениями о назначении судебных экспертиз и *вручении копий 235 судебных экспертиз* (курсив мой. — А. Х.) им были разъяснены права, гарантированные статьей 198 УПК РФ, в том числе право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы. Таким образом, практика вручения копий в ходе ознакомления с заключением эксперта существует наряду с практикой ознакомления с ним обвиняемого следователем.

Выявленные противоречия в следственно-судебной практике свидетельствуют об актуальности изучаемой проблемы. Не в полной мере соотносится с принципами уголовного процесса и действующими положениями УПК РФ существующая практика разного уровня гарантированности прав обвиняемого на защиту при ознакомлении его с заключением эксперта. Можно сказать определенно — она незаконна. Следователи, прокуроры не должны по своему усмотрению толковать уголовно-процессуальный закон в части ограничения прав обвиняе-

мого на защиту. Подобные вопросы должны быть жестко урегулированы действующим уголовно-процессуальным законодательством, ограничение прав обвиняемого допустимо в рамках судебного контроля при наличии к тому оснований, которые должен проверить судья. Ученые-процессуалисты не ставят под сомнение эффективность судебного контроля на досудебном производстве в уголовном процессе России¹⁵.

По нашему мнению, в такой ситуации справедливо говорить о необходимости ознакомления с заключением эксперта обвиняемых и их защитников с обеспечением такой возможности следователем непосредственно после получения этого заключения. Хотя мы допускаем возможность более позднего времени ознакомления исходя из тактических соображений, но обязательно до момента окончания предварительного расследования. Мы негативно относимся к практике вручения следователем копии заключения эксперта в бумажном и электронном виде обвиняемому с фиксацией этого факта в протоколе. Не совсем ясно, как должен знакомиться с заключениями эксперта обвиняемый, содержащийся в следственном изоляторе. Например, когда речь идет о многотомных заключениях компьютерной технической экспертизы с данными на несколько гигабайт, которые следователь передает ему на флешке. Здесь, по нашему мнению, игнорируется требование закона об обеспечении прав обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта.

Очевидно, что практика ознакомления с заключением эксперта только в ходе ознакомления с материалами дела также не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства и не позволяет в полной мере реализовать право обвиняемого на защиту. В соот-

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 257-О «По жалобе гражданина Шилова Сергея Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 5 ; Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 6–7 ; Епихин А. Ю. Проблемы нового апелляционного порядка судебного контроля по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 4. С. 127.

ветствии со ст. 206 УПК РФ после ознакомления с заключением эксперта следователь обязан разъяснить право обвиняемого ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы. Невыполнение следователем этих правил будет явно свидетельствовать об ущемлении прав обвиняемого. Как нам представляется, суды должны однозначно реагировать на такое нарушение права обвиняемого на защиту, когда уголовное дело будет направлено прокурором в суд, на стадии подготовки дела к судебному заседанию. Это нарушение права обвиняемого допустимо рассматривать как препятствие для дальнейшего рассмотрения дела на стадии судебного разбирательства, а также в качестве основания для возвращения уголовного дела прокурору.

С другой стороны, следователи встречаются со злоупотреблениями со стороны отдельных обвиняемых, которые явно затягивают время ознакомления с заключением эксперта. Ввиду неурегулированности этого вопроса в законе следователи либо вовсе не обращаются в суд, разрешая этот вопрос самостоятельно, либо обращаются в суд, но получают отказ в удовлетворении ходатайства об ограничении права обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта на основании отсутствия такого права у суда в УПК РФ, и они всё равно принимают решение самостоятельно. Обращение следователя в суд с ходатайством об установлении ограничений при ознакомлении с заключением эксперта позволило бы решить обозначенную проблему. В УПК РФ уже урегулированы уголовно-процессуальные отношения, связанные с ограничением прав обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела. В качестве примера можно привести норму уголовно-процессуального закона, содержащуюся в ч. 3 ст. 217. Согласно этой норме следователь вправе обратиться в суд в порядке ст. 125 с ходатайством об ограничении права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела в случае явного затягивания им времени ознакомления с этими материалами. Хотелось бы в заключение статьи еще раз прибегнуть к положениям публичности, содержащимся в уголовно-процессуальном законе.

В уголовном процессе приходится ограничивать некоторые права и законные интересы личности для реализации государственных целей. Мы убеждены, что должна существовать стройная система гарантий защиты прав и законных интересов участников процесса. Должен быть баланс между соблюдением предусмотренных в уголовно-процессуальном законе прав и реализацией предоставленных участникам соответствующих гарантий, в ином случае положения о правах участников процесса останутся декларативными.

Считаем целесообразным распространить указанные правила на ознакомление обвиняемого с заключениями экспертов, предусмотрев порядок и основания ограничения этого правила в ст. 206 УПК РФ.

Предлагаем дополнить ст. 206 новыми частями следующего содержания:

3. Следователь обязан предъявить заключение эксперта подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику за 10 суток до выполнения требований статьи 215 настоящего Кодекса. Следователем должно быть предоставлено право подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику на ознакомление с заключением эксперта без ограничения его продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 статьи 206 настоящего Кодекса.

4. Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с заключением эксперта, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, предусмотренном статьей 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с заключением эксперта. В случае если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с заключением эксперта в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чем выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с заключением эксперта.

Подводя итоги, стоит сказать, что отсутствие законной возможности установления судом для обвиняемого и его защитника определенного срока ознакомления с заключением эксперта используется последними в целях затягивания предварительного следствия, что неизбежно приводит к нарушению прав других лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, на разумный срок уголовного судопроизводства. От этого страдают интересы потерпевших и гражданских истцов, вынужденных дожидаться защиты своих прав. С другой стороны, ввиду недостаточной регламентации этого вопроса следователи не знакомят с заключениями экспертов обвиняемых, вручая им копии. Как мы выяснили, в некоторых случаях они начинают знакомить, но затем принимают решение об ограничении права обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта по своему усмотрению, самостоятельно определяя достаточный срок для ознакомления.

Отсутствие возможностей по ограничению прав обвиняемого нарушает существующий баланс между гарантированностью прав на защиту обвиняемого и выполнением требований закона об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок. Мы не можем согласиться с практикой, когда суды отказыва-

ют следователям в удовлетворении ходатайств об ограничении прав обвиняемых на ознакомление с заключением эксперта, ссылаясь на отсутствие законодательного регулирования, так же как не можем согласиться с тем, что следователи самостоятельно ограничивают право обвиняемого на ознакомление с таким заключением. Считаем, что указанный вопрос должен разрешаться в рамках судебного контроля за деятельностью следователя. Это позволит на более качественном уровне защитить права и законные интересы обвиняемых, а также ограничить усмотрение следователя в вопросах ограничения права на ознакомление с заключением эксперта обвиняемых и их защитников.

Таким образом, ограничение права обвиняемого на ознакомление с заключением эксперта возможно только по судебному решению при осуществлении судебного контроля. Автор рекомендует внести изменения в ст. 206 УПК РФ, предусмотрев возможность ограничения права обвиняемого только на основании судебного решения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, и только при наличии оснований для такого решения, которые и должен проверить судья в рамках судебного заседания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анешева А. Т. Правовое регулирование процедуры ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта нуждается в совершенствовании // Российский судья. — 2020. — № 8. — С. 42–46.
2. Белоковильский М. С. Участие адвоката в проверке и оценке допустимости заключения эксперта в уголовном процессе: анализ соблюдения требований закона в стадии назначения судебной экспертизы // Адвокат. — 2008. — № 10. — С. 44–50.
3. Баев О. Я., Баев М. О. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних : учебное пособие. — Воронеж, 2002. — 57 с.
4. Горский В. В., Горский М. В. Проблемы применения адвокатом специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Эксперт-криминалист. — 2015. — № 3. — С. 6–9.
5. Епихин А. Ю. Проблемы нового апелляционного порядка судебного контроля по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. — 2013. — Вып. 4. — С. 127–131.
6. Ершова Г. В., Парфенов Ю. А., Сапожников К. В. Судебно-медицинская экспертиза оценки тяжести вреда здоровью в современном уголовном судопроизводстве // Российский следователь. — 2019. — № 11. — С. 26–30.

7. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — 520 с.
8. Лазарева В., Лапузин А. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание признания заключения эксперта недопустимым доказательством // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 99–104.
9. Лукьянов С. С. Проблемные вопросы определения компетенции суда по принятию процессуальных решений при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. — 2024. — № 5. — С. 17–22.
10. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 600 с.
11. Нагорная М. Адвокат добился ознакомления с заключением экспертизы по уголовному делу в отношении его доверителя // Адвокатская газета. — 2010. — 10 июня.
12. Полянова Ж. А. Права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при производстве судебной экспертизы : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 219 с.
13. Чеботарева И. Н. Проблемы реализации защитником прав по участию в производстве судебной экспертизы // Адвокатская практика. — 2012. — № 4. — С. 4–6.
14. Шестак В. А. Поддержание военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей // Российский следователь. — 2017. — № 16. — С. 19–23.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anesheva A. T. Pravovoe regulirovanie protsedury oznakomleniya s postanovleniem o naznachenii sudebnoy ekspertizy i zaklyucheniem eksperta nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Rossiyskiy sudya. — 2020. — № 8. — С. 42–46.
2. Belokovylskiy M. S. Uchastie advokata v proverke i otsenke dopustimosti zaklyucheniya eksperta v ugovnom protsesse: analiz soblyudeniya trebovaniy zakona v stadii naznacheniya sudebnoy ekspertizy // Advokat. — 2008. — № 10. — С. 44–50.
3. Baev O. Ya., Baev M. O. UPK RF 2001 g.: dostizheniya, lakuny, kollizii; vozmozhnye puti zapolneniya i razresheniya poslednikh: uchebnoe posobie. — Voronezh, 2002. — 57 s.
4. Gorskiy V. V., Gorskiy M. V. Problemy primeneniya advokatom spetsialnykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve // Ekspert-kriminalist. — 2015. — № 3. — С. 6–9.
5. Epikhin A. Yu. Problemy novogo apellyatsionnogo poryadka sudebnogo kontrolya po ugovnym delam // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2013. — Vyp. 4. — С. 127–131.
6. Ershova G. V., Parfenov Yu. A., Sapozhnikov K. V. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza otsenki tyazhesti vreda zdorovyu v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve // Rossiyskiy sledovatel. — 2019. — № 11. — С. 26–30.
7. Kovtun N. N. Sudebnyy kontrol v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: ponyatie, sushchnost, formy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — N. Novgorod, 2002. — 520 s.
8. Lazareva V., Lapuzin A. Neoznakomlenie zashchitnika s postanovleniem o naznachenii ekspertizy kak osnovanie priznaniya zaklyucheniya eksperta nedopustimym dokazatelstvom // Uголовное право. — 2009. — № 1. — С. 99–104.
9. Lukyanov S. S. Problemnye voprosy opredeleniya kompetentsii suda po prinyatiyu protsessualnykh resheniy pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa // Rossiyskiy sledovatel. — 2024. — № 5. — С. 17–22.

10. Muratova N. G. Sistema sudebnogo kontrolya v ugovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 600 s.
11. Nagornaya M. Advokat dobilsya oznakomleniya s zaklyucheniem ekspertizy po ugovnomu delu v otnoshenii ego doveritelya // Advokatskaya gazeta. — 2010. — 10 iyunya.
12. Polyanova Zh. A. Prava i obyazannosti podozrevaemogo, obvinyaemogo, poterpevshego, svidetelya pri proizvodstve sudebnoy ekspertizy: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2005. — 219 s.
13. Chebotareva I. N. Problemy realizatsii zashchitnikom prav po uchastiyu v proizvodstve sudebnoy ekspertizy // Advokatskaya praktika. — 2012. — № 4. — S. 4–6.
14. Shestak V. A. Podderzhanie voennymi prokurorami gosudarstvennogo obvineniya po ugovnym delam, rassmatrivaemym garnizonnymi voennymi sudami s uchastiem prisyzhnykh zasedateley // Rossiyskiy sledovatel. — 2017. — № 16. — S. 19–23.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.148-156

Е. В. Мальханова*

Бассейновый принцип организации и деятельности прокуратуры

Аннотация. В статье анализируется динамика применения в системе российского права бассейнового подхода к регулированию такой области правоотношений, как использование и охрана водных объектов. Исследуется применение бассейнового подхода при формировании правового режима водных объектов, а также системы уполномоченных органов, осуществляющих непосредственное управление в области использования и охраны вод. Раскрывается влияние бассейнового принципа на структуру природоохранных прокуратур. Рассматривается такой весомый элемент стратегического планирования водохозяйственных мероприятий и сохранения водных экосистем, как схемы комплексного использования и охраны водных объектов (СКИОВО), оценивается влияние бассейновых советов на формирование комплексных схем и водохозяйственную обстановку в конкретном бассейне. Отмечается неэффективность их реализации по причине недостаточной силы контроля, отсутствия органов прокуратуры в составе бассейновых советов. На основе анализа изменений в нормативно-правовом регулировании формируется вывод об ослаблении роли советов, фактическом нивелировании их координационной функции наряду с лишением обязательной силы СКИОВО и отсутствием ответственности за ее неисполнение. В условиях негативной динамики изменения качества вод и сокращения запаса чистой пресной питьевой воды обосновывается значимость получения прокурорами информации об исполнении схем для своевременного принятия мер прокурорского реагирования и судебного понуждения к надлежащему выполнению и учету положений СКИОВО, в том числе при принятии документов социально-экономического развития и территориального планирования регионов, входящих в территориальные границы соответствующего бассейна.

Ключевые слова: природоохранный; прокурор; бассейновый подход; схемы комплексного использования; охрана; водные объекты; мониторинг; Байкал; Монголия.

Для цитирования: Мальханова Е. В. Бассейновый принцип организации и деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 148–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.148-156.

© Мальханова Е. В., 2025

* Мальханова Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, старший помощник Байкальского межрегионального природоохранного прокурора по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе в отставке, старший советник юстиции, соискатель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Ивана Франко ул., д. 23а, г. Иркутск, Российская Федерация, 664074
megalaw_school@mail.ru

The Basin Principle in the Organization and Functioning of the Prosecutor's Office

Elena V. Malkhanova, Senior Lecturer, Department of Civil Law, East Siberian Branch, Russian State University of Justice, Senior Assistant to the Baikal Interregional Environmental Prosecutor for Ensuring the Participation of Prosecutors in Civil and Arbitration Proceedings (Retired), Senior Justice Advisor, Postgraduate, Department of Court, Prosecutorial and Investigative Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Irkutsk, Russian Federation
megalaw_school@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the dynamics of applying the basin approach in the Russian legal system to regulate legal relations in the field of water resource use and protection. It examines the application of the basin approach in shaping the legal regime of water bodies and the system of authorized bodies responsible for direct water management and protection. The influence of the basin principle on the structure of environmental prosecutor's offices is also analyzed. The paper highlights the Schemes for the Integrated Use and Protection of Water Bodies (SKIOVO) as a key element of strategic planning for water management and the preservation of aquatic ecosystems. It further assesses the impact of basin councils on the development of such schemes and the water management situation in specific basins. However, the implementation of these schemes is deemed ineffective due to weak oversight mechanisms and the absence of prosecutors in basin councils. Based on the analysis of changes in the legal framework, the author concludes that the role of basin councils has weakened, their coordinating function has been effectively diminished, and SKIOVO no longer carries mandatory force. Additionally, there is no accountability for non-compliance with these schemes. Against the backdrop of declining water quality and shrinking reserves of clean freshwater, the paper emphasizes the importance of prosecutors obtaining information on the implementation of SKIOVO to take timely legal action and enforce judicial measures ensuring compliance. This includes monitoring the adoption of socioeconomic development and territorial planning documents in regions within the respective basin's boundaries.

Keywords: environmental protection; prosecutor; basin approach; schemes; integrated use; protection; water bodies; monitoring; Baikal; Mongolia.

Cite as: Malkhanova EV. The Basin Principle in the Organization and Functioning of the Prosecutor's Office. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):148-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.148-156.

Роль эффективного управления водными ресурсами, а также достижения целей снижения антропогенного воздействия на водные объекты природоохранными мерами и системой контроля и надзора в условиях возрастающего мирового дефицита пригодных для питьевого водоснабжения ресурсов только возрастает. В управлении водными ресурсами основным и научно обоснованным является бассейновый принцип. Данный принцип заложен в систему правового регулирования использова-

ния и охраны вод с советских времен, он служит базой для формирования правового режима и системы органов, наделенных полномочиями в водных правоотношениях¹.

В труде О. С. Колбасова, которого считают основоположником принципов водного законодательства², содержится утверждение: «Сущность бассейнового принципа состоит в том, что государственное управление использованием и охраной вод осуществляется органами и управлениями, образованными применительно

¹ Амашукели С. А. Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 177–187.

² Долженко В. А. Бассейновый подход как особенность управления в области использования и охраны водных объектов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-1 (14). С. 81–83.

к гидрографическим бассейнам основных внутренних морей, рек, озер»³. Ретроспективный анализ законодательства, регулирующего организацию государственного управления водными и рыбными запасами страны, отражает формирование системы управления на основе водохозяйственного районирования всей территории государства, в котором учтены речные бассейны и водохозяйственные участки.

Именно по бассейновому принципу сформированы бассейновые водные управления Росводресурсов и территориальные управления Росрыболовства. Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды построена с учетом бассейнового подхода при размещении территориальных органов и осуществляет контроль за соблюдением условий деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областей, а также государственный надзор за проведением работ по активному воздействию на метеорологические и другие геофизические процессы. В состав федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении этой Службы, входят пункты наблюдений государственной наблюдательной сети, ведется мониторинг уровня вод и других показателей, что предусмотрено Стратегией деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г.⁴

Действующий Водный кодекс РФ⁵ определяет бассейновые округа как основную единицу управления водными ресурсами исходя из взаимосвязи поверхностных и подземных источников, отсутствия статичности их гидрологического режима, зависимости от водосборной

площади, а бассейновый подход к регулированию водных отношений — как один из основных принципов. В действующей редакции Водного кодекса, с учетом присоединения Республики Крым, закреплён 21 бассейновый округ, границы округов утверждаются Министерством природных ресурсов и экологии РФ в соответствии с методикой, устанавливающей необходимость учета территориального деления площади водосборной территории⁶. Немалый вклад данный подход внес и в формирование системы природоохранных прокуратур. По мнению И. В. Орловской и Д. О. Сивакова, именно бассейновое распределение послужило базой для создания (с закреплением территориальной компетенции) в советский период Каспийской бассейновой прокуратуры (середина 1980-х гг.), а затем и Волжской (1991) межрегиональной природоохранной прокуратуры. Указанные прокуратуры созданы на фоне возрастающих экологических проблем, в частности Волжская — незадолго до наделения Волжско-Камского бассейна статусом экологически неблагоприятного региона⁷.

По итогам возрастающего внутригосударственного и мирового внимания к вопросам экологии в 2017 г., объявленном в России годом экологии, по бассейновому принципу учреждены еще две межрегиональные природоохранные прокуратуры: Амурская и Байкальская.

Ряд ученых полагают необходимым развивать систему природоохранных прокуратур. С 2017 г. обсуждается возможность образования в Арктическом бассейне Полярной прокуратуры, а также переподчинения межрайонных природоохранных прокуратур, действующих в

³ Колбасов О. С. Избранное. М. : Российский государственный университет правосудия, 2017.

⁴ Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 03.09.2010 № 1458-р // СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4850.

⁵ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

⁶ Методика гидрографического районирования территории Российской Федерации, утв. приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 25.04.2007 № 112 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 28. 9 июля.

⁷ Орловская И. В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 1. С. 180–192 ; Сиваков Д. О. Водное право : учеб.-практ. пособие. М. : Юстицинформ, 2007.

настоящее время в составе прокуратур субъектов⁸. Данные прокуратуры появляются по мере накопления экологических проблем и деградации экологических систем как дополнительное усиление государственного воздействия на состояние законности для оздоровления водных объектов и предупреждения дальнейшего ухудшения состояния окружающей среды. Вместе с тем точечное создание бассейновых прокуратур без приведения сети природоохранных прокуратур в единую стройную систему вызывает определенную критику в научных кругах.

И. В. Орловская приходит к выводу о необходимости развития сети природоохранных прокуратур с активным внедрением бассейнового (экосистемного) принципа организации системы природоохранных прокуратур на территориях отдельных экосистем и крупных природных комплексов и уравниванием численности таких прокуратур в каждом из федеральных округов⁹.

По мнению А. А. Демичева, целесообразно создание межрайонных природоохранных прокуратур в каждом субъекте с обязательным включением всех межрайонных природоохранных прокуратур в систему межрегиональных прокуратур. Согласно его концепции, природоохранные прокуратуры подлежат выделению в самостоятельную структурную систему, возглавляемую Главной природоохранной прокуратурой по аналогии с Главной военной прокуратурой¹⁰. Выводы о перспективе такого развития структуры природоохранных прокуратур можно встретить в работах П. Д. Жуковой, М. В. Григорьевой, О. Ю. Масловой, П. М. Матвеевой, Е. Куницыной, В. Сухова¹¹.

В настоящее время работа межрегиональных природоохранных прокуратур в части непосредственного осуществления надзора за исполне-

нием природоохранного и природоресурсного законодательства функционально подчинена Главному управлению по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры РФ, в котором создано управление по надзору за исполнением законодательства в экологической сфере. По вопросам обеспечения участия прокуроров в судах и международного взаимодействия функциональное подчинение осуществляется соответствующим профильным управлением Генеральной прокуратуры наравне с прокуратурами субъектов. Указанная система в существующих условиях деятельности межрайонных природоохранных прокуратур как в структуре прокуратур субъектов, так и в составе приравненных к ним межрегиональных природоохранных прокуратур оптимальна по причине необходимости комплексной оценки эффективности принимаемых мер и консолидации усилий прокуратур, реализующих надзорные полномочия в экологических правоотношениях. Выделение межрегиональных природоохранных прокуратур в самостоятельную структуру до решения вопроса о переподчинении межрайонных прокуратур, действующих в составе прокуратур субъекта, осложнит обмен информацией, взаимодействие на местах, а также анализ деятельности прокуратуры и достигнутых результатов как единой федеральной централизованной системы органов и организаций.

Бассейновый принцип заложен и в правовой режим охраны водных объектов, имеющих особую природную и иную ценность. По водосборной площади озера Байкал сформирована Байкальская природная территория, а его водоохранная зона в границах, определенных до 2018 г., составляла территорию наиболее строгого режима и совпадала территориально

⁸ Агеев А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук М., 1998.

⁹ Орловская И. В. Указ. соч. С. 189.

¹⁰ Демичев А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры // Экологическое право. 2018. № 3. С. 17–19.

¹¹ Жукова П. Д. Природоохранные прокуратуры в системе публичной власти // Законность. 2024. № 4. С. 26–30 ; Григорьева М. В., Маслова О. Ю., Матвеева П. М. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства // Аграрное и земельное право. 2019. № 12. С. 197–199 ; Куницына Е., Сухов В. Надзор за исполнением лесного законодательства // Законность. 2023. № 4. С. 12–14.

с границей объекта всемирного природного наследия и центральной экологической зоны. В обозначенных границах установлен запретительный режим на осуществление деятельности, способной оказать негативное влияние на экосистему озера, основанный на принципах приоритета видов деятельности, не приводящих к нарушению уникальной экологической системы озера, и обязательности государственной экологической экспертизы. Правовой режим бассейна озера Байкал включает установление специальных нормативов предельно допустимого воздействия на уникальную экологическую систему озера, прилегающую к нему территорию и поверхностные водные объекты, имеющие постоянную или временную гидравлическую связь с озером Байкал¹².

Как отмечает И. О. Краснова, бассейновый подход является базовым и в формировании, развитии международного сотрудничества¹³. В настоящее время бассейны 70 крупных и средних рек нашей страны — трансграничные. По рекам, озерам и морям проходит более 40 тыс. км государственной границы. Федеральное агентство водных ресурсов реализует девять межправительственных соглашений, основанных на принципах добрососедского, справедливого использования трансграничных вод с прибрежными странами. Накопленный Россией опыт позволяет сделать вывод об исключительной важности и эффективности международного сотрудничества для защиты и охраны трансграничных водотоков¹⁴. Комплексные договоры России охватывают водные объекты, пересекающие границы соседних государств,

устанавливают основные правила их совместного использования и охраны.

Стоит упомянуть эффективное международное сотрудничество в рамках соглашений с Казахстаном, Монголией, Беларусью и Китайской Народной Республикой. Действующий с 2020 г. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве с Монголией является многоаспектным, регулирующим сферы энергетики и информационных технологий, науки и техники, культуры, санитарно-эпидемиологического благополучия, экологии и др. В соответствии с его положениями стороны развивают сотрудничество в области охраны окружающей среды, природного наследия, обеспечения экологической безопасности, справедливого рационального использования пограничных водотоков и предотвращения трансграничных загрязнений, оказывают друг другу содействие в предотвращении и ликвидации последствий экологических кризисов, стихийных бедствий и промышленных аварий на их территориях, а также взаимную помощь при возникновении чрезвычайных ситуаций, вызванных природными и техногенными факторами и создающих угрозу для жизнедеятельности населения¹⁵. Сотрудничество реализуется и между органами прокуратуры Российской Федерации и Монголии. Проводятся встречи генеральных прокуроров государств, действует рабочая группа по обмену информацией об экологических правонарушениях и преступлениях, сформированная в рамках программы сотрудничества между Генеральной прокуратурой РФ и Генеральной прокуратурой Монголии по во-

¹² Приказ Минприроды России от 21.02.2020 № 83 «Об утверждении нормативов предельно допустимых воздействий на уникальную экологическую систему озера Байкал и перечня вредных веществ, в том числе веществ, относящихся к категориям особо опасных, высокоопасных, опасных и умеренно опасных для уникальной экологической системы озера Байкал» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 23.04.2020 (дата обращения: 14.09.2024).

¹³ Краснова И. О. Суверенитет России на трансграничные реки // Экологическое право. 2024. № 2. С. 25–31.

¹⁴ Выступление руководителя Росводресурсов Д. М. Кириллова на Конференции ООН по водным ресурсам // URL: https://russiaun.ru/ru/news/con_230323 (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁵ Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/565307846> (дата обращения: 14.09.2024).

просам правовой защиты окружающей среды в районе реки Селенги и озера Байкал. Третье заседание рабочей группы состоялось 5 июня 2023 г. Стороны обменялись опытом надзорной деятельности в экологической сфере, в том числе охраны атмосферного воздуха, вод и водных биологических ресурсов, профилактики и противодействия правонарушениям и преступлениям в области лесопользования, возмещения вреда, причиненного компонентам природной среды¹⁶. Сотрудники органов прокуратуры Монголии проходят обучение организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране озера Байкал на базе Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ. Всё это позволяет обмениваться опытом и повышать эффективность принимаемых мер по предотвращению загрязнения трансграничных водотоков без вмешательства в непосредственное внутригосударственное управление водными ресурсами.

Развивается и такое направление, как создание трансграничных резерватов. В 1994 г. был создан тройственный российско-китайско-монгольский трансграничный заповедник под названием «Даурия». Этот объект включает в себя российский государственный биосферный заповедник «Даурский», расположенный в Читинской области, китайский национальный биосферный заповедник «Далайнор» в провинции Внутренняя Монголия и монгольский заповедник «Монгол дагуур» в аймаке Дорнод. Более 10 лет существует российско-монгольский трансграничный заповедник «Убсунурская котловина». Он включен в Список всемирного природного наследия и объединяет территории российского государственного биосферного заповедника «Убсунурская котловина», основанного 24 января 1993 г. в Республике Тыва, и монгольского государственного биосферного резервата «Увс-Нуур»¹⁷.

Вместе с тем вопросы проведения водохозяйственных мероприятий, совместной оценки воздействия на водные объекты планируемых к строительству объектов, правил ведения водного хозяйства, выполняемых каждым государством на своей территории, нуждаются в более детальном регулировании, что детерминирует перспективы развития международного сотрудничества. В настоящее время на международных научных площадках обсуждается возможное создание Байкальского трансграничного биосферного заповедника в целях сохранения уникальной экологической системы озера Байкал и закрепления обязательности оценки влияния на нее планируемых объектов, строительство и введение в эксплуатацию которых способно негативно воздействовать на природу. Целесообразность такого развития российско-монгольских отношений приобретает особое значение в условиях планируемого Монголией строительства системы ГЭС, переброса воды из притоков реки Селенги как основного притока Байкала в пустыню Гоби для реализации горнорудных проектов на юге Монголии в рамках проекта «Синий конь».

Влияние бассейнового принципа как на международной арене, так и в правовом регулировании внутри государства, безусловно, в историческом разрезе доказало свою целесообразность и эффективность. Данный подход обеспечивает многомерную оценку использования водных объектов и влияния на их состояние человеческой деятельности.

В российской правовой системе на основе данного принципа закладывается система планирования водохозяйственных мероприятий. Такое планирование обеспечивается в рамках разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны водных ресурсов (далее — схема, СКИОВО). Научная обоснованность и учет региональных потребностей при разработке СКИОВО обеспечивают деятельность

¹⁶ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=88189391> (дата обращения: 04.04.2024).

¹⁷ Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/Rossiia_i_mongoliya_sozdadut_novye_transgranichnye_osobo_okhranyaemye_prirodnye_territorii (дата обращения: 14.09.2024).

бассейновых советов, вырабатывающих рекомендации, учитываемые в том числе при установлении целевых показателей качества воды в водных объектах, формировании перечня водохозяйственных мероприятий, определении лимитов изъятия водных ресурсов и лимитов сброса сточных вод. Грамотная и последовательная деятельность по их разработке призвана обеспечить достижение целевых показателей уменьшения последствий негативного воздействия вод и оздоровления водных объектов.

В состав бассейновых советов включаются представители федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также представители водопользователей, общественных объединений и общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ¹⁸. От федеральных органов исполнительной власти в бассейновый совет включаются представители Федерального агентства водных ресурсов, Федерального агентства по недропользованию, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федерального агентства морского и речного транспорта, Федерального агентства по рыболовству, Министерства энергетики РФ, Федеральной службы по надзору в сфере транспорта и Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору.

Бассейновые советы длительное время исполняли функции координационных органов, а их рекомендации подлежали обязательному учету при принятии важнейших управленческих решений¹⁹.

Действующее законодательство существенно ослабило влияние указанного органа на принятие комплексных решений в пределах бассейна, куда входят разные субъекты РФ, как и влияние самих схем. Федеральное агентство

водных ресурсов не обязано учитывать рекомендации бассейновых советов и наделено полномочиями по внесению изменений в проекты СКИОВО.

С другой стороны, растущие проблемы, связанные с ухудшающимся состоянием водных объектов, показывают необходимость координации органов, занимающихся управлением водными ресурсами; установления научно обоснованного природоохранного режима для разных категорий водных объектов; сокращения антропогенного воздействия на водные объекты и их водосборные территории; предотвращения деградации водотоков; защиты и профилактики загрязнения подземных водных объектов, а также функционирования эффективной системы государственного контроля и надзора за соблюдением водного законодательства в целях обеспечения бесконечного водопользования.

В современном водном законодательстве схемам комплексного использования и охраны водных объектов отведена значительная роль в регулировании водных отношений. Данными схемами определяются необходимые гидрологические ограничения и параметры водопользования с учетом прогнозов водохозяйственной обстановки и социально-экономического развития России на перспективу. Обязательность разработки СКИОВО и их эффективная реализация способны повысить гарантии сохранения качества вод, защиты населения от негативного воздействия вод.

Однако существующее положение дел показывает распространенность случаев неисполнения заложенных в схемы мероприятий. Причины — недостаточность бюджетных средств, недочеты в работе системы надзора и оценке эффективности реализации мероприятий.

Данные выводы подтверждает и анализ судебной практики по искам о признании бездействия должностных лиц, выразившегося в неисполнении мероприятий, включенных в СКИОВО. Возможность достижения целевых

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 30.11.2006 № 727 «О порядке создания и деятельности бассейновых советов» // СЗ РФ. 2006. № 49 (ч. 2). Ст. 5224.

¹⁹ Боголюбов С. А., Кичигин Н. В., Пономарев М. В. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2007. С. 124.

показателей деятельности по охране вод обеспечивается прокурором путем судебного понуждения органов к исполнению предусмотренных СКИОВО мероприятий, а по ряду исков — к корректировке СКИОВО и мероприятий, невозможных к реализации в связи с изменением гидрологической обстановки региона в результате масштабных паводков.

Средствами судебной защиты публичных прав прокурорами Братской, Западно-Байкальской и Ангарской межрайонных природоохранных прокуратур, действующих в структуре Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры, региональное Министерство природных ресурсов и экологии понуждалось к выполнению мероприятий, включенных в схему. Основанием иска послужили факты невыполнения мероприятий в установленные схемой периоды²⁰. Сходные судебные акты вынесены и в отношении иных водных объектов Ангаро-Байкальского бассейна²¹. Выявленные факты длительного неисполнения предусмотренных этой схемой мероприятий не только негативно

сказывались на состоянии водных объектов, но и влияли на критерии защищенности населения от воздействия вод.

Из вышеизложенного следует вывод о необходимости усиления координирующей функции советов на уровне бассейновых округов, что, безусловно, достижимо посредством участия межрегиональных природоохранных прокуратур в деятельности бассейновых советов. Такое участие усилит их роль, даст возможность в превентивном порядке оценивать обоснованность включаемых в схемы мероприятий, в рамках осуществляемого надзора за исполнением закона устанавливать объективность обстоятельств, по которым указанные мероприятия не выполняются, и принимать соответствующие меры по защите публичных интересов.

Участие в бассейновых советах позволит обеспечить системный сбор и анализ сведений, характеризующих состояние законности в сфере использования и охраны водных объектов, повысить эффективность превентивных мер, добиться снижения негативного воздействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агеев А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук — М., 1998. — 170 с.
2. Амашукели С. А. Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 3 (136). — С. 177–187.
3. Боголюбов С. А., Кичигин Н. В., Пономарев М. В. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М., 2007. — 312 с.
4. Григорьева М. В., Маслова О. Ю., Матвеева П. М. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 12. — С. 197–199.
5. Демичев А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры // Экологическое право. — 2018. — № 3. — С. 17–19.

²⁰ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2024 № 88а-4913/2024 ; кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 № 88а-16415/2021 ; кассационные определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 88А-16522/2021 по делу № 2а-990/2020 ; от 09.09.2021 № 88А-15441/2021 ; от 22.09.2021 № 88а-16166/2021 по делу № 2а-437/2020 ; от 12.08.2021 № 88А-12886/2021 ; апелляционное определение Иркутского областного суда от 07.06.2023 № 33а-3025/2023 // ГАС «Правосудие».

²¹ Кассационные определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 88А-16522/2021 по делу № 2а-990/2020 ; от 09.09.2021 № 88А-15441/2021 ; от 22.09.2021 № 88а-16166/2021 по делу № 2а-437/2020 ; от 12.08.2021 № 88А-12886/2021, апелляционное определение Иркутского областного суда от 07.06.2023 № 33а-3025/2023 // ГАС «Правосудие».

6. Долженко В. А. Бассейновый подход как особенность управления в области использования и охраны водных объектов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 8-1 (14). — С. 81–83.
7. Жукова П. Д. Природоохранные прокуратуры в системе публичной власти // Законность. — 2024. — № 4. — С. 26–30.
8. Колбасов О. С. Избранное. — М. : РГУП, 2017. — 620 с.
9. Краснова И. О. Суверенитет России на трансграничные реки // Экологическое право. — 2024. — № 2. — С. 25–31.
10. Куницына Е., Сухов В. Надзор за исполнением лесного законодательства // Законность. — 2023. — № 4. — С. 12–14.
11. Орловская И. В. Система специализированных природоохранных прокуратур РФ: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 1. — С. 180–192.
12. Сиваков Д. О. Водное право : учебно-практическое пособие. — М. : Юстицинформ, 2007. — 264 с.

Материал поступил в редакцию 14 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ageev A. A. Prirodookhrannaya deyatel'nost organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk — M., 1998. — 170 s.
2. Amashukeli S. A. Razvitie tsifrovizatsii v sfere ispol'zovaniya i okhrany vodnykh obektov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — Т. 17. — № 3 (136). — С. 177–187.
3. Bogolyubov S. A., Kichigin N. V., Ponomarev M. V. Kommentariy k Vodnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy). — M., 2007. — 312 s.
4. Grigoreva M. V., Maslova O. Yu., Matveeva P. M. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem ekologicheskogo zakonodatel'stva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. — 2019. — № 12. — С. 197–199.
5. Demichev A. A. Prirodookhrannaya deyatel'nost organov prokuratury // Ekologicheskoe pravo. — 2018. — № 3. — С. 17–19.
6. Dolzhenko V. A. Basseynovyy podkhod kak osobennost upravleniya v oblasti ispol'zovaniya i okhrany vodnykh obektov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — 2011. — № 8-1 (14). — С. 81–83.
7. Zhukova P. D. Prirodookhrannye prokuratury v sisteme publichnoy vlasti // Zakonnost. — 2024. — № 4. — С. 26–30.
8. Kolbasov O. S. Izbrannoe. — M.: RGUP, 2017. — 620 s.
9. Krasnova I. O. Suverenitet Rossii na transgranichnye reki // Ekologicheskoe pravo. — 2024. — № 2. — С. 25–31.
10. Kunitsyna E., Sukhov V. Nadzor za ispolneniem lesnogo zakonodatel'stva // Zakonnost. — 2023. — № 4. — С. 12–14.
11. Orlovskaya I. V. Sistema spetsializirovannykh prirodookhrannykh prokuratur RF: istoricheskie, organizatsionno-pravovye aspekty i printsipy ee formirovaniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — Т. 28. — № 1. — С. 180–192.
12. Sivakov D. O. Vodnoe pravo: uchebno-prakticheskoe posobie. — M.: Yustitsinform, 2007. — 264 s.

Подготовка квалифицированных кадров как важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета в Российской Федерации: правовые механизмы и стратегия развития высшего образования

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что современные вызовы требуют пересмотра традиционных подходов к правовому регулированию технологической сферы, создания гибких механизмов, способных обеспечить технологический суверенитет без изоляции от мирового прогресса. Подчеркивается, что важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета — подготовка квалифицированных кадров, способных работать в условиях цифровой экономики. Трансформация рынка труда, связанная с автоматизацией и появлением новых профессий, требует существенной модернизации системы высшего образования и профессиональной подготовки. В юридической сфере это проявляется в возникновении новых специализаций и необходимости формирования у юристов междисциплинарных компетенций. Отмечается, что обеспечение технологического суверенитета России требует комплексного подхода к правовому регулированию, охватывающего вопросы научно-технологического развития, подготовки кадров, модернизации рынка труда и международного сотрудничества.

Ключевые слова: подготовка квалифицированных кадров; технологический суверенитет; трансформация рынка труда; цифровая экономика; занятость населения; образование; высшее образование; юридическое образование; компетенции; междисциплинарные компетенции.

Для цитирования: Ручкина Г. Ф. Подготовка квалифицированных кадров как важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета в Российской Федерации: правовые механизмы и стратегия развития высшего образования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 157–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.157-165.

© Ручкина Г. Ф., 2025

* Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва, Российская Федерация, 125167
gruchkina@fa.ru

Training Qualified Personnel as a Key Condition for Ensuring Technological Sovereignty in the Russian Federation: Legal Mechanisms and Higher Education Development Strategy

Gulnara F. Ruchkina, Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
gruchkina@fa.ru

Abstract. The article emphasizes that modern challenges require a revision of traditional approaches to the legal regulation of the technological sphere and the creation of flexible mechanisms capable of ensuring technological sovereignty without isolation from global progress. It highlights that the most important condition for achieving technological sovereignty is the training of qualified personnel capable of working in a digital economy. The transformation of the labor market, driven by automation and the emergence of new professions, necessitates a significant modernization of higher education and vocational training systems. In the legal field, this is reflected in the rise of new specializations and the need for lawyers to develop interdisciplinary competencies. The paper notes that ensuring Russia's technological sovereignty requires a comprehensive approach to legal regulation, encompassing issues of scientific and technological development, personnel training, labor market modernization, and international cooperation.

Keywords: training of qualified personnel; technological sovereignty; labor market transformation; digital economy; employment; education; higher education; legal education; competencies; interdisciplinary competencies.

Cite as: Ruchkina GF. Training Qualified Personnel as a Key Condition for Ensuring Technological Sovereignty in the Russian Federation: Legal Mechanisms and Higher Education Development Strategy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):157-165. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.157-165.

Современные технологические достижения трансформировались из фактора экономического роста в стратегический элемент национальной безопасности. Цифровая революция, развитие искусственного интеллекта и биотехнологий создали новую геополитическую реальность, где технологическое лидерство определяет глобальное влияние. Это расширило традиционное понимание суверенитета, включив в него технологическую автономию, контроль над критической инфраструктурой и цифровую безопасность.

Концепт технологического суверенитета

В современной научной дискуссии отсутствует консенсус относительно содержания понятия «технологический суверенитет». Эта категория остается предметом дискуссий в силу различий в национальных подходах, экономических моделях и геополитических условиях¹. В обстановке глобальных вызовов технологический суверенитет всё чаще воспринимается как важный компонент национальной безопасности, предполагающий сбалансированное сочетание государственного регулирования и рыночных механизмов².

Зарубежные подходы демонстрируют существенные различия в терминологии и содержании. Западные страны чаще используют концеп-

¹ Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 80.

² Избулатов Х. Х. Экономический суверенитет России в условиях нового геополитического порядка: юридические формы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

цию «технологическое лидерство»³, акцентируя контроль над стандартами и механизмы технологического сдерживания. В то же время в ЕС развивается собственная модель технологического суверенитета, отражающая стремление к стратегической автономии⁴.

В российской правовой доктрине технологический суверенитет рассматривается как неотъемлемая часть государственного суверенитета наряду с политической и экономической составляющими. Современные исследователи трактуют его:

— как уровень научно-технологической независимости при реализации национальных интересов (А. А. Афанасьев)⁵;

— обладание инновационными разработками в ключевых технологических секторах (А. Р. Белоусов)⁶;

— способность национальной экономики обеспечивать население собственной продукцией при сохранении сбалансированного внешне-торгового обмена (В. К. Фальцман)⁷;

— способность государства обеспечивать себя критически важными технологиями, сохраняя при этом экономическую устойчивость⁸.

Некоторые исследователи определяют современные императивы технологического суверенитета России⁹.

В российских официальных документах термин «технологический суверенитет» впервые появился еще в 1992 г. в контексте обеспечения информационной безопасности¹⁰. Однако его современное значение сформировалось в ответ на санкционное давление, когда произошел концептуальный переход от импортозамещения к созданию собственных конкурентоспособных технологий.

Правовое содержание этого понятия раскрыто в стратегических документах последних лет. Согласно постановлению Правительства от 15.04.2023 № 603¹¹ технологический суверенитет предполагает развитие 13 приоритетных отраслей — от авиастроения до железнодорожного машиностроения. Концепция технологи-

³ См., например: Global Technology Leadership Act 118th Congress (2023–2024) // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1873> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ См., например: *Edler J. Technology sovereignty of the EU: Needs, concepts, pitfalls and ways forward* // URL: <https://publica.fraunhofer.de/entities/publication/f58a4a81-caf1-4590-a1ba-d4aeae7c9b95> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ *Афанасьев А. А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания* // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394.

⁶ URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/belousov-tehnologicheskaya-politika-18072022>.

⁷ *Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения* // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 83–91.

⁸ *Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития Российской экономики* // Вестник ПАГС. 2022. Т. 22. № 5. С. 12–22.

⁹ *Гусева Д. А. Развитие инновационной активности промышленного комплекса России на основе цифровизации как фактора обеспечения технологического суверенитета* : дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2024. С. 49–50.

¹⁰ Распоряжение Президента РФ от 20.07.1992 № 385-рп «Вопросы Информационно-аналитического центра Администрации Президента Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 30 июля. № 30. Ст. 1830.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам техно-

ского развития до 2030 года¹² определяет его как наличие критических и сквозных технологий под национальным контролем, позволяющих реализовывать стратегические цели развития.

Можно выделить три ключевых аспекта технологического суверенитета: научно-технологический — собственные компетенции в передовых отраслях; производственный — способность создавать высокотехнологичную продукцию; организационный — кооперация государства, бизнеса и научного сообщества.

Особое значение имеют *критические технологии* (обеспечивающие безопасность и экономическую стабильность) и *сквозные технологии* (формирующие новые рынки). К ним относятся квантовые технологии, биотехнологии, искусственный интеллект и блокчейн, определяющие облик экономики на ближайшие 10–15 лет. Важно подчеркнуть, что российская модель технологического суверенитета не подразумевает изоляции, а ориентирована на международное сотрудничество с дружественными странами, сочетая защиту национальных интересов с интеграцией в глобальные инновационные процессы.

Концепция технологического развития России предусматривает принципиально новые подходы к формированию технологического суверенитета в условиях ограниченных ресурсов. Это требует создания комплексной системы приоритетов, охватывающей все этапы — от фундаментальных исследований до коммерциализации технологий.

Важнейшими элементами новой модели становятся современные формы субъектов технологического развития:

- интегрированные технологические объединения, сочетающие образовательную, научную и производственную базы;
- научно-образовательные консорциумы для реализации масштабных проектов;
- малые инновационные предприятия;
- профессиональные посредники в сфере трансфера технологий.

Для их эффективной работы необходимо формирование соответствующей институциональной среды, включающей: центры коллективного пользования исследовательской инфраструктурой, механизмы государственно-частного партнерства, институт квалифицированного заказчика технологических решений, цифровые платформы сетевого взаимодействия, совершенствование правового регулирования интеллектуальной собственности.

Достижение технологического суверенитета предполагает решение двух стратегических задач: обеспечение паритета в критических технологиях, достижение лидерства в сквозных технологиях.

На первый план выходит развитие ключевых направлений, включая искусственный интеллект, биотехнологии, нанотехнологии и космические технологии, а также цифровой инфраструктуры. В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145¹³ важнейшую роль играет интеграция науки и образования, обеспечивающая подготовку квалифицированных кадров для технологического развития страны.

Таким образом, обеспечение технологического суверенитета требует комплексного подхода, сочетающего развитие научно-технологического потенциала с совершенствованием правовых и организационных механизмов его реализации.

логического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 3141.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

¹³ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

Подготовка кадров для технологического суверенитета России

Современные вызовы технологического развития нуждаются в переосмыслении подходов к правовому регулированию высшего образования и профессиональной подготовки. Принятие Национальной технологической инициативы¹⁴ и документов стратегического планирования по развитию цифровой экономики¹⁵, а также информационного общества¹⁶ поставило перед правовой системой задачу создания адекватных условий для формирования новой образовательной среды.

Четвертая промышленная революция, характеризующаяся внедрением искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей и других прорывных технологий, трансформирует требования к профессиональным компетенциям. Огромное значение приобретает развитие юридического образования, которое должно учитывать технологические изменения во всех сферах социально-экономической деятельности.

Национальные цели развития России до 2036 года, среди прочего, предусматривают: формирование технологического лидерства, цифровую трансформацию экономики и управления, создание условий для реализации потенциала каждого человека¹⁷.

Технологические изменения кардинально преобразуют структуру рынка труда. Широкое внедрение искусственного интеллекта обуславливает сокращение спроса на специалистов, выполняющих рутинные операции, одновременно повышая значимость высококвалифицированного интеллектуального труда и творческих профессий. Эти изменения приводят к необходимости пересмотра подходов к юридическому образованию, которое должно учитывать новые технологические реалии.

Государственная система мониторинга профессионально-квалификационных изменений включает:

- ведение реестров перспективных профессий (в 2022 г. перечень расширен до 63 позиций для среднего профессионального образования)¹⁸;
- разработку профессиональных и образовательных стандартов¹⁹;
- создание профориентационных ресурсов, включая «Атлас новых профессий»²⁰.

Главными участниками этого процесса выступают: государственные органы (Минтруд, Минобрнауки); объединения работодателей и профсоюзов; специализированные агентства развития квалификаций.

Возрастает значение формирования междисциплинарных компетенций, сочетающих

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317 (ред. от 29.10.2024) «О реализации Национальной технологической инициативы» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2413.

¹⁵ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. 11 мая. № 100.

¹⁸ Приказ Минтруда России от 30.12.2022 № 831 «Об утверждении списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования» // Официальные документы в образовании. 2023. Март. № 9.

¹⁹ URL: <https://mintrud.gov.ru/videobank/627> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁰ Например, см.: письмо Минобрнауки России от 02.02.2016 № ВК-163/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями по подготовке и организации профессионального ориентирования обучающихся с инвалидностью и ОВЗ в инклюзивных школах) // Вестник образования России. 2016. Апрель. № 8.

профессиональные знания с цифровыми навыками. Согласно прогнозам, к 2030 г. появится 186 новых профессий²¹, что требует создания гибкой системы правового регулирования: образовательных стандартов, программ переподготовки, механизмов взаимодействия образования и бизнеса.

Ранее американским экономистом Д. Аутором анализировались данные о занятости в отраслях промышленности США с 1980 по 2005 г. с учетом квалификации работников и отмечалось, что работники средней квалификации, выполнявшие шаблонные действия, прежде всего подвержены рискам увольнения вследствие автоматизации. Из составленной им диаграммы (так называемой *кривой Аутора*) следует, что в связи с автоматизацией наблюдается преимущественная занятость низко- и высококвалифицированных работников наряду со снижением уровня занятости работников средней квалификации.

Современные исследования рынка труда демонстрируют устойчивую тенденцию: автоматизация в первую очередь затрагивает специалистов средней квалификации, выполняющих шаблонные операции. Этот феномен, известный в экономической науке, находит свое отражение и в юридической сфере, где технологические изменения создают новые профессиональные ниши и трансформируют традиционные формы юридической практики.

Перспективные направления юридической деятельности включают:

- сетевого юриста (регулирование правоотношений в цифровой среде);
- специалиста по защите виртуальной собственности;
- виртуального адвоката (удаленное юридическое сопровождение)²².

При этом традиционные юридические профессии (юрисконсульты, нотариусы) не исчезнут, но существенно трансформируются под влиянием: цифровых юридических сервисов,

электронных документооборота и подписи, автоматизированных систем правового анализа²³.

Важнейшими компетенциями юриста будущего станут: системное и междисциплинарное мышление, навыки работы с большими данными и ИИ-системами, управление цифровыми проектами, понимание кросс-культурных и межюрисдикционных аспектов.

Особую значимость приобретают способности юристов: адаптировать традиционные правовые институты к цифровой среде, обеспечивать правовое сопровождение новых технологических решений, работать на стыке различных отраслей права и технологий.

Эти изменения требуют пересмотра подходов к юридическому образованию и профессиональной подготовке в контексте обеспечения технологического суверенитета России. Юридическое сообщество должно активно участвовать в формировании правовых рамок цифровой трансформации, сохраняя при этом фундаментальные принципы права.

Регулирование занятости населения в условиях технологического суверенитета

Современные вызовы технологической трансформации требуют переосмысления правовых подходов к регулированию рынка труда. Конституционные положения (ст. 7, 34, 35, 37) создают баланс между экономической свободой предпринимательства и социальными гарантиями трудовых прав, что особенно важно в условиях цифровой трансформации экономики.

Ключевые аспекты правового регулирования:

1. Конституционные гарантии: право на свободное использование способностей для предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34); защита права собственности (ч. 4 ст. 35); социальные гарантии трудовых прав (ст. 37, ч. 5–7 ст. 75).
2. Законодательные новации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости

²¹ Атлас новых профессий (первая редакция). М., 2014. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf.

²² Атлас новых профессий. С. 83, 123.

²³ Атлас новых профессий. С. 151, 153.

населения в Российской Федерации»²⁴, вступивший в силу с 1 января 2024 г.; обновленное определение занятости как деятельности, направленной на получение дохода; программы региональной мобильности трудовых ресурсов.

3. Институциональные механизмы: разработка прогнозов баланса трудовых ресурсов; государственная программа «Содействие занятости населения»; региональные программы повышения мобильности (в г. Москве с 2020 г. действует Порядок разработки прогноза баланса трудовых ресурсов, в том числе прогноза потребности в привлечении иностранных работников по отдельным видам экономической деятельности, утвержденный постановлением Правительства Москвы от 15.09.2020 № 1512-ПП²⁵).

Важную роль играют вопросы адаптации трудового законодательства к вызовам цифровой экономики: разработки механизмов компенсации последствий автоматизации, создания системы опережающего профессионального обучения, правового регулирования новых форм занятости, баланса между внедрением инноваций и защитой трудовых прав.

В условиях относительно низкого уровня роботизации в России (один робот на 1 тыс. работников против 69 в мире²⁶) актуальны:

- развитие программ переквалификации,
- стимулирование предпринимательской инициативы,
- поддержка творческих индустрий,
- регулирование нестандартных форм занятости.

Регулирование труда в условиях технологической трансформации: международный контекст и национальные приоритеты

В контексте Целей устойчивого развития ООН на период до 2030 года особая значимость придается задаче обеспечения устойчивого экономического роста, полной занятости и достойных условий труда²⁷. Международная организация труда акцентирует внимание на необходимости формирования нового общественного договора, который гарантировал бы работникам справедливое распределение преимуществ технологического прогресса при условии защиты их фундаментальных прав²⁸.

Современные тенденции «Индустрии 4.0» выдвигают на первый план три направления правового регулирования:

- 1) развитие человеческого капитала через систему непрерывного образования, позволяющего адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда. Это предполагает создание правовых механизмов обеспечения всеобщего доступа к профессиональному развитию на протяжении всей трудовой карьеры;
- 2) модернизацию институтов рынка труда, включая установление универсальных трудовых гарантий независимо от формы занятости. Особое значение приобретает принцип человеческого контроля над искусственным интеллектом и установление алгоритмической ответственности в трудовых отношениях;
- 3) формирование правовых основ для управления технологическим переходом. Прогнозируе-

²⁴ СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

²⁵ Постановление Правительства Москвы от 15.09.2020 № 1512-ПП «Об утверждении Порядка разработки прогноза баланса трудовых ресурсов города Москвы, в том числе прогноза потребности в привлечении иностранных работников по отдельным видам экономической деятельности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. 22 сент. № 53.

²⁶ Роботы не приживаются на российских заводах (Россия потребляет 0,25 % мирового рынка промышленных роботов) // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁷ Цели в области устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 12.12.2024).

²⁸ Работать ради лучшего будущего / Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

мая поэтапная автоматизация (к 2025 г. — частичная, к 2035 г. — значительная, к 2050 г. — потенциально полная в традиционных отраслях) требует разработки: стандартов организации гибридного труда (человек-робот); ограничений автономности автоматизированных систем; механизмов профессиональной мобильности; гарантий защиты работников от технологических рисков²⁹.

Для эффективного правового регулирования необходимо систематическое мониторинговое сопровождение технологических изменений на рынке труда. Сбор и анализ данных о структурных сдвигах в занятости должен лечь в основу научно обоснованной государственной политики, учитывающей как отраслевую, так и региональную специфику. Тем самым актуальность приобретает разработка комплексного нормативного правового обеспечения, которое, с одной стороны, стимулировало бы технологическую модернизацию экономики, а с другой — гарантировало социальную защищенность работников в условиях цифровой трансформации.

Заключение

Современные геополитические реалии и технологические вызовы требуют переосмысления традиционных подходов к пониманию государственного суверенитета, который теперь неизбежно включает технологическую автономию как ключевой элемент национальной безопасности. Российский опыт последних лет наглядно продемонстрировал уязвимость технологической зависимости и необходимость формирования собственной научно-технологической базы.

Концепция технологического суверенитета, закрепленная в стратегических документах РФ, представляет собой комплексную систему, состоящую из трех взаимосвязанных компонентов: развития критических и сквозных технологий, создания современной производственной базы и формирования эффективных механизмов взаимодействия между государством, бизнесом и научным сообществом. Особое значе-

ние приобретает правовое регулирование таких перспективных направлений, как искусственный интеллект, квантовые технологии, биотехнологии и цифровая инфраструктура. При этом российская модель технологического суверенитета, не предполагая изоляции от глобальных процессов, должна обеспечивать защиту национальных интересов в условиях усиления технологической конкуренции.

Важнейшая предпосылка обеспечения технологического суверенитета — подготовка квалифицированных кадров, способных работать в условиях цифровой экономики. Трансформация рынка труда, связанная с автоматизацией и появлением новых профессий, требует существенной модернизации системы высшего образования и профессиональной подготовки. В юридической сфере это проявляется в возникновении новых специализаций (сетевой юрист, специалист по защите виртуальной собственности) и необходимости формирования у юристов междисциплинарных компетенций.

Правовое регулирование занятости на фоне технологической трансформации должно обеспечивать баланс между стимулированием инноваций и защитой трудовых прав. Конституционные гарантии, закрепленные в российском законодательстве, являются основой для такого баланса. Повышается актуальность вопросов адаптации трудового законодательства к новым реалиям, включая регулирование гибридных форм труда, разработку механизмов профессиональной мобильности и создание системы непрерывного образования.

Важно, что для обеспечения технологического суверенитета России необходим комплексный подход к правовому регулированию, охватывающий вопросы научно-технологического развития, подготовки кадров, модернизации рынка труда и международного сотрудничества. Дальнейшее развитие правовой доктрины в этой сфере должно быть направлено на разработку гибких механизмов, способных обеспечить технологическую независимость страны при сохранении ее интеграции в глобальные инновационные процессы.

²⁹ Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев А. А.* «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12. — № 9. — С. 2377–2394.
2. *Гусева Д. А.* Развитие инновационной активности промышленного комплекса России на основе цифровизации как фактора обеспечения технологического суверенитета : дис. ... канд. экон. наук. — Самара, 2024. — 187 с.
3. *Избулатов Х. Х.* Экономический суверенитет России в условиях нового геополитического порядка: юридические формы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2007. — 161 с.
4. *Константинов И. Б., Константинова Е. П.* Технологический суверенитет как стратегия будущего развития Российской экономики // Вестник ПАГС. — 2022. — Т. 22. — № 5. — С. 12–22.
5. *Фальцман В. К.* Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. — 2018. — № 3 (82). — С. 83–91.
6. Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
7. *Янковская Е. С.* Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2022. — № 4 (84). — С. 76–81.
8. *Edler J.* Technology sovereignty of the EU: Needs, concepts, pitfalls and ways forward // URL: <https://publica.fraunhofer.de/entities/publication/f58a4a81-caf1-4590-a1ba-d4aeae7c9b95> (дата обращения: 12.12.2024).

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Afanasev A. A.* «Tekhnologicheskij suverenitet» kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya // Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. — 2022. — T. 12. — № 9. — S. 2377–2394.
2. *Guseva D. A.* Razvitie innovatsionnoy aktivnosti promyshlennogo kompleksa Rossii na osnove tsifrovizatsii kak faktora obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta: dis. ... kand. ekon. nauk. — Samara, 2024. — 187 s.
3. *Izbulatov Kh. Kh.* Ekonomicheskij suverenitet Rossii v usloviyakh novogo geopoliticheskogo poryadka: yuridicheskie formy realizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2007. — 161 s.
4. *Konstantinov I. B., Konstantinova E. P.* Tekhnologicheskij suverenitet kak strategiya budushchego razvitiya Rossiyskoy ekonomiki // Vestnik PAGS. — 2022. — T. 22. — № 5. — S. 12–22.
5. *Faltsman V. K.* Tekhnologicheskie suverenitety Rossii. Statisticheskie izmereniya // Sovremennaya Evropa. — 2018. — № 3 (82). — S. 83–91.
6. *Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii: monografiya* / N. V. Antonova, S. B. Balkhaeva, Zh. A. Gaunova [i dr.]; отв. red. Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. — M.: Prospekt, 2019. — 240 s.
7. *Yankovskaya E. S.* Tekhnologicheskij suverenitet Rossii: ponyatie, sushchnost, strategiya i puti ee realizatsii // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. — 2022. — № 4 (84). — S. 76–81.
8. *Edler J.* Technology sovereignty of the EU: Needs, concepts, pitfalls and ways forward // URL: <https://publica.fraunhofer.de/entities/publication/f58a4a81-caf1-4590-a1ba-d4aeae7c9b95> (data obrashcheniya: 12.12.2024).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

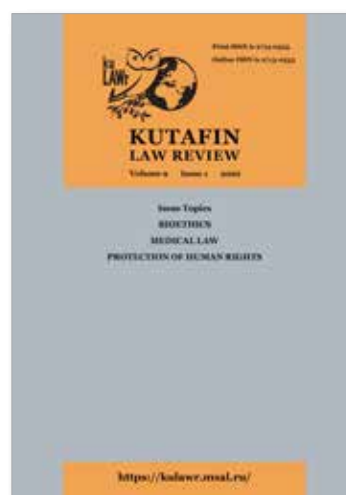
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 6 (175) июнь 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002